

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

К 250-летию Московского университета

СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ
Выпуск VII

Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного

Москва 2005

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С 48

Рецензенты: **А.С.Александрова**, ст.преподаватель кафедры РКИ естественных факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова
О. В. Константинова, канд.пед.наук, доцент, зав.кафедрой русского языка РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина
А. Г. Лилеева, ст.преподаватель кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
Е.В.Полищук, канд. филол. наук, ст.преподаватель кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Редакционная коллегия: **Е.Л.Бархударова** докт.филол.наук, профессор
О. К. Грекова канд. филол. наук, доцент
Л. В. Красильникова канд. филол. наук доцент
Е. В. Моргунова
Ф.И.Панков канд.филол.наук, доцент
Т. Г. Рошкетасева
О.М.Сергеева канд.филол.наук
О. В. Чагина канд.филол.наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд.филол.наук, доцент

С 48 СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

ISBN 5-211-051154-8

В основу седьмого периодического сборника «Слово. Грамматика. Речь» легли доклады и сообщения, прочитанные на III Международной конференции «Текст: проблемы и перспективы: Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», состоявшейся в МГУ им. М.В. Ломоносова в 2004 г. Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1

ББК 82.2 Р

© Авторы статей, 2005

© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 2004

ISBN 5-211-051154-8

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ РУССКИХ НАРЕЧИЙ. СТАТЬЯ 1. ПОЗИЦИИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ СИНТАКСЕМ

1. Введение.

Наречие не может «похвастаться» избытком внимания русистов. Например, в двухтомной академической грамматике 1980 года всем наречиям посвящено всего три страницы [Русская грамматика 1980, I: 703-705]. Для сравнения: о глаголе написана 121 страница. В известном «Синтаксическом словаре» адвербиальным (адвербативным, по Г. А. Золотовой) синтаксемам посвящено менее одной страницы [Золотова 1988: 350]. Для сравнения: о субстантивных синтаксемах – 318 страниц. В учебнике под ред. П. А. Леканта о наречиях рассказывается на трёх страницах [Современный русский язык 2001: 342-344]. Для сравнения: об имени прилагательном – 15 страниц. Примерно такая же картина наблюдается и в подавляющем большинстве других объёмных грамматических описаний. «Забывают» о наречиях и многие толковые словари, нередко ограничиваясь семантизацией лишь исходных прилагательных [БТС, МАС, Ожегов, Ушаков и др.].

Однако такой «нелюбимый» для формально-описательной лингвистики категориальный класс слов, уже много лет находящийся на периферии её внимания, обладает богатым функционально-прагматическим потенциалом, который почему-то упорно не замечается традиционной грамматикой и лексикологией. На наш взгляд, наречие является важной и равноправной категорией по отношению к другим самостоятельным частям речи: и к глаголу, и к существительному, и тем более к прилагательному – и поэтому сейчас настоятельно требует к себе повышенного внимания, так как назрела насущная необходимость устранить тот дисбаланс, который сложился в лингвистических исследованиях. Особенно малоизученными до сих пор остаются синтаксические свойства этой части речи, необходимость анализа которых ведущие грамматисты отмечали уже более тридцати лет назад: «Вопрос о синтаксических свойствах наречий требует ещё специального изучения» [Золотова 1973: 122]. Этот вопрос актуален и сейчас, в двадцать первом веке. Задача автора – выявление в цикле статей (первая из которых перед вами) синтаксического потенциала наречий, полифункциональности адвербиальных словоформ, которая заключается в их способности занимать в высказывании различные синтаксические позиции, выполнять все синтаксические функции, а также обладать различным коммуникативным статусом.

Так как грамматика и лексика тесно взаимосвязаны, то есть семантика слов оказывает влияние на закономерности их употребления в речи, для начала представим синтаксически значимую функционально-коммуникативную классификацию семантических разрядов русских наречий. Она отличается от известных нам традиционных классификаций.

2. Функционально-коммуникативная классификация семантических разрядов русских наречий¹.

Все наречия, подобно глаголам и прилагательным, могут быть разделены на два больших класса, между которыми нет жесткой границы, а существуют большие зоны взаимодействия и переходности: строевые, осложняющие семантическую структуру предложения, и полнозначенательные.

1. Строевые наречия.

Строевые наречия, в свою очередь, делятся на два подкласса: модальные и оценочные.

1.1. Модальные наречия.

Модальные наречия включают, во-первых, модификаторы модальности, которые в концепции В. В. Виноградова относятся к т. н. модальным словам, во-вторых – выразители субъективных, модусных смыслов.

1.1.1. Модификаторы модальности (модальные слова): *можно, нельзя, нужно, необходимо, невозможно* и др.: *Через самое короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москвы-реки* (Булгаков).

1.1.2. Выразители субъективных, модусных смыслов – показатели персуазивности, т. е. той или иной степени уверенности субъекта речи (говорящего или пишущего) в истинности (достоверности) сообщаемого.

Среди наречий – выразителей модусных смыслов условно выделим репрезентанты той же пропозиции и репрезентанты другой (второй) пропозиции (ментальные предикаты).

1.1.2.1. Репрезентанты той же пропозиции.

Оба типа репрезентантов способны выражать либо высокую (уверенность), либо низкую (неуверенность) степень уверенности говорящего или пишущего в достоверности сообщаемого.

1.1.2.1.1. Репрезентанты той же пропозиции, выражающие уверенность субъекта речи: *наверняка, обязательно, непременно* и др.: *Геликон сейчас спит. А когда проснется, то обязательно станет трубить* (Ильф, Петров); *Наверняка нашлись бы «верные солдаты партии», которые немедленно организовали бы «многолюдные митинги трудящихся» в поддержку сего «исторического решения»;*

1.1.2.1.2. Репрезентанты той же пропозиции, выражающие неуверенность субъекта речи: *едва ли, вряд ли* и др.: *Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся человек* (Гоголь).

1.1.2.2. Репрезентанты второй пропозиции (ментальные предикаты).

Именно ментальные предикаты выступают обычно в функции вводного слова, что вполне объяснимо, поскольку они являются репрезентантами второй пропозиции.

¹ Наша функционально-коммуникативная классификация русских наречий опирается на предварительные рассуждения М. В. Всеволодовой о семантических разрядах наречий в целом [Всеволодова 2000: 66], а также на классификацию наречий со значением степени величины признака [Ховалкина 1995].

1.1.2.2.1. Ментальные предикаты, выражающие уверенность субъекта речи: *бесспорно, безусловно, несомненно, конечно* и др.: *Но то, что вы рассказываете, бесспорно, было в действительности* (Булгаков).

1.1.2.2.2. Ментальные предикаты, выражающие неуверенность субъекта речи: *верно, вероятно, видимо, по-видимому, возможно, наверно, очевидно, пожалуй, авось* (разг.), *небось* (разг.), *чай* (разг.) и др.: – *Подсолнечное масло здесь вот при чём, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну* (Булгаков).

1.2. Оценочные наречия.

Оценочные наречия способны выражать либо аксиологическую, либо характеризующую оценку.

1.2.1. Наречия аксиологической оценки.

Выражаемая наречиями аксиологическая оценка может быть либо положительной, либо отрицательной.

1.2.1.1. Наречия положительной оценки: *хорошо, замечательно, здорово, изумительно, прекрасно* и др.: *Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа* (Гоголь).

1.2.1.2. Наречия отрицательной оценки: *плохо, безобразно, ужасно, отвергательно, глупо, по-дурацки* и др.: *Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова* (Булгаков).

1.2.2. Наречия характеризующей оценки.

Эта группа наречий даёт характеризующую оценку либо количества признака (наречия-квантитативы), либо качества действия (наречия-квалитативы).

1.2.2.1. Наречия оценки количества признака (квантитативы).

Квантитативы оценивают степень величины признака (наречия меры и степени) или дают метрическую оценку (пространства, времени, температуры, массы и пр.).

1.2.2.1.1. Наречия оценки степени величины признака (наречия меры и степени).

Данные наречия указывают либо на несоотнесительную, либо на соотносительную оценку степени величины признака.

1.2.2.1.1.1. Наречия – указатели несоотнесительной оценки степени (несоотносительно-оценочных степеней) величины признака.

Эта группа наречий включает наречия с модально-оценочным и с количественно-оценочным значением.

1.2.2.1.1.1.1. Наречия – указатели степени величины признака с модально-оценочным значением: *абсолютно, непосредственно, вполне, совсем, совершенно, вовсе, нисколько (не), отнюдь (не), далеко (не), во-все (не), далеко (не)* и др.: – *Абсолютно верно, – подтвердил ведущий программы* (Булгаков).

1.2.2.1.1.1.2. Наречия – указатели степени величины признака с количественно-оценочным значением.

Данные наречия выражают либо среднюю (нормальную), либо не среднюю (малую или высокую) степень величины признака.

1.2.2.1.1.1.2.1. Наречия с количественно-оценочным значением средней степени признака: *достаточно, довольно, вполне, полностью, целиком* и др.: – *Целиком присоединюсь, – твёрдо сказал артист* (Булгаков).

1.2.2.1.1.1.2.2. Наречия с количественно-оценочным значением отклонения от средней степени признака.

1.2.2.1.1.1.2.2.1. Наречия с количественно-оценочным значением малой степени признака: *едва, немного, слегка, чуть, частично* и др.: *Швейцар выпучил глаза, и было отчего: никакого kota у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высывался и порывался в магазин толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий рожей на kota* (Булгаков).

1.2.2.1.1.1.2.2.2. Наречия с количественно-оценочным значением высокой степени признака: *весьма, крайне, много, очень, предельно, столь* и др.: *Вы можете ошибиться, и притом весьма крупно* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2. Наречия – указатели соотносительной оценки степени (соотносительно-оценочных степеней) величины признака.

Наречия, выражающие соотносительно-оценочные степени величины признака, имеют более конкретные значения: указание на степень отстояния двух величин и нарушения меры признака.

1.2.2.1.1.2.1. Указатели степени отстояния двух величин признака.

Это значение характеризует одну величину признака по отношению к другой. Отстояние двух величин признака может быть нулевым (т. е. признаки имеют одинаковую величину) и положительным (т. е. величины признака различаются).

1.2.2.1.1.2.1.1. Указатели нулевой степени отстояния двух величин признака: *одинаково, равно* и др.: *Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что отроду ещё не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го!* (Гоголь).

1.2.2.1.1.2.1.2. Указатели положительной степени отстояния двух величин признака.

1.2.2.1.1.2.1.2.1. Указатели незначительной степени отстояния двух величин признака: *чуть, чуть-чуть, немного* и др.: *У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, мне как будто стало немного легче* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.1.2.1. Указатели значительной степени отстояния двух величин признака: *бесконечно, гораздо, куда, намного, несопоставимо* и др.: *Не отрицаю, впрочем, что мне теперь гораздо лучше* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.2. Указатели степени нарушения меры признака: *излишне, слишком, чересчур, чрезмерно* и др.: – *Беда в том, – продолжала*

ником не останавливаемый связанный, – что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей (Булгаков).

1.2.2.1.2. Наречия метрической оценки (пространства, времени, температуры, массы и пр.): *далеко, горячо, жарко, холодно* и др.: *Варенуха, навалившись на стол, жарко дышал в щелку Римского* (Булгаков).

Данная группа представляет зону пересечения с полнознаменательными наречиями, так как включает, в частности, лексемы с диктальным значением, то есть *далеко, близко, вдали, вблизи, давно, долго, часто, редко, жарко, тяжело* и др.

1.2.2.2. Наречия оценки качества действия (квалитативы): *легко, трудно, красиво, неуклюже* и др.: *Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня* (Булгаков).

Часть лексем этой группы совпадает с наречиями аксиологической оценки (см. выше).

2. Полнознаменательные (диктальные) наречия.

Наречия, называющие диктальные признаки, могут быть разделены на характеризационные и логические.

2.1. Характеризационные наречия.

Характеризационные наречия включают наречия образа действия и состояния (категория состояния, по В. В. Виноградову).

2.1.1. Наречия образа действия: *вразвалку, верхом, исподлобья, наотмашь, по-дружески* и др.: *Кривляясь, субъект наотмашь снял эскейский свой картузик* (Булгаков).

2.1.2. Наречия состояния (субъекта или среды).

Наречия состояния обозначают физическое (*больно*), физиологическое (*тепло, холодно*), эмоционально-психическое (*радостно, тоскливо*), интеллектуально-творческое (*интересно, любопытно*), социальное состояние (*замужем*): – *А вот интересно, если вас придут арестовывать? – спросила Маргарита* (Булгаков); *Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой* (Лермонтов).

2.2. Логические наречия.

Среди логических выделим пространственно-временные наречия и наречия обусловленности.

2.2.1. Пространственно-временные наречия.

Пространственно-временные, естественно, делятся на локативные (пространственные) и темпоральные (временные).

2.2.1.1. Локативные (пространственные) наречия.

Локативные наречия могут быть собственно пространственными и ситуативно-пространственными.

2.2.1.1.1. Собственно пространственные наречия: *впереди, сзади, слева, справа, сбоку, наверху, внизу* и др.: *Первый, что был впереди, спросил Иуду* (Булгаков).

2.2.1.1.2. Ситуативно-пространственные.

Пока, к сожалению, ни одного ситуативно-пространственного наречия нами не найдено, однако, по нашему предположению, таковые

должны быть, ср. ситуативно-пространственную именную группу в *тесноте* или ситуативно-временные наречие *впотьмах*.

2.2.1.2. Темпоральные (временные) наречия.

Темпоральные наречия, как и локативные, могут быть собственно временными и ситуативно-временными.

2.2.1.2.1. Собственно временные наречия: *завтра, сейчас, скоро, долго, давно* и др.: *Прошу вас завтра прислать ко мне Толмая* (Булгаков).

2.2.1.2.2. Ситуативно-временные наречия: *впотьмах* и др.: *Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударили весла по водам, уже не отражавшим неба. В темноте пристали они к берегу* (Гоголь).

2.2.2. Наречия обусловленности.

Наречия обусловленности могут быть либо каузальными (причинными), либо финитными (целевыми).

2.2.2.1. Каузальные (причинные) наречия.

2.2.2.1.1. Собственно причинные наречия: *сослепу, спьяну, сдуру* и др.: *Один раз женщина спьяну хватается за нож и опасно ранит знакомого*.

2.2.2.1.2. Контекстуально обусловленные причинные наречия: *вежливо* (не заметил), *легкомысленно* (согласился) и др.: *Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком* (Гоголь).

2.2.2.2. Целевые (финитные) наречия: *назло, намеренно, нарочно, специально* и др.: *И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале* (Булгаков).

Представленная функционально-коммуникативная классификация семантических разрядов русских наречий отличается от известных нам традиционных классификаций и является, на наш взгляд, синтаксически значимой, так как отражает не только семантические особенности наречий, но и связанный с семантикой их синтаксический потенциал, закономерности их употребления в речи.

3. Понятие позиции в синтаксисе¹.

Понятие «позиция», введённое в русистику Т. П. Ломтевым [Ломтев 1958], используется сейчас как грамматический термин в трёх основных значениях², передающих различные аспекты функционирования словоформ как в устной, так и в письменной речи. Во-первых, это место

¹ Здесь и ниже мы опираемся в первую очередь на концепцию синтаксических позиций М. В. Всеволодовой, наиболее полно и последовательно изложенную в учебнике [Всеволодова 2000], а также на некоторые принципиальные теоретические положения Г. А. Золотовой, изложенные в [Золотова 1973], однако не во всём соглашаемся с [Золотова 1988].

² Мы говорим только о позиции в синтаксисе, т. е. о позициях словоформ, но не о позициях языковых единиц более низкого уровня: звуков, фонем, морфем. Ср. понятие позиции в фонологии, морфемике, морфологии, лингвистический словарь 1964: 158; Папов 1999 и др.].

синтаксемы в семантической (и, соответственно, в формальной) структуре предложения или вне её, а в структуре предложения – место словоформы относительно другой, с которой она связана смысловыми отношениями. Во-вторых, это синтаксическая функция словоформы в предложении, её «членопредложенческий ранг» в формальной структуре предложения. В-третьих, это место словоформы в коммуникативной структуре высказывания с учётом его актуального членения. По М. В. Всеволодовой, «позиция» в первом значении – это позиция-1, «позиция» во втором значении – это позиция-2. Аналогично будем считать «позицию» в третьем значении позицией-3. Рассмотрим все три позиции в отношении наречий последовательно. Данная статья посвящена позиции-1. Позицию-2 и позицию-3 планируется проанализировать в следующих выпусках сборника «Слово. Грамматика. Речь».

4. Понятие синтаксемы как разновидности синтаксической формы слова.

Синтаксема наряду со словесной формой и словоформой является разновидностью синтаксической формы слова. Понятия словесной формы и словоформы были введены в научный обиход русистики Т. П. Ломтевым¹ [Ломтев 1958: 17], понятие синтаксемы в современном значении – Г. А. Золотовой² [Золотова 1980, 1988]. Если словесная форма – это абстрактная морфологическая форма слова без указания на лексику, образующую форму, словоформа – это конкретная форма конкретного слова в тексте, то синтаксема – это морфологическая форма слова с учётом значения, определяемого функционально-семантическим классом слов, её образующим, и способности занять определённые позиции в синтаксических построениях [Всеволодова 2000: 158-159]; или «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определённым набором синтаксических функций» [Золотова 1988: 4]. Различают субстантивные (именные), глагольные, адъективные (синтаксемы имени прилагательного) и адвербиальные (наречные) синтаксемы.

5. Функциональные типы синтаксем.

По степени проявленности денотативной роли и по соотношению формы и значения различаются, как известно, три функциональных типа синтаксем: свободные, связанные и конструктивно обусловленные.

¹ Сам термин «словоформа» принадлежит А. И. Смирницкому [Смирницкий 1954, 1957: 18-24] – исследователю английского языка.

² Термин «синтаксема» встречался и в более ранних работах других лингвистов – русистов (И. И. Мещанинов, Д. Станишва), японистов (А. А. Пашковский, И. В. Головин, И. Ф. Вардуль), англистов (А. М. Мухин), но в другом значении, см. об этом в [Золотова 1988: 6] и в [Всеволодова 2000: 159].

С в о б о д н а я синтаксема вне зависимости от контекста имеет самостоятельное смысловое содержание, то есть является исполнителем определённой денотативной роли.

С в я з а н н а я синтаксема при изолированном предъявлении не имеет самостоятельного значения, но выявляет его в составе словосочетания, в позиции при том или ином слове, распространяемом данной синтаксемой.

К о н с т р у к т и в н о обусловленная синтаксема выявляет своё содержание, свою денотативную роль в семантической структуре предложения.

6. Позиции синтаксем.

Среди позиций синтаксем (любых синтаксем, а не только адвербиальных) различаются позиции вне предложения и вне текста (самостоятельное употребление) и позиция в предложении (и, соответственно, в тексте). Позиция вне предложения может быть либо изолированной, либо в конъюнкции с другими синтаксемами. Синтаксема в составе предложения может выступать как компонент структуры словосочетания (присловная позиция) или как компонент структуры самого предложения (обусловленная неприсловная позиция). Присловная позиция может быть прилагательной, в том числе присвязочной), присубстантивной, или приименной (при имени существительном), приаждективной (при имени прилагательном), приадвербиальной (при наречии), приквантитативной, или принумеральной (при числительном). Однако не бывает приместойменных позиций. Ср. возможность (1) и неотмеченность (2): (1) *Олег купил интересную книгу.* – (2) **Олег купил интересную её.*

Как компонент структуры предложения синтаксема функционирует либо вне предикативной пары, либо в её составе. Синтаксема вне предикативной пары может являться или компонентом той же пропозиции, или компонентом другой пропозиции. В составе предикативной пары синтаксема выступает в качестве либо предизируемого (логический субъект), либо предизирующего (логический предикат) компонента. Представим основные типы позиций синтаксем (позиция-1) в виде таблицы (см. таблицу 1).

Основные позиции синтаксем (позиция-1)

Синтаксические позиции										
позиция вне предложения и вне текста		позиция в составе предложения								
изолированная позиция	позиция в конъюнкции с другими синтаксемами	компонент структуры словосочетания (присловная позиция)					компонент структуры предложения (неприсловная обусловленная позиция)			
		при V	при N	при Adj	при Adv	при Q	вне предикативной пары		в предикативной паре	
							компонент той же пропозиции	компонент другой пропозиции	предикативный компонент	предикативный компонент

Примечание к таблице 1.

V – глагол, N – имя существительное, Adj – имя прилагательное, Adv – наречие, Q – числительное.

7. Функциональные типы адвербиальных синтаксем.

Синтаксемы наречий могут быть и свободными, и связанными, и конструктивно обусловленными¹.

1. С в о б о д н ы е адвербиальные синтаксемы.

К свободным отнесём в первую очередь синтаксемы полнозначительных логических и характеристизационных наречий образа действия.

1) Среди полнозначительных логических наречий к свободным отнесём синтаксемы наречий следующих семантических разрядов:

а) локативных (собственно пространственных и ситуативно-пространственных): *слева, справа, впереди, сзади, сбоку, наверху, внизу, близко, далеко, высоко, низко* и др.: *Сонеты дают нам немногосложную, легко объемлемую картину его внутренней жизни – картину, которая близко придвигает к нам личность поэта;*

б) темпоральных (собственно временных и ситуативно-временных): *сегодня, завтра, наперед, сейчас, скоро, давно, накануне, вотьмах* и др.: *Приходи непременно сегодня в 7 1/2 часов вечера (Ку-прин);*

в) каузальных (только собственно причинных): *сослепу, стьяну* и др.: *– Руби гадов! Руби их! Бей польскую шляхту. Летуно-ва убили! – И*

¹ В «Очерке функционального синтаксиса русского языка» Г. А. Золотова т. н. обстоятельственные наречия считает «свободными синтаксическими формами», которые «могут употребляться и в качестве заголовков, и в качестве детерминантов, и в роли предиката, и в присловной позиции» [Золотова 1973: 122], однако в «Синтаксическом словаре» синтаксемы наречий рассматриваются ею уже только как обусловленные [Золотова 1988: 346]. Нам ближе и кажется более верной первая точка зрения.

сослепу, не видя жертвы, рубанул фигуру в зелёном мундире (Н. Островский);

г) финитных: *назло, нарочно, специально* и др.: *Сегодня нарочно не пойду* (Куприн).

2) Кроме того, к свободным можно отнести и синтаксемы полнознаменательных характеристизационных наречий образа действия: *наотмашь, по-дружески, по-братски, вразвалку, верхом, исподлобья, впрок, вполне, наперекосяк, наперегонки, наизусть* и др.: *Я думал, что ты мужчина, а ты ещё ребенок: рано тебе ездить верхом* (Лермонтов).

2. С в я з а н н ы е адвербиальные синтаксемы.

К связанным отнесём, в частности, синтаксемы строевых оценочных наречий-квантитативов – наречий оценки степени величины признака (меры и степени) – несоотносительной и соотносительной.

1) связанные синтаксемы наречий – указателей несоотносительной оценки степени величины признака: *абсолютно, совсем, совершенно, вовсе, непосредственно, вполне, несколько (не), отнюдь (не), далеко (не), вовсе (не), далеко (не); достаточно, довольно, вполне, полностью; слегка, немного, чуть, едва, частично; много, очень, весьма, столь, крайне, предельно* и др.: *Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества* (Лермонтов);

2) связанные синтаксемы наречий – указателей соотносительной оценки степени величины признака: *одинаково, равно; гораздо, чуть, чуточку, чуть-чуть, немного, немало, куда, несопоставимо, бесконечно; слишком, излишне, чрезмерно, чересчур* и др.: *Топчась в передней, Ромашио несколько раз взглядывал на себя в стенное трюмо, оправленное в светлую ясеневую раму, и всякий раз его собственное лицо казалось ему противно-бледным, некрасивым и каким-то неестественным, стертук – слишком заносенным, а погоны – чересчур помятыми* (Куприн).

3. Конструктивно обусловленные адвербиальные синтаксемы.

1) К конструктивно обусловленным отнесём, в частности, синтаксемы строевых модальных и части оценочных наречий:

а) конструктивно обусловленные синтаксемы модальных наречий (модификаторов модальности и ментальные предикаты): *нужно, необходимо, можно, невозможно, нельзя; бесспорно, безусловно, несомненно, конечно, верно, вероятно, видимо, по-видимому, возможно, наверное, очевидно, пожалуй, авось* (разг.), *небось* (разг.), *чай* (разг.) и др.: *Невозможно каждый день надоедать людям, да и... вовсе мне там, кажется, не рады* (Куприн);

б) конструктивно обусловленные синтаксемы оценочных наречий (наречий аксиологической оценки и наречия оценки качества действия): *хорошо, замечательно, прекрасно, мило, приятно, изумительно, здорово; отвратительно, плохо, безобразно, ужасно, глупо, грубо, подурячки; трудно, легко, красиво, неуклюже* и др.: *Полковник – точно*

недавний гнев **прекрасно** повлиял на его аппетит – ел с особым вкусом и так **красиво**, что на него **приятно** было смотреть. Он всё время **мило** и **грубо** шутил (Куприн).

2) Кроме того, к конструктивно обусловленным можно отнести полнознаменательные характеризационные наречия состояния: *больно, тепло, холодно, радостно, тоскливо, интересно, любовито, замужем* и др.: *И было ему жутко и невыразимо радостно стоять так, между жизнью и смертью, и уже знать, что он выходит победителем в этой игре* (Куприн).

8. Позиции адвербиальных синтаксем.

Наречие как синтаксема может выступать, во-первых, в позиции вне предложения и вне текста (в самостоятельном употреблении) и, во-вторых, в составе предложения.

1. Позиция вне предложения и вне текста.

Адвербиальные синтаксемы вне предложения и, соответственно, вне текста обычно употребляются в письменной речи в качестве заголовков, названий, ярлыков, этикеток либо изолированно (одна словоформа), либо в конъюнкции с другими синтаксемами (две словоформы и более). Приведем примеры.

1) Изолированное употребление адвербиальных синтаксем.

Изолированное употребление характерно только для свободных синтаксем наречий: *«Наперекосья»* (название художественного фильма); *«Накануне»* (название романа И. С. Тургенева); *«Инкогнито»* (название романа Тома Роббинса в русском переводе); *По-братски* [Севолодова 2000: 161]; *«Впрок»*; *«Сегодня»*; *«Намедни»* (названия телепередач); *«Близко»* (название спектакля); *«Спяну»*; *«Вслед»*¹; *«Вполнакала»*; (названия газетных статей); *Удобно. Престижно. Комфортно.* (уличная реклама); *Уютно. Вкусно. Доступно* (надпись на магазине); *Любопытно* (название рубрики в газете «Паевые фонды»); *Актуально; Духовно; Информативно; Новостийно; Памятно; Семейно; Событийно; Социально* (последние восемь употреблений – названия постоянных рубрик в газете «Крылатское»)².

Ср. невозможность изолированного употребления для других адвербиальных синтаксем: связанных (**Очень; *Довольно*³; **Совсем*) и конструктивно обусловленных (**Приятно; *Грубо; *Неуклюже*).

2) Употребление адвербиальных синтаксем в конъюнкции с другими синтаксемами.

¹ Возможно, это не наречие, а предлог с нулевой формой анафорического имени.

² Употребление наречий в письменной речи с восклицательным или вопросительным знаком, например *«Хорошо!»* (название поэмы В. В. Маяковского), *«Дешево!»* (в рекламе), а также при подобной передаче устной речи в письменной форме: *«Горька!»* (возглас на свадьбе), *«Вкусно?»* – мы рассматриваем как предикативную позицию наречия в составе предложения.

³ Здесь не имеется в виду предикативная позиция наречия в составе предложения: *«Довольно!»* (т. е. *«Хватит!»*).

Употребление синтаксем наречий в конъюнкции с другими синтаксемами возможно при сочинительной и подчинительной связи (зона пересечения с позицией в качестве компонента структуры словосочетания):

а) сочинительная связь возможна только для свободных синтаксем:

– бессоюзная: *«Далеко-близко»* (рассказ А. Смирнова); *Вчера, сегодня, завтра* (уличная реклама); *Обыкновенно, по-цветаевски; Сейчас: недорого, удобно, безопасно* (заголовки статей периодических изданий);

– союзная: *«Теперь и прежде»* (Карлейль); *Доступно и всерьёз* (реклама журнала); *Сейчас и всегда; Раньше и теперь; Быстро и качественно; Оптом и в розницу*¹;

– конъюнкция союзной и бессоюзной связи: *Раньше, сейчас и в будущем; Сегодня, завтра и всю неделю* (уличная реклама);

б) подчинительная связь (наречие как компонент словосочетания) возможна не только для свободных, но и для других функциональных типов синтаксем:

– употребление в качестве опорного компонента словосочетания характерно только для свободных синтаксем:

- при примыкании: *Совершенно секретно; Вполне здорово; Очень хорошо; Совсем по-пушкински; Слишком красиво. Слишком загадочно. Слишком по-женски;*
- при «согласовании»²: *Наше сегодня; Светлое завтра* (заголовки статей периодических изданий);

¹ *В розницу*, на наш взгляд, является тоже наречием, хотя и пишется раздельно. Ср. также другие наречия с раздельным написанием: *на огуль, между тем, меж тем, не спеша, без умолку*. Орфография – конвенциональный вопрос, поэтому слитное и раздельное написание не может служить критерием верификации категориальных классов слов. Одним из аргументов (но не единственным) в пользу адвербиализации словоформ типа *в розницу* является невозможность использования с ними определения (согласованного в интерпозиции или несогласованного в постпозиции): **в недорогую розницу, *в эту розницу, *в розницу продаж* и т. д. Ср. возможность включения определения в состав именной группы *в будущем: в недалёком будущем, в будущем России*. Ср. также наречие *вдаль (смотреть вдаль)* и существительное с предлогом *в даль (в даль моря, в голубую даль)*.

² «Согласование» мы заключили в кавычки, т. к. реально ни о каком согласовании с наречием и речи быть не может, однако здесь субстантивированная наречная словоформа *завтра* употреблена как существительное среднего рода единственного числа, что и отразилось в согласуемой адъективной словоформе *светлое*. При этом наречие *завтра* употребляется как существительное среднего рода (хотя подразумеваться может и *день*), видимо, по двум причинам. Во-первых, субстантивированное *завтра* функционирует в качестве нарицательного неизменяемого неодушевлённого имени, а такие существительные в русском языке бывают, как правило, среднего рода (кроме *кофе*): *осеннее пальто, свободное купе, маршрутное такси* [Розенталь 1988]. Во-вторых, в данном случае наречие выступает в функции существительного *singularia tantum* (ср.: *будущее, прошлое, настоящее*). Ср. невозможность: **светлый завтра, *светлая завтра* или **светлые завтра*. В-третьих, форма среднего рода вообще является в русском языке немаркированной, «начальной»: *Самое главное – не опоздать; будущее, прошлое, настоящее* и др.

– употребление в качестве зависимого компонента словосочетания¹ (при примыкании) характерно не только для свободных, но и для других функциональных типов синтаксисом:

- предпозиция: *Совершенно секретно; Вполне здорово; Очень хорошо; Совсем по-пушкински; Слишком красиво. Слишком загадочно. Слишком по-женски;*
- постпозиция: *Мозги набекрень; Москва сегодня; Боец навсегда; Минифутбол по-международному; Кофе по-турецки; Советы впрок.*

2. Позиция в составе предложения.

В составе предложения наречие функционирует в присловной (как компонент структуры словосочетания) и неприсловной (как компонент структуры предложения) позициях. Приведём примеры.

1) Употребление синтаксисом наречий в присловной позиции.

Присловная позиция наречий может быть приглагольной (в том числе присвязочной), присубстантивной, приаждективной, приадвербиальной, приквантитативной. Присловная позиция возможна для всех функциональных типов синтаксисом:

а) наречие в приглагольной позиции:

– при индикативе:

- в настоящем времени: *При этом часто вымогается дополнительный сбор; Слева находится храм Христа Спасителя; Нарочию не придумаешь;*
- в прошедшем времени: *Спортсмен бежал к финишу легко и непринужденно; Американец спьяну ужал самолет; Поехал сослепу – попался сдуру; Я сослепу смайлик перепутал; Извини, ляпнул сдуру не подумав; Я это сделал нарочно;*

в том числе при нулевой форме глагола: *Так прошла детская жизнь Юры, часто на руках у чужих (Пастернак) – и в качестве парцеллята: Я полюбил женщину. Безумно. Но она равнодушна ко мне (Арбузов);*

- в будущем времени: *Скоро вернусь; Скоро корову будут доить; Казалось, хозяева поля вот-вот сомнут итальянскую команду;*

в том числе при нулевой форме глагола: *Скоро ли они там, мамзель? – спросил он даму у зеркала (Пастернак);*

– при императиве: *Никогда, никогда не женись, мой друг (Л. Толстой);*

– при сослагательном наклонении: *Наверняка нашлись бы «верные солдаты партии», которые немедленно организовали бы «много-*

¹ Строго говоря, такую позицию вряд ли можно считать самостоятельной, однако для полноты картины и системности мы решили рассмотреть и наречие в качестве зависимого компонента словосочетания.

людные митинги трудящихся» в поддержку сего «исторического решения»;

– при инфинитиве: *Нужно было даже поменьше любить его [Александра], не думать за него ежеминутно (Гончаров); И чем больше я живу в стране, где мне не надо ежеминутно думать о преступности, мне труднее – психологически – даже временно находиться в США; До завтра не успеть;*

– при причастии:

- действительном: *Было бы создано всесоюзное общество «Пьянство», и весьма возможно, что одним из его руководителей оказался бы скорёхонько «перековавшийся» бывший трезвенник; Спортсмен, легко и непринужденно бежавший почти всю дистанцию, на финише оказался только третьим;*

- страдательном: *Замок был взломан элементарно;*

– при деепричастии: *Кто-то спускался по лестнице, часто останавливаясь, словно в какой-то нерешительности;*

б) наречие в присустановительной позиции: *Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель (Булгаков); Бухгалтерский учёт наизнанку и набекрень; Олег был в шапке набекрень; Старомодная, уютная чёлка набекрень; Мозги набекрень; Я взял кофе по-турецки; Москва сегодня; Яйцо всмятку; Утка по-пекински; Долги по-пекински; Брак по-итальянски; Развод по-питерски (журнал «Экспресс», 2005, № 1); Советы впрок (журнал «Экспресс», 2004, № 12); Игра наверняка; Разговор начистоту; Эти глаза напротив; – Где вы обычно обедаете? – В кафе напротив; Трижды чемпион; Дважды победитель¹;*

в) наречие в приаждективной позиции:

– при полном прилагательном: *Сегодня очень хорошая погода; У нас очень низкие цены; Твой брат – довольно симпатичный парень;*

– при кратком прилагательном: *Андрей, очень весёлый в предвкушении хороших новостей, был в этот вечер особенно разговорчив;*

г) наречие в приаждвербиальной (принаречной) позиции: *Давай сделаем совсем по-другому; Вполне здраво; Очень хорошо!; Совсем по-пушкински; Слишком красиво. Слишком загадочно. Слишком по-женски;*

¹ О сочетании наречий с существительными см. также [Чеснокова 1983], [Цонева 1992]. По наблюдениям Л. Д. Чесноковой, сочетания наречий, мотивированных количественными числительными и образованных при помощи суффикса -жды, с некоторыми именами существительными довольно употребительны в современном русском языке: *трижды герой, дважды лауреат* – и даже *дважды дед*: *У сына дочь родилась, так что я теперь дважды дед* (Абрамов) [Чеснокова 1983: 87]. Цзян Юнминь отмечает, что осуществить такую функцию, например, китайские наречия не могут в связи со спецификой их общекатегориального значения. При передаче подобной информации в китайском языке употребляется конструкция со счётным словом 'раз' (букв. «три раза чемпион мира» = 'трёхкратный чемпион мира'), причём круг существительных, возможных в подобных сочетаниях, тоже очень ограничен [Цзян 2004].

д) наречие в приквантитативной позиции, т. е. позиции при числительном: *Трижды пять равно пятнадцати; Дважды два будет четыре.*

2) Употребление наречия в неприсловной позиции.

Выступая в неприсловной позиции, наречие способно употребляться либо в обусловленной позиции вне предикативной пары предложения, либо в составе предикативной пары:

а) вне предикативной пары наречие выступает в функции вводного слова, при этом оно может быть либо компонентом той же пропозиции, либо компонентом другой пропозиции:

– наречие в качестве компонента той же (событийной) пропозиции: *И чем больше я живу в стране, где мне не надо ежеминутно думать о преступности, мне труднее – психологически – даже временно находиться в США; Что же касается более спокойных столетий, второй половины XVIII или XIX веков, то старообрядцы, опять же, в основной своей массе за религиозные убеждения не преследовались (о. М. Козлов); Сегодня это может многим не нравиться и, безусловно, эта норма к современной жизни российского общества неприменима, но, опять же, если рассуждать исторически трезво, думается, что она во многом охраняла стабильность существования нашего Отечества на протяжении более чем двух с половиной веков (о. М. Козлов); После защиты диплома она совершила – дерзновенно – поездку в Санкт-Петербург; Кажется даже, что, кого бы она ни выбрала своим спутником – временно или навсегда, – никто не посмеет этот выбор подвергать сомнению;*

– наречие в качестве компонента другой пропозиции: *Иван Иванович, бесспорно, очень умный человек* (логическая пропозиция: *Иван Иванович очень умный человек*; событийная пропозиция: *С этим нельзя спорить*); *Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего. Но многое от вас, конечно, я узнаю* (Лермонтов) (событийная пропозиция: *Многое от вас я узнаю*; событийная пропозиция (авторизация): *Я в этом уверен*);

б) в составе предикативной пары наречие может быть либо предиктируемым, либо предиктирующим компонентом:

– наречие в качестве предиктируемого компонента¹: *Скоро новоселье; За³втра – / отъе³зд*. Ср. невозможность данной позиции для темпорального близко: **Близко ве¹чер*;

– наречие в качестве предиктирующего компонента: *Отъе³зд – / за¹втра; Вечер бли¹зко*.

Видимо, особого внимания требует вопрос о синтаксических позициях компаратива. По мнению Г. А. Золотовой, «сравнительная степень определительного наречия не выходит из приглагольной позиции; создав аналог словосочетания с обусловленной формой родительного ком-

¹ Все примеры из звучащей речи снабжены интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой. Отсутствие интонационной транскрипции означает, что пример взят из письменного источника.

паративного, остаётся распространённым определением глагола» [Золотова 1973: 122]. Безусловно, при исследовании синтаксического потенциала компаративов нельзя ограничиться лишь этим беглым замечанием, однако это тема отдельного разговора, вне рамок данной статьи.

Теперь представим типы и позиции синтаксисом наречий (кроме компаратива) в виде обобщающей таблицы (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Функциональные типы и позиции адвербиальных синтаксисом

Позиция / Тип синтаксисом	позиция вне предложения и вне текста (самостоятельное употребление)	позиция в составе предложения		
		компонент структуры словосочетания (присловная позиция)	компонент структуры предложения (исприсловная обусловленная позиция)	
			позиция в предикативной паре	позиция вне предикативной пары
свободная	<i>Сегодня; Накануне; Намедни; Впрок;</i>	<i>Накануне закончил курсовую; Москва сегодня</i>	<i>Сегодня – отъезд; Метро близко</i>	<i>Президент (накануне) выступил с речью</i>
связанная	—	<i>Сегодня очень холодно</i>	—	—
конструктивно обусловленная	—	<i>Метро работает хорошо</i>	<i>Сестра замужем; В комнате уютно</i>	<i>Возможно, мы скоро отсюда уедем</i>

9. Синтаксические позиции адвербиальной словоформы *близко*.

Если адвербиальные синтаксисом в целом способны занимать любые синтаксические позиции, то конкретные словоформы, реализующие тот или иной ЛСВ лексемы, могут иметь ограниченный синтаксический потенциал. Рассмотрим это на примере лексемы наречия *близко*.

Лексема наречия *близко* имеет как минимум три ЛСВ¹: 1) *близко*₁ (локативное наречие) – ‘рядом’; 2) *близко*₂ (темпоральное наречие) – ‘скоро’; 3) *близко*₃ (наречие степени величины признака) – ‘высокая степень проявления признака, очень’.

Наречие *близко* как синтаксисом может выступать, во-первых, в позиции вне предложения (в самостоятельном употреблении) и, во-вторых, в составе предложения.

1. Наречная синтаксисом *близко* вне предложения может употребляться в качестве заголовков, названий: «**Близко**» (название спектакля,

¹ Речь идёт только о наречной лексеме. Словоформа *близко* может быть также кратким прилагательным (*близок, близка, близко, близки*) и предложным образованием (*близко к, близко от* и др.).

в котором ЛСВ *близко₁*, *близко₂*, *близко₃*; не дифференцированы); «*Далеко-близко*» (название книги: *близко₁*).

2. В составе предложения наречная синтаксема *близко* функционирует в присловной (как компонент структуры словосочетания) и неприсловной (как компонент структуры предложения) позициях.

1) Присловная позиция синтаксемы *близко* может быть приглагольной (в том числе присвязочной) и приаъективной, другие присловные позиции не отмечены:

– приглагольная позиция характерна только для словоформ *близко₁* и *близко₂*:

- *близко₁*: *Теперь мы будем жить около станции метро, расположенной довольно близко₁*;
- *близко₂*: позиция для современного русского языка не характерна, однако отмечено устаревшее употребление: *Экзаммен будет слишком близко₂ и первых чисел июня должен окончиться* (Гоголь);
- *близко₃*: *Посол Украины в Чехии Сергей Устич со страной своего нынешнего пребывания близко₃ познакомился ещё в 1987 – 1988 годах, когда как учёный проходил стажировку в Праге*;

– синтаксема *близко* в приаъективной позиции отмечена только для *близко₃*:

- *близко₁*: позиция не отмечена;
- *близко₂*: позиция не отмечена;
- *близко₃*: *Мы знакомы довольно бли¹зко*;

– приемная позиция для синтаксемы *близко* не отмечена ни в одном ЛСВ;

– принаречная позиция для синтаксемы *близко* не отмечена ни в одном ЛСВ.

2) Выступая в неприсловной позиции, наречие *близко* способно употребляться в составе предикативной основы предложения и быть либо предиктируемым, либо предиктирующим компонентом:

– наречие в качестве предиктируемого компонента:

- *близко₁*: *Близко – море*;
- *близко₂*: позиция не отмечена;
- *близко₃*: позиция не отмечена;

– наречие *близко* в качестве предиктирующего компонента:

- *близко₁*: *Мадрид – это близко₁*;
- *близко₂*: *Расставание близко₂*;
- *близко₃*: позиция не отмечена.

Как видим, словоформа *близко₂*, в отличие от *близко₁* и *близко₃*, ограничена в употреблении в приглагольной, в том числе присвязочной позиции. Так, *близко₂* не сочетается с формой будущего времени связки *быть* [Всеволодова 2000: 24] (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Употребление словоформ наречий *близко₁*, *близко₂* и *близко₃* в разных синтаксических временах в составе простого и сложного предложения

Локативное наречие <i>близко₁</i>		
Предложение Время	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
настоящее	<i>Метро близко¹</i>	<i>Мы переехали в этот район, так как метро здесь близко</i>
будущее	<i>Метро здесь будет близко</i>	<i>Мы переедем в этот район, когда метро здесь будет близко</i>
прошедшее	<i>Раньше метро у нас было близко</i>	<i>Мы переехали в этот район, так как метро было здесь близко</i>
Темпоральное наречие <i>близко₂</i>		
Предложение Время	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
настоящее	<i>Экзамены уже близко</i>	<i>Олег начал заниматься, так как экзамены уже близко</i>
будущее	<i>*Экзамены будут уже близко</i>	<i>Олег начнет заниматься, когда экзамены будут уже близко</i>
прошедшее	<i>Экзамены были уже близко</i>	<i>Олег начал заниматься, когда экзамены были уже близко</i>
Наречие степени величины признака <i>близко₃</i>		
Предложение Время	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
настоящее	<i>Мы знакомы близко</i>	<i>Олег сразу поверил мне, так как мы знакомы довольно близко</i>
будущее	<i>Надеюсь, вы познакомитесь близко</i>	<i>Олег поверит мне, когда мы познакомимся близко</i>
прошедшее	<i>Мы были знакомы близко</i>	<i>Олег сразу поверил мне, так как мы были знакомы близко</i>

¹ На первый взгляд может показаться, что в данном примере словоформа *близко* – это краткое прилагательное, т. к. *метро* – имя среднего рода, однако при замене словоформы *метро*, скажем, на *станция* изменения *близко* на *близка* не происходит (*Станция близко*, а не **Станция близка*), что имело бы место при краткой форме прилагательного.

10. Выводы.

Таким образом, наши наблюдения за функционированием адвербиальных синтаксем позволили сделать несколько выводов.

1. В русском языке может быть построена синтаксически значимая функционально-коммуникативная классификация семантических разрядов наречий, отличная от традиционных классификаций.

2. Категориальный класс наречий в русском языке действительно обладает богатым синтаксическим потенциалом, который недооценивается традиционной грамматикой.

3. Среди функциональных типов адвербиальных синтаксем выделяются, подобно субстантивным, и свободные, и связанные, и конструктивно обусловленные синтаксемы.

4. Адвербиальные синтаксемы способны занимать все возможные в русском языке синтаксические позиции: функционировать вне предложения и в составе предложения, изолированно и в конъюнкции с другими синтаксемами, как компонент структуры словосочетания (присловная позиция) и как компонент структуры самого предложения (обусловленная неприсловная позиция), вне предикативной пары и в её составе, как компонент той же пропозиции и как компонент другой пропозиции, в качестве предизируемого (логического субъекта) и предизирующего (логического объекта) компонента. При этом наибольшим синтаксическим потенциалом обладают свободные адвербиальные синтаксемы, а наименьшим – связанные.

5. Следовательно, наречие является важной и равноправной категорией по отношению к другим самостоятельным частям речи: и к глаголу, и к существительному, и тем более к прилагательному.

6. Адвербиальные словоформы обладают синтаксической полифункциональностью, которая заключается в их способности занимать в высказывании различные синтаксические позиции, выполнять различные синтаксические функции.

Литература

- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
- Золотова Г.А. О синтаксическом словаре русского языка // Вопросы языкознания, 1980, № 4.
- Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988.
- Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. С. 17-21.

- Панков Ф.И. Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы близко // Язык, Сознание, Коммуникация: сб.статей / отв.ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – М., 2004. – Вып. 28. С. 114-130.
- Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
- Розенталь Д.Э. Русский язык. Пособие для поступающих в вузы. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1988.
- Русская грамматика // Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980. Т. 1.
- Современный русский язык // Под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд, испр. – М., 2001.
- Хавалкина А.А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь, 1995.
- Цзян Юнминь. Средства выражения именной количественности в современном русском языке (на фоне китайского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
- Цонева Л.М. Сочетаемость наречий с существительными в русском языке (лексико-синтаксический и стилистический аспект). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.

Словари

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2004.
- Лингвистический словарь 1964 – Лингвистический словарь Пражской школы. – М., 1964.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.
- Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1986.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1938.

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ И ВИД РУССКОГО ГЛАГОЛА КАК НЕСПЕЦИФИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Значение интенсивности выступает в русском языке либо в виде меры и степени проявления признака (*В ту минуту она очень страдала*), либо в виде количества действия (*В жизни она много страдала*), то есть либо в виде измеримого, либо в виде исчислимого. Русский язык располагает многообразными равноуровневыми средствами выражения этого значения – лексико-словообразовательными, синтаксическими, фразеологическими, а также рядом неспецифических средств. Другой причиной рассмотрения темы является неразличение или непоследовательное различение названных двух типов во многих языках*. Количество средств (главным образом лексико-словообразовательных) выражения интенсивности в современном русском языке имеет тенденцию к возрастанию (см. например: *прозвониться* в *Прозвонись мне завтра!* – просьба об интенсивном действии с преодолением препятствий – вместо *Позвони мне завтра!*).

1. ИНТЕНСИВНОСТЬ КАК МЕРА И СТЕПЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

Данное значение выражается средствами словообразования (наряду со средствами лексики и синтаксиса).

Значение высокой степени проявления признака может быть выражено разнообразными суффиксами:

- ейш-** *известнейший ученый, знаменитейшее издание, надёжнейший метод, глубочайшее заблуждение, ближайшее время, чистейшая правда, ни малейших признаков, внимательнейшим образом, в кратчайшие сроки;*
- ущ-** *хитрущий, худущий/худющий, дорогущий, больщущий, здоровущий, длинущий, грязнущий, вреднющий, злющий;*
- ющ-** *страшенный, тяжёленный, высоченный, широченный, здоровенный;*
- ист-** *гористый, холмистый, тенистый, лучистый, плечистый, занозистый, глинистый, шистый, болотистый, пятнистый, речистый, голосистый, мясистый, костистый, мускулистый, морщинистый;*
- аст-** *глазастый, щекастый, горластый, лобастый, цветастый, зубастый, губастый;*
- ат-** *носатый, волосатый;*
- ив-** *красноречивый, лживый, льстивый;*
- лив-** *говорливый, чванливый, завистливый, расчётливый, жалостливый, смешливый, драчливый, засушливый, боязливый, бережливый, догадливый, брезгливый, выносливый, непоседливый;*
- чив-** *забывчивый, отзывчивый, настойчивый, обидчивый, восприимчивый, вспыльчивый, уступчивый;*

* что ведет к обильным ошибкам в речи иностранцев типа *Я много люблю Достоевского.

-ав- *моложавый, вертявый, костлявый.*
-ляв-

Вместе с суффиксами **-ейш-**, **-айш-** может использоваться и префикс **наи-**, хотя это вариант менее частотен: *боксёр наилегчайшего веса, наисовременнейшее направление, наиновейший подход, наимоднейшее выражение.*

Значение интенсивности как меры и степени проявления признака реализуется также через сравнительную и превосходную степень прилагательных и наречий: *Эта трактовка глубже предыдущей. Это толкование самое удачное.* К подобным средствам примыкают и специфические формы, претендующие на уникальность описываемого предмета:

сверх- *сверхсекретный, сверхмощный, сверхсовременный;*
супер- *суперпопулярный, супертехнологичный, супертактичный;*
рас- *расчудесный, распрекрасный;*
ультра- *ультралевый (о партии, движении);*
архи- *архиважный, архисрочный.*

Слова данной структуры характерны для публицистики и разговорной речи.

Обратите внимание: Прилагательные с суффиксом **-ист-**, хотя все они образованы от существительных, семантически разнообразны. Большинству из них суффикс придаёт значение интенсивности признака величины, силы, мощности (*голосистый петух* – обладающий особенно громким голосом, *мускулистый спортсмен* – имеющий объём мускулов больше обычного, *занозистый пол* – пол из рыхлой древесины, оставляющий много заноз, *речистый политик* – умеющий выразительно говорить, его речи лучше других).

Прилагательные **гористый, холмистый** (*гористая/холмистая местность*), **глинистый** (*глинистая почва*), **илистый** (*илистый берег*), **болотистый** (*болотистая долина*) не обозначают, соответственно, горную местность, сплошные холмы, почву-глинозём или сплошной ил, болото. Это – равнинная местность, где гор или холмов больше, чем в другом месте; почва, в которой содержание глины больше обычного; берег, покрытый илом более глубоким, чем в других местах; долина, более склонная к заболачиванию, чем другие.

Прилагательные с суффиксом **-ав-** (**-ляв-**) образованы разными способами: от глагола (*вертявый*), существительного (*костлявый*), прилагательного (*моложавый*), но все они обозначают высокую степень признака, или абсолютного, или относительного: *костлявая рыба* – в ней много костей, *вертявый котенок* – он подвижный, много вертится, *моложавая женщина* – она выглядит моложе других среди немолодых ровесниц.

Таким образом, прилагательные **гористый, холмистый, глинистый, илистый, болотистый, моложавый** обозначают интенсивность проявления признака не абсолютного, как другие, а относительного.

Прилагательные с суффиксом **-аст-, -ат-** обозначают интенсивность как меру проявления параметрических признаков: *глазастая блондинка* – блондинка с глазами больше обычного, *зубастый щенок* – щенок с зубами больше/длиннее обычного, *щекастый малыш* – малыш с щеками большего, чем обычно, объёма, *носатый незнакомец* – незнакомец с но-

сом длины или размера больше среднего, *волосатый юноша* – юноша с волосами большей длины/ с прической большего объёма, чем у других.

Прилагательные с суффиксами **-ив-, -лив-, -чив-** обозначают высокую степень проявления действия или признака независимо от того, образованы ли они от глагола (*говорливый, бережливый, догадливый, брезгливый, выносливый*) или от существительного (*красноречивый, жалостливый, обидчивый*): *говорливый собеседник* говорит больше обычного, *бережливый хозяин* «добро бережет», *догадливый человек* быстро догадывается, *выносливый альпинист* может вынести много профессиональных испытаний, *красноречивый тамада* произносит много застольных речей, *жалостливая соседка* всех жалеет, *обидчивый родственник* склонен находить или переживать обиды (истинные или мнимые).

Значение интенсивности может также проявляться в достижении действием, признаком некоей границы, или предела, что выражается при помощи ряда аффиксов:

а) только приставка

от- *отгладить* (брюки), *отточить* (мастерство), *отилифовать* (деталь), *отработать* (движение), *отрепетировать* (роль);

из- (ис-) *исхудать, иссушить*;

про- *прожевать, прожарить, прогреть, прокипятить, пропитать*;

за- *залечить* (больного до бесчувствия), *задрознить* (ребёнка до слёз);

б) приставка + обязательный постфикс **-ся**

в-...-ся *вчитаться, вдуматься, всмотреться, взглядеться*;

раз (рас)-...-ся *разволноваться, разнервничаться, разболтаться, размечтаться, расплакаться, расшуметься*;

ис-...-ся *истосковаться*;

в) приставка + возможный постфикс **-ся**

из-...(-ся) *измучить(ся)*

за-...(-ся) *заговорить(ся)* – Пациентка своими жалобами заговорила доктора до изнеможения. Они были рады встрече и заговорились до полуночи;

замучить(ся) – Он замучил нас рассказами и фотографиями. Он замучился объяснять детям правила.

Обратите внимание: В рамках одной и той же модели не последнюю роль играет лексическая семантика исходного слова. Напр.: *заговориться допоздна* – проговорить очень долго, дольше, чем предполагалось или было разумным. Ср.: *замучиться объяснять* – почувствовать крайнюю усталость, истощение сил в результате интенсивного, упорного труда.

Этот же тип значения интенсивности выражается также сочетанием **предлог до + родительный падеж существительного** со значением события, являющегося временной вехой при глаголе совершенного вида, главным образом, с приставкой **про-** со значением продолжительности, завершённости действия (*прозаниматься до закрытия библиотеки, прождать до обеда, просидеть до вечера, продержаться до конца, проработать до самого утра*), тем же сочетанием с глаголом любого вида, но с определённым типом обозначения предела действия (*танцевать до головокружения, плыть до полной потери сил, заниматься на тренажёрах до ломоты в плечах*).

То же выражается и устойчивыми словосочетаниями *устать до предела, промёрзнуть до костей, промокнуть до нитки, обидеть до глубины души, танцевать до упаду, работать до изнеможения, смеяться до слез, исчерпать тему до дна, исхудать до невозможности*, (в отчаянии) *дойти до крайности*.

Достижение предела может осознаваться говорящим по-разному и быть связано с приобретением необходимого и достаточного количества чего-либо, как в сочетаниях с глаголами модели на *-ся* (*надышаться лесным воздухом, начитаться французских романов, насмотреться разного*) и с исчерпанностью предмета в сочетаниях с глаголами моделей:

- из- (ис-)** *искоренить плохую привычку, истисать всю страницу, истратить всю стипендию, истребить вредных насекомых, износить пару ботинок, израсходовать все возможные аргументы;*
- до-** *догореть (дотла);*
- вы-** *вытравить что-либо из памяти, вывести вредителей полей, выкорчевать / выжечь все пни на поляне;*
- пре-** *пресечь беззакония.*

Используются также несвободные сочетания типа *положить конец притязаниям, свести на нет жалобы потребителей*.

Интенсификация смысловой нагрузки слов разной частеречной принадлежности возможна с помощью определённых наречий, то есть лексическими средствами.

наречия	примеры
полностью	<i>С полностью исчерпали тему дискуссии.</i>
абсолютно	<i>Такие материалы абсолютно не годятся.</i>
целиком	<i>Я целиком с вами согласна.</i>
совершенно	<i>Это совершенно неверный подход.</i>
напрочь	<i>У него напрочь отсутствует чувство юмора.</i>
сильно	<i>Это сильно преувеличенное достоинство работы.</i>

Значение интенсивности связано с представлением о норме. В русском языке больше таких средств, которые выражают меру признака, находящуюся выше нормы. Это может выражаться глаголами с аффиксами:

- за-...-ся** *засидеться, заговориться, заболтаться, загоститься, заучиться,*
- пере-** *мясо пережарилось, рыба переварилась, бельё пересушилось, ведро переполнилось, прибор перегрелся,*
- пере-...-ся** *перестараться, перестраховаться.*

Часто средством выражения степени признака выше нормы являются наречия и предложно-падежные сочетания.

Наречия, предложно-падежные сочетания	примеры
очень	<i>Он очень знающий человек.</i>
весьма	<i>Он весьма знающий сотрудник.</i>
чрезвычайно	<i>Отец мой всегда держался чрезвычайно любезно (А. Бенуа).</i>

в значительной мере	<i>Его результаты в значительной мере превосходят результаты других.</i>
в значительной степени	<i>Эта теория в значительной степени отличается от предыдущих.</i>
крайне резко	<i>Шеф был крайне недоволен (Стругацкие). Редактор был резко против этой публикации.</i>

II. ИНТЕНСИВНОСТЬ КАК КОЛИЧЕСТВО (МНОЖЕСТВО)

Значение интенсивности как количества (множества) действий часто проявляется в виде полного охвата данным действием всех элементов множества объектов путём их последовательного перебора. Выражается оно префиксами в сочетании с формами множественного числа объекта:

пере-	<i>пересчитать все товары, пересмотреть все журналы, перебрать все компакт-диски, перессориться со всеми однокурсниками;</i>
об-	<i>объездить все достопримечательности, обойти все музеи, обговорить все детали, обзвонить всех членов кафедры.</i>

Идея полного охвата может затрагивать не множество предметов, а только один, зато во всем его объёме. В этом случае используются глаголы с приставками:

у-	<i>увешать всю стену плакатами, уставить весь стол яствами, увешать всю грудь орденами;</i>
за-	<i>закрыть весь пол ковролином, залить липовый цвет кипятком, застелить стол праздничной скатертью, полностью завесить дверной проем портьерами, застеклить весь участок, загромождать коридор мебелью, завалить выход из пещеры камнями, застроить весь участок;</i>
об-	<i>облить всю скатерть чернилами, обвести фасад дома резьбой по дереву, обнести участок забором, обложить торт ягодами, обсыпать ёлку блёстками, обклеить весь город афишами;</i>
из- (ис-)	<i>исписать весь блокнот цифрами, изрисовать всю стену героями сказок, избить соперника, испещрить все страницы заметками, исколоть все руки шипами;</i>
раз- (рас-)	<i>разлить краску по всей террасе, рассыпать крупу по всей кухне, раскатить бусы по всей комнате, развеять прах над всей долиной.</i>

Охват полного объема или всей плоскости предмета подчеркивается и лексически, словами **весь** и **полностью**.

Каждый из двух типов значения интенсивности имеет свои средства выражения, но есть и такие, которые способны выразить значения обоих типов. Это наречия почти¹, совсем, очень.

почти	Описываемая ситуация сводится к 'ближе к..., да не совсем' и может включать оценку:
--------------	---

¹ Описание данных единиц проводится в основном по изданию «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка». М., 1993. – С. 52, 62, 148.

	<ul style="list-style-type: none"> - времени (<i>Он отсутствовал почти две недели</i>); - пространственных параметров (<i>Её комнатные растения почти до потолка</i>); - признака действия, как например, а) скорости движения (<i>Эти метры он почти пробежал</i>), б) громкости звука (<i>Приёмник не заговорил, а почти загремел</i>); - признака предмета (<i>Лес почти голый: лишь кое-где остались последние листья</i>).
совсем	<p>Описываемая ситуация сводится к идее полноты /максимума и включает</p> <ul style="list-style-type: none"> - действия (<i>Солнце совсем скрылось за лесом, Швейная машинка совсем сломалась. Поезд совсем остановился</i>); - признак (<i>Это правило совсем простое</i>); - локатив (<i>Им совсем негде ночевать. Он совсем нигде не бывает, кроме библиотеки и спортивного зала</i>).

Значение интенсивности действия и признака передаётся фразеологизмами: *лезть из кожи вон, биться головой об стену, идти по головам, гнуть свою линию, разбиться в лепешку* (добиться чего-либо). За ними часто стоит не одно действие, а их комплекс.

Это значение может выражаться и синтаксически, определёнными структурами. В первую очередь, это местоименно-соотносительные предложения, в которых придаточная часть относится к указательному местоимению в главной части, составляя с ним единое целое. Она присоединяется союзами **что** и **чтобы**. Указательное местоимение, находящееся в главной части, называется соотносительным словом.

Значения качественной или количественной характеристики выражаются местоименно-соотносительными предложениями, в которых соотносительными словами служат: **так**, **такой** (нейтр.), **настолько**, **до такой степени** (научный, официально-деловой стили), **до того** (разговорная речь), **столь** (архаичное).

Значение интенсивности сопутствует значениям качественной или количественной характеристики в тех случаях, когда в главной части выражается идея меры, степени, фазы действия, признака, а в придаточной части некий результат, последствие названной ситуации.

Земля здесь такая хорошая, что не бывает неурожайных лет.

Эта область так засушлива, что фермеры избегают селиться здесь.

Статья столь оригинальна, что сразу привлекает внимание.

Он до такой степени заинтересовался этим материалом, что, видимо, выступит с докладом на эту тему.

Практический языковой курс настолько интенсивен, что слушатели начинают быстро говорить.

В классе было до того холодно, что масляный радиатор мы практически не выключали.

Частотно также значение интенсивности в предложениях с компаративом.

Он говорит теперь по-русски настолько лучше, что его переводят в сильную группу.

При выражении интенсивности качественная или количественная характеристика могут касаться признака, предмета или действия.

Он настолько не интересуется этим, что нет смысла его приглашать.

Он настолько не философ, что неясно, почему он выбрал этот факультет.

Мысль эта настолько неглубокая, что незачем ее повторять.

Значение интенсивности выражается и местоименно-соотносительными предложениями с союзом **чтобы**, однако, там оно обычно отходит на второй план, уступая первенство значению цели: *Он говорил так громко, чтобы все его слышали.*

Значение интенсивности часто выражается и в присубстантивных предложениях, т.е. таких, где придаточная часть характеризует предмет, обозначенный существительным, и присоединяется союзными словами **какой, который, что, чей, когда, где, куда, откуда**. В главной части такого предложения обычно употребляются местоимения **тот, такой**. Эти предложения, однако, не служат специальным средством выражения значения интенсивности.

Как мало мы прислушиваемся иногда к мнению тех людей, которые всегда рядом.

Как редко он вспоминал те места, где родился.

Мы совсем ничего не знали о том городке, что появился на горизонте. Он слушал с таким пониманием, какого я от него не ожидала.

Наступило полное затишье, которое часто бывает перед бурей.

Я нашёл в ней женщину такую мягкую, обходительную, «семейную», каких не было рядом со мной (Помяловский).

Интенсивность разнообразных действий с негативным результатом передаётся рядом конструкций с усилительной частицей **ни**. В таких предложениях выражается контраст между действиями, с одной стороны, и результатом, противоположным ожидаемому. Конструкции с **ни** интенсифицируют этот контраст (частица при этом не даёт значения отрицания), хотя иногда он может утрачиваться и конструкция с **ни** обозначает лишь разнообразие обстоятельств (см. ниже последние три примера).

Усилительная частица **ни** ставится обычно перед глаголом, наречием или кратким прилагательным, но не перед существительным. Выбор союзного слова при усилительной частице зависит от того, к какому качеству, признаку относится усиление. **Как ни** обозначает усиление интенсивности действия или качества (и по смыслу соответствует слову **очень**), **сколько ни** обозначает повторяемость или длительность действия (по смыслу близко значениям 'долго', 'много раз'), **кто ни, что ни** обозначают большое количество лиц или предметом (много лиц или предметов), **какой ни** обозначает разнообразие качества или большое количество предметов, где **ни, когда ни, куда ни, откуда ни** обозначают разнообразие обстоятельств. **Какой, кто, что** могут употребляться в любом падеже с предлогом или без предлога в зависимости от управления глагола в придаточной части.

Порядок слов в придаточных предложениях, включающих все эти средства, кроме **кто ни** и **что ни**, – обратный (сказуемое – подлежащее): *Как ни важен этот вопрос, мы обсудим его чуть позже.*

В сочетаниях с **как ни, сколько ни** часто употребляются глаголы со значением напряжённого действия: **вслушиваться, раздумывать, вчи-**

тываться, присматриваться и другие, обычно в форме НСВ: *Как ни вчитывались мы в древнерусские тексты, чувство неясности оставалось. Сколько мы ни вслушивались в речь местных жителей, понятными были только отдельные слова.* Некоторые глаголы могут сочетаться со сколько ни. Это глаголы изменяться, ориентироваться, спешить, нравиться, рассчитывать и др. Это те глаголы, которые не могут сочетаться с наречием много.

Как ни старались мы убедить его в своей правоте, наши аргументы не действовали.

Сколько ни напоминай ему о встрече, всё равно забудет.

Кто только ни обращался к нему с предложениями, он всем отказывал.

О чём только мы с ним ни говорили, но он ко всему относился с недоверием.

Какие только блюда ни включали в шведский стол, но всегда постояльцы ожидали ещё чего-то.

Где он ни показывался, его везде узнавали.

Когда он ни звонил, с ним всегда были рады поговорить.

Откуда он ни писал, его письма всегда были полны оптимизма.

Интенсивность признака выражается и рядом специфических конструкций:

хоть + императив, где значение реализуется через идею критической, напряжённой ситуации, в которой предполагается действие, возможное как крайняя мера, но необязательно осуществляемое:

Работы столько, хоть в отпуск не иди. Никак не могу дозвониться сестре, хоть посылай телеграмму. Платье промокло, хоть выжмай!

несободные сочетания с общим значением 'обогнать, опередить': *побить все рекорды, оставить кого-то позади, перекрыть все результаты (показатели, рекорды), обойти кого-либо на целую голову, уйти далеко вперёд, намного оторваться от других. В прошлом году Б. Акунин по популярности и загадочности оставил далеко позади всех собратьев по перу и, видимо, может перекрыть все рекорды по тиражам. В своих исследованиях этот учёный ушёл далеко вперёд в сравнении с другими/на mnogo оторвался от других. В своих исследованиях этот учёный на целую голову обошёл других, работающих над той же темой.*

Эти конструкции характерны для разговорной речи и публицистики.

III. НЕДОСТАТОЧНАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ПРИЗНАКА ИЛИ ДЕЙСТВИЯ

Хотя в русском языке больше средств выражения степени признака, находящейся выше нормы, но присутствует и значение недостаточной интенсивности признака или действия, то есть степени ниже нормы. Это может выражаться с помощью глаголов со сложной приставкой **недо-**: **недосмотреть, недобрать, недоедать, недосыпать, недовыполнять, недоплатить, недопонять, недосмотреть, недолгоблывать, недоставать, недосчитаться.** Например: *Математику мы все недолобливали. Он недобрал баллов и не прошёл в университет по конкурсу. Мама в те годы много работала и недосыпала, считая, однако, что с работой ей повезло. Ради идеальной фигуры она систематически недоедает. Этому спортсмену недостаёт скорости. Няня недосмотрела за малышами, и они забрались*

на дерево. В образовании этого значения участвуют также и наречия мало, немного, несколько, не очень, слегка, чуть, едва, еле-еле, чуть-чуть, почти, совсем: *Как работник он не очень талантлив, еле справляется со своими обязанностями, несколько медлителен, чуть-чуть недоучен и слегка ленив.*

IV. Вид глагола как неспецифическое средство выражения интенсивности

Среди средств выражения значения интенсивности ни в фундаментальном, ни в прикладных, функциональных курсах современного русского языка никогда не рассматривался вид глагола, хотя значение это еще 25 лет назад попало в поле зрения аспектологов: в 1978 г. Ю.С. Маслов, разрабатывая иерархию семантических оппозиций русской аспектуальности, выделил наиболее общее противопоставление (динамики-статике) и частные оппозиции (действие, направленное к внутреннему пределу и не направленное к таковому; действие, достигающее своего предела, и действие, хотя и направленное к нему, но рассматриваемое в иной, не должной в этом случае, фазе; оппозиции однократности/неоднократности, регулярности/нерегулярности повторений, ограниченности/неограниченности длительности, оппозиция большой/малой интенсивности [Маслов 1978: 10-20].

В последние годы предпринимались шаги к использованию этого критерия при описании отдельных аспектуальных значений. Например, Е.А. Кокарева попыталась приложить его к анализу значений именных связочных предложений, однако пришла лишь к тому выводу, что «способы выражения интенсивности и других аспектуальных значений могут совпадать» [Кокарева 2003: 46].

Мы рассмотрим такое проявление интенсивности как интенсивность/экстенсивность речевого акта и в этой связи нам представляется актуальным суждение Тэк Гю Хонга, заявившего, что «Совершенный вид русского глагола связан с усилением иллокутивной силы речевого акта, а несовершенный вид – со смягчением его иллокутивной силы» [Тэк Гю Хонг 2003: 7]. Усиление и смягчение – достаточно типичные проявления интенсивности.

Проанализируем здесь лишь значение интенсивности в параметре ослабления как ослабление/смягчение иллокутивного акта вопроса, выражаемое через форму НСВ глагола, заменяющую в данном случае при отнесенности дискурса к плану прошедшего времени форму СВ (настоящее время несовершенного вида употребляется вместо прошедшего времени совершенного вида). Таким образом более «жесткий» вопрос, касающийся определенного факта в прошлом, в котором в обычной ситуации СВ перфектен, результативен, приобретает значение апроксимативности, неопределенности действия. Последнее как бы возвращается говорящим в свою среднюю фазу и теряет завершенность, результативность, перфектность.

Рассмотрим значение апроксимативности в дискурсе.

- I. – *Экологи предъявили заводу постановление суда. Штраф огромный, больше, чем можно было ожидать.*
– *В чем конкретно обвиняют? (вместо: обвинили)*

Говорящий допускает, что обвинения могут быть пересмотрены.

- II. – *Как дела у Татьяны?*
 – *Только что выписалась из больницы с неприятным диагнозом.*
 – *Что ставят? (вместо: поставили) /Что находят? (вместо: нашли)*
- Говорящий допускает неокончателность, спорность, приблизительность диагноза.
- III. – *Представители фирмы провели интервью с дипломниками этого выпуска и отобрали Сергея в группу кандидатов на работу в фирме.*
 – *Повезло. Что предлагают? (вместо: предложили)*
- Говорящий допускает возможность новых, иных предложений.
- IV. – *Чем он занимался?*
 – *Он вел бытовые съемки народа этни, комментарий опубликовал в этнографическом журнале. Из Йеллоуфилда Е-мейл прислали с предложением.*
 – *Что предлагают? (вместо: предложили)*

(Л. Петрушевская)

В ряде практических пособий по курсу РКИ подобные случаи трактуются как процессное значение видо-временной формы. Но в контексте есть показатели однократности: СВ глагола (*прислали*), форма единственного числа объекта (*Е-мейл*). Предложение такого рода, выраженное в одном послании, трудно представить в виде процесса. На наш взгляд, это аппроксимативность, вариативность, неокончателность результата: предложили, но обсуждение еще возможно, окончательное решение не принято. Такие реплики, как правило, лаконичны и типичным средством выражения данного значения служит видо-временная форма глагола настоящего времени несовершенного вида.

Значение аппроксимативности, являясь в значительной мере контекстуально связанным, т.е. элементом не семантики предложения, а семантики сверхфразового единства, никогда не реализуется в первой реплике дискурса. Категория вида глагола выступает в этих случаях в своей интерпретационной функции. Вид является неспецифическим средством выражения значения интенсивности в параметре ослабления.

Литература

- Кокарева Е.А. Аспектуальность и способы ее выражения в именных связочных предложениях. Дисс. ... канд.филол. наук. М., 2003.
- Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Тэк Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.

ОГРАНИЧИТЕЛЬНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПРОЗЕ
В. ПЕЛЕВИНА

Исследования языковых средств создания текстов разных жанров входят под пристальным вниманием современной лингвистической науки. На роль детерминирующих конструкций в тексте указывали разные учёные, разделяющие идею неприсловных распространителей предложения [см. 1], но специального исследования в этой области не проводилось, поэтому нам представляется интересным познакомиться с тексто- и смыслообразующими функциями детерминантов, употреблением которых активизировалось в современной художественной литературе, особенно в прозе В. Пелевина. И хотя статус детерминантов до сих пор является в науке предметом дискуссий, мы надеемся, что рассмотрение поставленной проблемы позволит найти дополнительные аргументы и пользу теории детерминации.

Особую разновидность обстоятельственных распространителей предложения в целом представляют ограничительно-выделительные детерминанты (далее ОВД), которые выражаются преимущественно конструкциями с производными предлогами *в смысле, в лице, кроме, помимо, наряду с, включая, сверх, вместо* и др. Их специфика состоит в том, что они не являются зависимым компонентом словосочетания, но реализуют сему ограничения или выделения по отношению к отдельным компонентам элементарной семантической структуры и выражают такие логические операции ограничительного плана, как «включение – объединение», «замещение», «выделение», «исключение – разъединение» субъектов, объектов или предикатов, находящихся в отношениях «часть – целое» [см. 2].

Типичная функция детерминантов в тексте в значительной мере обусловлена их позицией в высказывании – переходное звено от одной части сообщения к другой, своеобразная скрепа между ними. Рассматриваемая нами группа детерминантов с ограничительно-выделительным значением особенно активно проявляет тексто- и смыслообразующие свойства, заданные совмещением обстоятельственной семантики с функцией актанта и скрепы.

«Текст и есть «корпус» (по-французски это так и звучит), – пишет Л.В. Карасёв. – Его телесная определенность (или неопределенность) обь является на границе, где действуют силы, идущие от автора, а значит, и от его телесной формы, и от читателя, обладающего своей собственной формой. Текст существует в створе двух разнонаправленных телесных интенций, заимствуя их исходные формы. Иначе говоря, именно эта взаимообусловленность и потребность друг в друге создают то промежуточное образование, которое становится "телом" текста» [3, С. 17]. Тезис о «жизненности» текста, выдвинутый Л.В. Карасёвым, как нельзя кстати даёт объяснение некоторым синтаксическим явлениям. Если текст – это тело, то тексто- и смыслообразующие средства можно, исходя из этой идеи Карасёва, считать своеобразными «активными точками» текста.

Такого рода исключительные и замещающие «активные точки» активно представлены в прозе В. Пелевина (на 900 страницах текстов писателя

встречается около 200 конструкций с исключительным значением и 180 с замещающим, а включения и выделения всего 150), что можно объяснить как спецификой жанра постмодернистской прозы (разрушение стереотипного мышления), так и смыслообразующими возможностями, к примеру, конструкций с исключительным (1) и замещающим (2) значением.

1. Известно, что, например, исключительное суждение – это общее суждение, в котором исключается часть предметов, не обладающих признаком, присущим всем предметам рассматриваемого класса. Поскольку в процессе образования исключительных суждений происходит переход от менее точного знания к более точному знанию, то эти суждения играют важную роль в процессе не только познания, но и создания текста.

Отношения исключения способствуют передаче знаний о сущности объектов окружающего мира, об отклонениях от нормы, вызывающих наибольшие споры и разногласия. Правил без исключений не бывает – эта мысль органически вошла в «тело» прозы В.Пелевина. Исключением из общепринятых канонов становятся его идеи, сюжеты и герои.

Отношения исключения, оформленные падежными словоформами с предлогами типа: *кроме Мао, кроме неподвижного голубя, помимо физического, за исключением нескольких специалистов* и т.п., называют то, что противопоставлено содержанию не только остальной части высказывания, но и последующего текста. Ср. на примере тематического развития текста по формуле «никто, кроме N, не понимал»:

Перестройка ворвалась в сортир на Тимирязевском бульваре одновременно с нескольких направлений. Клиенты стали дольше засиживаться в кабинках, оттягивая момент расставания с осмелевшими газетными обрывками, на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле педерастов весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы, еще далекой, но уже несомненной, промче стали те части матерных монологов, где помимо господ Бога упоминались руководители партии и правительства, чаще стали перебои с водой и светом.

Никто из вовлеченных во все это толком не понимал, почему он участвует в происходящем – никто, *кроме уборщицы мужского туалета Веры, существа неопределенного возраста и совершенно бесполого, как и все ее коллеги*. Для Веры начавшиеся перемены тоже были некоторой неожиданностью, – но только в смысле точной даты их начала и конкретной формы проявления, а не в смысле их источника, потому что этим источником была она сама.

Представленный фрагмент текста является началом рассказа «Девятый сон Веры Павловны». Открывается он обобщающим зачином повествовательного типа, состоящим из двух абзацев, первый абзац становится фоновым рисунком, на котором происходит действие произведения. Второй абзац ССЦ сужает, детализирует одно из *направлений (клиенты)* и общую мысль об их неподготовленности к происходящему и поиске объяснения всему (*перестройка ворвалась: клиенты стали – никто не понимал*), поэтому возникла необходимость описания действительности через призму представлений самих предметов (принцип семантической организации текста – предметность) [4, С. 66-67.]. Цепная синонимическая связь даст начало двум параллельным зачинам, имеющим одинаково-

вый порядок слов и единую видо-временную форму сказуемого (несовершенный вид прошедшего времени – размещает события в одной плоскости вне прошлого [5, С. 455]).

Использование детерминанта в начальном ССЦ рассказа семантически и структурно оправданно и необходимо: лексический повтор (*никто*) вводит рему – ключевую информацию рассказа, заключенную в ограничительно-выделительной конструкции с исключительным значением (*кроме уборщицы мужского туалета Веры*). Эффекта неожиданности автор достиг, но выделение лица из общего числа объектов закономерно ведет к выяснению причин происходящего, что станет последней ремой этого ССЦ и получит развитие во втором ССЦ этого фрагмента (*этим источником была она сама*). Таким образом, ограничительно-выделительная семантика «провоцирует» причину, что вполне закономерно в повествовательном тексте. Интересно также отметить, что ограничительно-выделительное значение под влиянием семантики составляющих словоформ приобретают и другие текстообразующие средства, например, союз *но*. Как отмечала И.Н. Кручинина [6, С. 207], «союз *но* обрывает прямую линию повествования и направляет его по другому руслу», т.к. в основе его текстовой семантики лежит значение предельности. В нашем случае предельность выражается ограничением в содержании предыдущих частей предложения. Общей ограничительно-выделительной семантике ремы во многом способствует использование автором другой выделительной конструкции, оформленной предлогом *в смысле*.

Героиня рассказа, которая введена автором в качестве исключения, приняла условия игры, предложенные перестройкой, но только избавиться от туалетного запаха в своей «лавке» не смогла. Конструкция исключения начинает повествование, и выделенный ею актант распространяет своё влияние на весь текст (создаёт смысловой каркас), где автор готов улыбнуться сам и заставляет улыбаться читателя над любимыми современными «переборами» и задуматься над тем, что тайна бытия сама по себе вне смысла не решает проблем.

Примером участия активных точек, выраженных ОВД исключения в диалогическом единстве (ДЕ), является и фрагмент 2 главы «Инициация» другой повести В. Пелевина «Жизнь насекомых». Перед нами монотемный диалог, оформленный беседой-цепочкой отца и сына, в центре которого развитие формулы «ничего, кроме N, нет»:

Отец положил руки на шар и чуть толкнул его вперед.

– Это и есть весь мир, – сказал он.

– Что-то я не понимаю, – сказал мальчик, – как это навозный шар может быть всем миром. Или как это весь мир может стать навозным шаром. <...>

– Но если это весь мир, то что же тогда все остальное?

– Какое остальное?

– Ну, остальное.

Отец терпеливо улыбнулся.

– Я знаю, это сложно понять, – сказал он. – Но, **кроме навоза**, ничего просто нет. Все, что я вижу вокруг, – отец широким жестом обвел туман, – это на самом деле **Йа**. И цель жизни – толкать его вперед. Понимаешь? Когда смотришь по сторонам,* просто видишь **Йа** изнутри.

Мальчик наморщился и некоторое время думал. Потом он начал спрещать вывалившийся перед ним навоз ладонями и с удивительной легкостью за несколько минут слепил шар, не особо круглый, но все же несомненный. Шар был высотой точь-в-точь с мальчика, и это показалось ему странным. <...>

— Значит, теперь надо толкать его вперед?

Отец кивнул головой.

— А все вокруг и есть этот шар?

Отец опять кивнул.

— Но как же я могу одновременно видеть этот шар изнутри и толкать его вперед?

— Сам не знаю, — развел руками отец. — Вот когда вырастешь, станешь философом и всем нам объяснишь.

— Хорошо, — сказал мальчик, — если ничего, **кроме навоза**, нет, то кто же тогда я? Я-то ведь не из навоза.

— Попробую объяснить, — сказал отец, погружая руки в шар и передавая сыну еще горсть. — Правильно, вот так, вот так, ладошками... Теперь погляди внимательно на свой шар. Это ты и есть.

Срединный фрагмент ДЕ развивает начатую в главе микротему — что такое мир и в чем смысл жизни. Единая тематика (*Иа*) подчиняет себе все текстообразующие средства диалога: ранние ответные фразы отца (*это самая реальная вещь на свете; там один навоз; Чтобы все вокруг стало навозом, надо иметь Иа. Тогда весь мир окажется в твоих руках. И ты будешь толкать его вперед.*) подготавливают к конечному утверждению (*кроме навоза, ничего просто нет*), трансформирующемуся в конструкцию *есть только навоз*.

Наличие в ДЕ катафорической и анафорической связи (центром которой становится исключение) стимулирует развитие темы: теперь сын задаёт вполне закономерный вопрос, используя ставшую темарематическим ядром конструкцию для продолжения коммуникации. Интересно, что автор использует не привычный для диалога эллиптический повтор, а точный лексический повтор ОВД с инверсией: новая тема познания себя или осознания себя в мире актуализировалась.

Итак, на макротематическом уровне ОВД со значением исключения принимает участие в описании процесса социализации молодого человека в обществе (читаем конец главы: *«Иа вырасту большой, женюсь, у меня будут дети, и иа научу их всему, чему меня научил папа. И иа буду с ними таким же добрым, каким он был со мной, а когда иа стану старым, они будут обо мне заботиться, и все мы проживем долгую счастливую жизнь»*, — думал он, просыпаясь и поднимаясь по плавной окружности навстречу новому дню движения сквозз холодный туман по направлению к пляжу»), являются активной точкой, к которой сводится и от которой начинается микротема, и выступают текстообразующим средством рекуррентности и изотопии текста (по О. Москальской).

2. Замещение — передача информации о многообразии объектов окружающей действительности и возможности выбора. Но выбор может быть непредсказуем, и тогда буддистский тезис «мир — это только мое впечатление» полностью подтверждает основную тему творчества В. Пелевина.

Слова И. Бродского (поэта, тоже активно использующего ОВД), ставшие эпиграфом к роману «Жизнь насекомых» (*Я в своем саду. Горит светильник./Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых./Вместо слабых мира этого и сильных —/Лишь согласное гуденье насекомых.*), тоже содержат ограничительно-выделительную семантику, созданную ОВД замещения и частицей *лишь* [7, С. 185.], что подтверждает преобладание такого типа отношений в произведениях Пелевина, который, как и И. Бродский, задумывается о кардинальных вопросах человеческого существования вне времени и пространства.

Рассмотрим пример, где детерминант замещения находится в начальной позиции второго ССЦ рассказа, и проследим развитие обусловленного им текстового потенциала по формуле «есть нечто (или некто) вместо N»:

Метро все еще позволяет москвичам мечтать

Московское метро, пожалуй, единственное транспортное средство в мире, которым так интересуются туристы, как только музеями и архитектурными памятниками, — это поистине шедевр советского искусства, который был задуман не как транспортное средство, а как нечто, что должно трансформировать сознание людей и переносить его из ежедневной рутины в идеологическую сферу. История строительства метро началась в тридцатые годы, и, как это ни парадоксально, первое в мире атеистическое государство ориентировалось при этом на религиозное наследие античности. Так метро напоминает подземный комплекс храмов, в котором верующий транспортируется от одного святилища к другому, или римские катакомбы, в которых собирались первые христиане, и где возникла цивилизация, пришедшая на смену античности. Так и московские катакомбы, украшенные мрамором и гранитом, сияющие сталью и хрусталем, должны были стать колыбелью нового общества — строительство социализма началось под землей.

Странные гибриды

Первые станции московского метро — это странные гибриды из святилищ ацтеков и греческих храмов. **Вместо богов** в стенных нишах стоят статуи героев: вооруженные матросы, солдаты и крестьяне в лаптях из бронзы. Эстетика метро ни в коей мере не результат творческой свободы, она прежде всего вытекает из сложных политических соображений. Перед открытием станции метро «Площадь революции», например, идеологическая комиссия хотела убрать оттуда статуи, так как они показывали советского человека в полусогнутом положении почти на коленях. Сталин сам помешал этому, сказав, что статуи выглядят как живые. Бронзовые божи пережили Сталина и Советский Союз, дула их револьверов, отпорованные миллионами рук, все еще направлены на толпу.

Основным принципом организации данного текста является предметность. Главная мысль автора выделяется в абсолютную препозицию и продолжает семантическую линию описания, начатую в первом ССЦ посредством дистантной связи (*подземный комплекс храмов; римские ката-*

комбы; колыбель нового общества). Если в предшествующих примерах В.Пелевин средством межфразовой связи использовал лексический повтор, то в данном случае используется синонимическая замена, которая добавляет новую черту к характеристике предмета [4, С. 49] (*станции метро – странные гибриды*).

В большинстве случаев взаимозамена или замена объектов предполагает их смысловую самостоятельность, ограниченную определенным множеством. В нашем случае из числа объектов, связанных с понятием храм и святилище, выбрано самое далёкое в ассоциативном ряду – *герои в лоптях из бронзы*, вставшее на место предсказуемого контекстом *боги*. ОВД стал своеобразной точкой, после которой произошел «тематический сбой», развивающий микротему *странные гибриды* – это статуи героев. Через три предложения автор посредством перифразы (*бронзовые божки*) дистантно пытается убедить читателя или в правомерности произведённой замены, или в неверном декодировании языкового знака (может, *боги* – это всего лишь ирония). Самое интересное заключается в том, что тема «божественного», от которой мы отказались, возвращается в последнем ССЦ произведения, и тогда участие ОВД приобретает ещё большую релевантность (*Но Бог милостив. На самой глубокой станции московского метро, станции «Маяковская», овальные окна открывают вид с темного заштукатуренного потолка на нарисованное голубое небо, с самолетами, пестрыми воздушными шарами и ветвями цветущих яблонь. Может быть, строители метро тридцатых, сороковых и пятидесятых годов, все те люди, памятником которым является московское метро, ушли именно туда, в эту нарисованную голубизну, в подземное небо с застывшими розовыми облаками вечного заката*) – проходя через круги ада, душа попадает в чистилище, а затем в рай (святилище – вместо богов божки – небо).

Здесь наблюдается определённая синтаксическая компрессия, возможно, это связано с идиостилем Пелевина, о котором исследователи его творчества отзываются так: «Пелевин не писатель, а слагатель текстов, речевых, но лишенных языка. Он работает интонацией, разговорным блоком, идиомой, конструкцией. Он работает образами компьютерной графики и ее приемами. И неплохо это делает, создавая не очень сложные, но действующие модели сознания». [9] Но мы склонны считать, что это происходит за счёт языковых средств, в частности, детерминантов со значением ограничения и выделения, принимающих участие в формировании когерентности текста.

Итак, ограничительно-выделительные детерминанты можно причислить к арсеналу активных средств как тексто-, так и смыслообразования, что позволит пишущему использовать их 1) для формирования композиционных частей и тематического единства фрагмента текста; 2) для образования смыслового каркаса фрагмента и 3) расстановки авторских смысловых акцентов.

Литература

1. Малашенко В.П., Малашенко М.В. И всё-таки они существуют! (К проблеме детерминирующих членов предложения) // Филологический вестник РГУ. – 2004. – №1. – С. 26-33.; Лебедева Л.Б. Смысловые отношения в высказываниях, содержащих детерминанты // Вестник ЛГУ. Сер.2. –Л., 1990. – Т.49.- №3.- С.286-

- лова О.А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // ВЯ. 1976. №2. – С.43-52; Клемёнова Е.П. Текст- и смыслообразующие функции ограничительно-выделительных детерминантов // Язык. Дискурс. Текст: Международная научная конференция, посвященная юбилею В.П. Малащенко (Ростов-на-Дону, РГПУ, лингвистический институт, 11 – 12 марта 2004 г.): Труды и материалы / Часть 2. 2004. – С. 66-70.
2. Клемёнова Е. Н. Ограничительно-выделительные детерминанты в современном русском языке: АКД. – Ростов-на-Дону, 2001.
 3. Карасёв Л.В. Живой текст // ВФ. – 2001, – №9. – С. 11-21.
 4. Лосева Л.М. Структурно-семантическая организация целых текстов. – Одесса, 1973.
 5. Виноградов В.В. Русский язык// Грамматическое учение о слове. – 2-е изд., – М.: Высш. шк., 1972.
 6. Кручинина И.Н. Текстобразующие функции сочинительной связи // Текст и контекст. – М., 1984.
 7. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, местоимения, частицы, междометия, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. – М., 2002.
 8. Москальская О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.). – М., 1981.
 9. Шайтанов И. Проект Ptelevin. // Вопросы литературы. – 2003. – № 4.

ВИДЫ ГЛАГОЛА (функционирование их в речи)

Статья вторая

Напомним содержательные оппозиции высказываний, обусловленные выбором того или другого вида при обозначении действия, которые были рассмотрены в первой статье.

Несовершенный вид	Совершенный вид
1	
<p>– Вы переводили эту статью? Она вам знакома?</p> <p>– Вы уже завтракали? А то выпейте с нами кофе.</p> <p>(= для сообщения актуально то, что действие имело место)</p>	<p>– Я уже перевел статью. Словарь мне пока больше не нужен.</p> <p>– Мы уже позавтракали, со стола можно убирать.</p> <p>– Вы позавтракали? А то мы не скоро сможем пообедать.</p> <p>(= сообщается о <u>завершённости</u> и <u>результативности реализованного</u> действия или действия, которое, с точки зрения говорящего, <u>желательно, должно было произойти</u>)</p>
2	
<p>Таких задач я никогда не решал. (= действие не имело места)</p> <p>Первую задачу я решил, а вторую еще не решал. (= субъект ещё не приступал к действию)</p> <p>Этих задач я не решал, они не имеют отношения к той теме, которой я сейчас занимаюсь. (= субъект не делал этого и не собирался делать)</p> <p>Не знаю, справлюсь ли я с заданием. Я уже сто лет не решал никаких задач. (= действие долгое время не имело места)</p>	<p>Я ещё не решил задачу, надо еще подумать. (= субъект приступил к действию, но пока ещё не достиг его результата)</p> <p>Он не подготовился к занятиям, просидел весь вечер у телевизора. (= субъект не сделал того, что собирался, должен был сделать)</p>

3. Действие, представленное в его течении

В определённых случаях говорящему бывает важно сообщить, **чем был занят** субъект в течение какого-то времени, чем было «заполнено» его время:

- Чем ты **был занят** до моего прихода? Что делал? – **Читал**.
- Почему у тебя на столе столько книг? – А я **готовился** к занятиям.

как именно протекало, развивалось действие:
Он с **увлечением читал** какой-то роман.
Он **стремительно спускался** с горы на лыжах.

***как протекало, совершалось** действие какого-либо неодушевленного субъекта:

Ветер дул с юга.

Комнату освещала яркая лампа.

Как вы видите, для обозначения действия в таком случае используется **несовершенный вид** глагола.

У П Р А Ж Н Е Н И Я

Представляется целесообразным для начала сопоставить высказывания, в которых использование несовершенного вида служит выражению разных дополнительных смыслов, осложняющих основное, объективное значение глагола: констатирует некоторый факт или представляет действие в его течении, развитии, как процесс.

1. Прочитайте предложения и скажите, в каком случае указывается только на то, имело ли действие место, и в каком обозначен процесс действия.

1. Собирались пить чай, и она **ставила** на стол чашки, вазочки с конфетами и печеньем. – На столе почему-то не оказалось сахарницы, хотя она точно помнила, что **ставила** её. 2. Я знаю это стихотворение, я **учил** его. – Это стихотворение запомнилось легко, я **учил** его не больше получаса. и т.п.

2. Сообщите, чем вы были заняты в указанное время.

а. Подтвердите предположение собеседника (дайте утвердительный ответ).

О б р а з е ц: *Что ты сейчас делал? Слушал музыку? – Да, слушал музыку.*

б. Предположение собеседника было ошибочным. Сообщите, чем вы в действительности были заняты.

О б р а з е ц: *Ты сейчас слушал музыку? – Нет, смотрел новости по телевизору.*

3. Ответьте на вопросы. Скажите, чем вы были заняты в названное время, если вам надо было: приготовить завтрак, убрать комнату, встретиться со школьными друзьями и т.п.

О б р а з е ц: *Что ты делал сейчас на кухне? – Готовил завтрак.*

1. А чем ты был занят потом? 2. А что ты делал после занятий? и т.п.

4. Спросите, долго ли ваш собеседник был чем-либо занят.

О б р а з е ц: *Наконец-то мы дождались автобуса. – А вы долго его ждали?*

1. Наконец-то мы дошли до реки. 2. Разобрали вещи в своих рюкзаках. 2. И костёр разожгли. и т.п.

4. **Обозначение одновременных или последовательных событий**

Когда мы сообщаем о совпадении событий во времени (их одновременности), мы видим хотя бы одно из них как процесс, в его течении. И как мы знаем, такое действие обозначается **несовершенным** видом глагола:

Они пили чай и о чём-то беседовали.

Я переводил текст и выписывал некоторые незнакомые мне слова.

Когда я отвечал на экзамене, я немного волновался.

В данных сообщениях речь идёт о совпадении во времени двух протяжённых во времени действиях.

Возможна другая ситуация, когда какое-либо краткое по времени и к моменту речи завершившееся действие происходит как бы на фоне длительного (начинается и заканчивается, пока оно длится), совпадает с ним лишь в какой-то момент:

Когда мы пили чай, нам принесли письма.

Это слово я впервые встретил, когда переводил этот текст.

Когда я отвечал, в аудиторию вошёл декан факультета.

Длительное действие (*пили, переводил, отвечал*) соответственно обозначается глаголом *несовершенного* вида, а краткое, завершившееся (*принесли, встретил, вошёл*) – глаголом *совершенного* вида.

Последовательно происходящие действия обозначаются глаголами совершенного вида:

Я посмотрел, от кого эти письма, взял одно из них и распечатал.

Я выписал незнакомые слова и проверил их значение по словарю.

У п р а ж н е н и я

1. Прочитайте предложения. Скажите, одновременно или последовательно происходят названные действия.

1. Он стоял у схемы метро и искал на ней станцию «Университет». Он нашёл на схеме эту станцию и посмотрел, как к ней ехать. Он смотрел на схему и считал, на какой остановке ему надо будет выйти. 2. Они сидели в парке и обменивались новостями. Они сидели и беседовали, а мимо них пробежала группа ребятшек. Они посидели у фонтана и пошли к озеру. и т.п.

После сопоставления отдельных примеров в упражнении с тем же заданием целесообразно предложить для анализа материал, придав ему вид небольшого текста (упражнение 2).

2. Прочитайте предложения. Скажите, одновременно или последовательно происходят названные действия.

Я пришёл на почту, купил поздравительные открытки и сел писать поздравления с праздником. Рядом со мной за столом сидела девушка и тоже писала поздравления. Я написал первую из открыток и спросил у девушки, где надо писать обратный адрес. Девушка объяснила мне это, я поблагодарил её. По моему вопросу она поняла, что я недавно в России и поинтересовалась, откуда я. и т.д.

3. Выберите из скобок нужный вид глагола (поставьте его вместо точек), чтобы показать, о последовательных или одновременных действиях идёт речь. Обратите внимание, что в некоторых случаях возможно двойное описание ситуации: действия могут быть представлены и как одновременные, и как последовательные.

О б р а з е ц: (*читал / прочитал*) Я готовился к завтрашним занятиям, а Саша читал. Он увлеченно читал, но кто-то позвонил ему по телефону и пришлось оторваться от книги. Он прочитал несколько страниц и отложил книгу.

1. (*ехал / поехал*) Я окончил школу и ... учиться в Москву. Я ... и строил планы на будущее. В поезде, когда я ... в Москву, я познакомился со своим будущим хорошим другом. 2. (*просматривал / просмотрел*) Он ждал автобуса и ... журнал. Он ... журнал, когда подошел автобус. Он ... журнал и убрал его. 3. (*ходили / вошли*) Когда мы ... в зрительный зал, мы показали контролёру свои билеты. Мы ... в зал и нашли свои места. Третий звонок прозвенел, как раз когда мы ... в зал. и т.п.

4. Опишите названные ситуации. Объясните, в чём их различие.

1. Он увидел нас, когда мы *вошли* в аудиторию. – Он увидел нас, когда мы *входили* в аудиторию. 2. Друзья пришли, когда я *готовила* ужин. – Друзья пришли, когда я только что *приготовила* ужин. 3. Когда он позвонил нам, мы *садились* за стол. – Когда он позвонил нам, мы уже *сели* за стол. и т.п.

5. Ответьте на вопросы, используя нужный вид глагола, данного в скобках. Подтвердите высказанное предположение о том, что действия произошли последовательно, или возразите на него, показав, что второе произошло, когда первое действие еще не закончилось.

О б р а з е ц: (*входил / вошёл*) Вы были уже в аудитории, когда прозвенел звонок? – Да, я уже вошёл в аудиторию. / Нет, я ещё только входил в аудиторию.

1. (*возвращались / вернулись* домой) Вы попали под дождь? – Да, дождь начался, когда мы ... / Нет, дождь начался, когда мы ... 2. (*ехал / приехал*) Вы познакомились с Катей по дороге в Москву? – Да, ... / Нет, ... 3. (*подходил / подошёл*) Автобус был уже на остановке, когда вы увидели его? – Да, ... / Нет, ... и т.п.

6. Ответьте на вопросы, сообщив, что действие, о котором вас спрашивает ваш собеседник, произошло немного раньше, чем он предполагает.

О б р а з е ц: Когда вы увидели Риту? Когда *вышли* из автобуса? – Нет, немного раньше, когда мы еще только *выходили* из автобуса.

1. А когда Рита заметила вас? Когда вы уже *подошли* к театру? 2. Вы не опоздали? Третий звонок прозвенел, когда вы уже *поднялись* в фойе зрительного зала? 3. А в зал вы *вошли*, когда свет уже *погасили*? 4. Вы заняли свои места, когда действие уже *началось*? и т.п.

7. Закончите высказывания, выбрав подходящее по смыслу завершение из числа предложенных.

1.	a.	Он распечатывал письмо ...	и вынул из конверта то, что в нём лежало.
	b.	Он распечатал письмо ...	и ни на кого не смотрел.
			и старался угадать, от кого оно.
			и в волнении стал его просматривать.
2.	a.	Он читал письмо ...	и постепенно успокаивался.
	b.	Он прочитал письмо ...	и успокоился.
			и улыбался.
			и отложил его в сторону.

и т.п.

Обратите внимание! Сообщая о том, что некоторое длительное действие произошло после другого, мы можем представить это второе действие уже завершившимся (увидеть его в ретроспективе):

Он *подошёл* к газетному киоску и *посмотрел*, какие журналы *можно там купить*.

или обозначить его в момент, когда оно только начинается (увидеть его в перспективе):

Он *подошёл* к газетному киоску и *стал смотреть*, какие журналы *можно там купить*.

Ср.:

Наступила весна, и на деревьях распустились листья. – Наступила весна, и на деревьях стали распускаться листья.

Я взял словарь и нашёл нужное мне слово. – Я взял словарь и стал искать нужное мне слово.

Он включил телевизор и посмотрел «Новости». – Он включил телевизор и стал смотреть «Новости».

Если в высказывании имеется в виду ситуация, реализующаяся в момент речи (одно из действий завершается непосредственно перед этим, а второе сразу же в этот момент «берёт начало»), действие, к которому субъект только приступил, по сути протекает, совершается сейчас, в настоящее время.

Подобная ситуация может быть обозначена двояко:

Он взял журнал и стал просматривать его. – Он взял журнал и сейчас (теперь) просматривает его.

Я спросил у Саши, как проехать в зоопарк, и Саша стал объяснять мне, как это сделать. – Я спросил у Саши, как проехать в зоопарк, и вот Саша объясняет мне, как это сделать.

У п р а ж н е н и я

1. Ответьте на вопросы. Подтвердите, что, завершив некоторое действие, вы приступили к другому (стали выполнять другое).

О б р а з е ц: Вы взяли только что купленный журнал и стали его просматривать? – Да, я взял журнал и стал его просматривать.

1. Вы выслушали вопрос и стали обдумывать, как на него лучше ответить? 2. Вы узнали, что у Саши сегодня день рождения, и стали звонить ему, чтобы поздравить? и т.п.

Обратите внимание! Указывая на начало действия, иногда вместо глагола *стать* используют глагол *сесть*:

Он взял гитару и стал настраивать её. – Он взял гитару и сел настраивать её.

Она положила на стол какие-то книги и стала готовиться к занятиям. – Она положила на стол какие-то книги и села готовиться к занятиям.

Они поужинали и стали смотреть телевизор. – Они поужинали и сели смотреть телевизор.

Данный вариант оформления высказывания, как это понятно, используется лишь в тех случаях, когда начинаемое действие может производиться и обычно производится сидя.

Скажите, в каких из высказываний, приведённых в упражнении 1, глагол *стать* можно заменить глаголом *сесть*?

2. Сопоставьте данные высказывания. Скажите, чем отличаются друг от друга описанные ситуации, ответив на предложенные вопросы.

О б р а з е ц: а. Он взял словарь и стал искать нужное ему слово. – б. Он взял словарь и нашёл нужное ему слово. Он всё ещё перелистывает словарь? – а. Да, он все еще перелистывает словарь. б. Нет.

1. а. Он раскрыл чемодан и стал вынимать из него вещи. б. Он раскрыл чемодан и вынул из него вещи. – Чемодан уже пустой? 2. а. Он взял записную книжку и записал мой телефон. б. Он взял записную книжку и стал записывать мой телефон. – Он еще пишет? 3. а. Она уложила детей и стала рассказывать им сказку. б. Она уложила детей и рассказала им сказку. – Дети все еще слушают сказку? и т.п.

3. Ответьте на вопросы. Скажите, чем заняты сейчас те, о ком идёт речь.

О б р а з е ц: Он снял телефонную трубку и стал набирать номер? – Да, он снял телефонную трубку и теперь **набирает** номер.

1. Алексей пришел в библиотеку и стал искать в каталоге нужную ему книгу? 2. Он нашел номер шифра книги и стал его записывать? 3. Он получил книгу и стал её просматривать? и т.п.

4. Ответьте на вопросы. Укажите, что, выполнив одно действие, тот, о ком идёт речь, приступил к выполнению другого.

О б р а з е ц: Она пригласила нас выпить чаю и **теперь заваривает** свежий чай? – Да, она пригласила нас выпить чаю и **стала заваривать** свежий чай.

1. Она заварила свежий чай и теперь разливает его в чашки? 2. Он подготовился к завтрашним занятиям и теперь укладывает в сумку то, что ему может завтра понадобиться? 3. Он взял программу телепередач и теперь выбирает, что бы ему посмотреть? и т.п.

Есть ещё два момента, которые важно принять во внимание. Глагол **стать** в определенных случаях **опускается**, становится лишним, и его употребление нарушает корректность фразы.

Случай первый – это когда указывается, как долго протекало второе действие:

*Он открыл словарь и **минуты две** искал нужное ему слово.*

*Она вышла в сад и **долго** приводила в порядок цветочные клумбы.*

*Она села в кресло и **какое-то время** о чём-то сосредоточенно размышляла.*

Случай второй – это когда второе действие является прямым результатом первого:

*Он взял письмо и **держал** его, не решаясь распечатать (= мы держим ту вещь, которую взяли).*

*Она **вышла** в сад и **стояла** там, любуясь цветами (= результат того, что она вышла в сад – это то, что она там находится, стоит).*

*Она села в кресло и **сидела**, о чём-то размышляя.*

*Мяч **закатился** в кусты и **лежал** там, пока его случайно не нашли.*

Сравните:

*Она села в кресло и **взяла** свое вязание.*

*Она села в кресло и **стала** вязать.*

*Она села в кресло и **сидела**, отдыхая.*

*Он лег на диван и **заснул**.*

*Он лег на диван и **стал** засыпать.*

*Он лег на диван и **лежал**, просматривая газету.*

*Он взял словарь и **нашёл** нужное слово.*

*Он взял словарь и **стал** искать нужное слово.*

*Он взял словарь и **держал** его, не раскрывая.*

5. Вопрос о том, **к т о** выполнял или выполнил действие

1. Сравните следующие высказывания:

Кто писал адрес? Неправильно указали номер дома.

Кто написал упражнение? *Дайте посмотреть.*

Кто поливал цветы? Почему на полу вода?

Кто полил цветы? *Вот спасибо!*

Кто убирал книги со стола? *Не видели случайно мою тет-*

Кто убрал книги со стола? *Зачем?*

радь? Не могу её найти.

2. Прочитайте следующие высказывания:

Кто обедал в этом ресторане? *Хороший ресторан?*

Кто читал «Трудно быть богом» Стругацких? *Стоит прочитать?*

Кто сдавал экзамен профессору Федорову? *Он строго спрашивает?*

Используя определённый вид, говорящий раскрывает своё коммуникативное намерение: указывает, что именно его в данной ситуации интересует.

Как вы видите, его интересует не названное в вопросе действие.

В одних случаях (1) это нечто, что произошло /могло произойти в то время, когда производилось это действие (*кто-то допустил ошибку в написании адреса, пролил воду, убрал нужные книги*). Действие, в процессе которого произошло нечто, реально интересующее говорящего, обозначается несовершенным видом глагола, что обусловлено характером отражаемой ситуации: в ней совпадают во времени два события – длительное действие и реализующееся на его фоне краткое. Но важно отметить, что при этом речь идёт об уже реализованном действии, оно уже произошло (*кто-то уже написал адрес и сделал в нём ошибку, полил цветы и пролил при этом воду, уже убрал книги*).

В других (2) – какая-то особенность действия, которая становится очевидной только в процессе его совершения.

Что именно побуждает говорящего задать свой вопрос, раскрывается в последующей фразе. По сути, высказывание в целом – это вопрос о том, *кто неправильно указал номер дома, кто пролил воду, убрал книги или кто может сказать, хороший ли это ресторан, стоит ли читать названную повесть, трудно ли сдать экзамен профессору Федорову*.

Совершенный вид глагола используется в том случае, когда говорящего интересует результат сделанного (*ему нужно выполненное упражнение*) или он выражает свое отношение к тому, что реализовано названное действие, «оценивает» его результат (*хорошо, что цветы уже полили; плохо, что книги со стола убрали*).

У п р а ж н е н и я

1. Сравните данные высказывания. Объясните, почему употреблён тот или другой вид.

1. Кто *купи*л билеты на этот спектакль? Лишнего билета ни у кого нет? 2. Кто *покуп*ал билеты на этот спектакль? Не знаете, в кассе ещё есть билеты? 3. Кто *стирал* с доски? Плохо стёрли! 4. Кто *стёр* с доски? Зачем? То, что было написано, ещё будет нужно. 5. Кто *взя*л книгу, которая была здесь? Верните! 6. Кто *бр*ал книгу? Испачкали. и т.п.

2. Задайте вопрос, который мог бы последовать за данным высказыванием, если бы вы хотели выяснить, кто выполнил или кто выполнил действие. Используйте данные в скобках глаголы.

О б р а з е ц: (*мыть / вымыть*) Посуда вымыта. а) Как хорошо, что вся посуда уже чистая! *Кто вымыл посуду? Вот спасибо!* б) Одна чашка вымыта не очень хорошо. *Кто мыл посуду?* в) Разбили мою любимую чашку. *Кто мыл посуду?*

1. (*переставлять / переставить мебель*) Мебель переставлена. а) Зачем? Раньше было лучше. ... б) Поцарапали пол. ... в) Может быть, нашли случайно ваш любимый теннисный мячик? ... г) Давно пора было это сделать. ...

2. (выписывать / выписать журнал) Кто-то из ваших знакомых получает журнал. а) Вам нужен один из номеров журнала, вы хотите знать, кто может дать вам его. ... б) Вы хотите знать, как надо заполнять бланк подписки. ... 3. (вешать / повесить шторы) Шторы повешены. а) Хорошо. Не будет такого яркого света. ... б) В комнате стало гораздо уютнее. ... в) Зачем? И так мало света, а тут шторы! ... г) Уронили с окна цветок! ... д) Не положили на место молоток. и т.п.

Особо следует остановить внимание на вопросах **об авторстве** какого-либо произведения. Здесь равно возможно употребление и несовершенного и совершенного вида:

Кто писал этот портрет? / Кто написал этот портрет?

Кто строил Успенский собор Московского кремля? / Кто построил Успенский собор Московского кремля?

Кто переводил эти стихи? / Кто перевёл эти стихи?

Однако выбор вида указывает на особенность видения ситуации говорящим.

Он может представлять событие как творческий процесс, действие, развивающееся, «текущее» во времени. В таком случае в вопросе используется **несовершенный вид** глагола.

Или же в сознании говорящего доминирует представление об уже созданном произведении (результате творческого процесса) и только, сам же созидательный процесс как бы исключается из поля внимания, остаётся за её пределами. В таком случае в вопросе используется **совершенный вид** глагола.

б. Сообщение о сохранении или аннулированности результата действия в момент речи

Оппозиция значения видовых форм в данном случае служит отражению **разных ситуаций**. Сравните по значению следующие высказывания.

Моя сестра живет в Петербурге. Весной она **приезжала** ко мне на несколько дней. (= она была у меня, но сейчас её здесь уже нет, она уехала)

Весной Кира **уезжала** на несколько дней в Москву, к сестре. (= её не было в Петербурге, но сейчас она уже вернулась)

– Я видел у тебя вчера книгу Улицкой. Ты не дашь мне её почитать?

– Ты знаешь, это не моя книга, я **брал** её у Риты и уже вернул ей. (= книга была у меня, но сейчас её у меня уже нет)

– Это твой фотоаппарат? Я что-то его раньше у тебя не видел?

– А я давал его Саше, она ездила на Байкал, и ей хотелось по-снимать из хорошего фотоаппарата. (= аппарат какое-то вре-

Ко мне **приехала** сестра. Завтра мы вместе с ней пойдем в театр. (= она сейчас у меня)

Кира **уехала** к сестре в Москву. (= её нет сейчас в Петербурге)

– А это твоя книга?

– Нет, её я тоже **взял** у Риты. (= книга сейчас у меня, собеседник видит её)

– А где твой рюкзак?

– А я дал его Антону. (= у меня сейчас рюкзака нет)

мя был у Саши, у меня его тогда не было, но сейчас он уже ко мне вернулся, он у меня)

Как вы видите, глаголы **несовершенного** вида указывают на то, что имевший место в прошлом результат действия сейчас уже отсутствует, **аннулирован**: *приезжал* = был в том месте, которое было целью движения, но сейчас его здесь уже нет; *уезжал* = какое-то время отсутствовал, в том месте, в котором был до начала движения; по сейчас уже вернулся, опять находится здесь; *брал* у кого-то что-либо = названный предмет какое-то время был у субъекта действия, но сейчас его у него уже нет, он уже вернул его; *давал* кому-то что-либо = предмет какое-то время у субъекта отсутствовал, находился у кого-то другого, но сейчас уже вернулся к субъекту.

Глаголы **совершенного** вида указывают на то, что имевший место в прошлом результат действия **сохраняется и сейчас**: *приехал* – находится в том месте, которое было целью движения; *уехал* – отсутствует в том месте, в котором был до начала движения; *взял* – предмет находится у субъекта действия; *дал* – предмет находится у того лица, которому субъект передал его и т.п.

Значение аннулированности или сохранения в момент речи результата действия свойственно передавать глаголам, обозначающим действия-«антиподы»: *приходить / прийти – уходить / уйти; приезжать / приехать – уезжать / уехать; выходить / выйти – аходить / войти* и др. глаголы движения; *открывать / открыть – закрывать / закрыть; включать / включить – выключать / выключить; давать / дать – брать / взять; ставить / поставить или класть / положить – брать / взять, убирать / убрать* и др.

У п р а ж н е н и я

1. Прочитайте предложения и описание ситуации, о которой идет речь. Скажите, где **сейчас** находится то лицо или тот предмет, о которых говорится.

О б р а з е ц: Кира живет в Петербурге. К ней **приехала** Катя. – *Сейчас Катя в Петербурге.*

1. Утром профессор Петров был на кафедре. Он *ушёл* на совещание.
2. Профессор Петров *уходил* на совещание. 3. Лена *принесла* мне посмотреть очень красивый альбом с видами Москвы. 4. Попроси Лену показать тебе альбом, который она *приносила* мне. 5. Машина *остановилась* около светофора. 6. Машина *останавливалась* у светофора. и т.п.

2. Покажите, сохранился ли в момент речи результат действия, употребив вместо точек нужный вид данного в скобках глагола.

О б р а з е ц: (*приходить / прийти*) Мы с самого утра работаем в лаборатории. Мы *пришли* сюда около девяти часов. Саша тоже был здесь, но он *приходил* ненадолго.

1. (*открывать / открыть*) Дверь на балкон открыта, мы уже давно ... её. Утром мы тоже ненадолго ... балкон. 2. (*ставить / поставить*) – Где сок? – В холодильнике, я ... его в холодильник. – А почему молоко такое холодное? – ... его в холодильник. 3. (*выходить / выйти*) – Ты ... куда-нибудь или весь день просидел дома? – ... – А где все? Только что здесь были и Саша, и Света, и Антон. – На балконе, ... на балкон. и т.п.

3. Опишите ситуации, используя нужный вид глагола из скобок.

Образец: (уезжать / уехать) В сентябре Алексея не было в Москве. Он вернулся в начале октября. – В сентябре Алексей уезжал из Москвы.

1. (выходить / выйти) Саши нет дома, он в магазине. 2. (давать / дать) Несколько дней я пользовался машиной своего старшего брата. 3. (приходить / прийти) У меня в гостях друзья. 4. (приводить / привести) Они с детьми в зоопарке. 5. (включать / включить) Телевизор у них работал, только пока шли новости. и т.п.

4. Ответьте на вопросы Покажите, сохранился ли в момент речи результат действия, употребив нужный вид данного в скобках глагола.

Образец: (уезжать / уехать) Антон сейчас в Москве? – Нет, он ... (уехал).

1. (брать / взять) – Не дашь мне почитать рассказы Татьяны Толстой? – А у меня нет её рассказов. Я сам ... эту книгу у Гали. 2. (заходить / зайти) – Анна Сергеевна была сегодня у вас? – Да, она ... 3. (включать / включить) – Не темно будет работать за письменным столом? – Нет, я ... настольную лампу. и т.п.

[продолжение следует]

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ АКТАНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Определенность / неопределенность (обобщенность) предметного компонента отражаемой ситуации (актанта) является одной из основных понятийных категорий языка. Как и другие языковые категории с полевой структурой она включает в себя равноуровневые и разноаспектные лексические и грамматические средства (см. об этом, например, Теория функциональной грамматики 1992; Книга о грамматике 2004: 582-591).

Интересующую нас грамматическую категорию мы анализируем отдельно от определенности / неопределенности как явления коммуникативного аспекта предложения. Поскольку действие грамматической составляющей данной категории проявляется в асимметрии количественного состава компонентов семантической и формальной структур предложения, грамматическая категория определенности / неопределенности (обобщенности) актанта является компонентом релятивно-структурного подаспекта номинативного аспекта устройства предложения (Копров 1999: 16-19, 25-26).

В русской синтаксической традиции по показателю определенности / неопределенности системно противопоставлялись личные, определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Базируясь на собственно грамматических понятиях, А.А. Шахматов отметил, что действующее лицо в так называемом определенно-личном предложении характеризуется по линии грамматических категорий лица и числа, а в неопределенно-личном предложении указания на лицо и число деятеля отсутствуют (Шахматов 1941: 70). Выявление грамматической составляющей категории определенности / неопределенности семантического субъекта имеет очень большое значение для типологии русского предложения, разрабатываемой в целях преподавания РКИ (Книга о грамматике 2004: 43-48; Копров 2004: 129-131).

Однако описание категориальных признаков только одного семантического актанта – субъекта – не охватывает всего многообразия конструкций, противопоставленных по линии определенности / неопределенности. Отличительной чертой развиваемой нами трактовки категории определенности / неопределенности является ее распространение не только на субъектный актанта, но и на **все актанты**, являющиеся обязательными компонентами семантической структуры предложения, в первую очередь – на **объект**.

Сущность такой «расширенной» трактовки грамматической категории определенности / неопределенности актанта, на наш взгляд, заключается в следующем.

Если актанта (или актанты) оказывается в фокусе высказывания, то он **эксплицируется**, т. е. представляется в синтаксической структуре предложения соответствующей словоформой. При этом он обязательно получает (в том или ином объеме) грамматическую характеристику по линии **категорий числа, рода и персональности** (единственное / мно-

жественное число; мужской / женский / средний род; говорящий / собеседник / неучастник ситуации общения). Данные категориальные признаки актантов, реализуясь в конкретных предложениях в различных комбинациях, характеризуют его как **грамматически определенный**.

При этом другие актанты, как отметила Г.И. Володина, могут словесно не выражаться, т.е. в предложении они вытесняются в зону имплицитного обозначения (Володина 1989: 108-109, 120). Сущность этой невыраженности актанта можно трактовать по-разному: как его нелексикализованность или как его представление синтаксическим нулем.

Уточним, что если в результате языкового кодирования предметной ситуации ее компонент (или несколько компонентов) получает статус компонента семантической структуры предложения – актанта, то он уже опосредован языком, т.е. в ситуативно-структурном плане вербализован. Поэтому неназванность актанта в синтаксической конструкции не означает его отсутствия в семантической структуре предложения: она лишь обуславливает его некоторое неопределенное или обобщенное представление, которое подразумевает мысленное заполнение позиции такого имплицитного актанта образом предмета, который обычно выполняет в семантической структуре предложения функцию этого актанта. Таким образом, имплицитное обозначение актанта объясняется тем, что говорящий может рассчитывать на восстановление этого смысла адресатом.

При выражении актанта синтаксическим нулем его грамматические признаки числа, рода и персональности, естественно, остаются невыраженными, т.е. нейтрализуются; в этом явлении и заключается **грамматическая неопределенность** актанта. Сам неопределенный актант может быть известен или неизвестен говорящему (на его лексическую известность / неизвестность может указывать сама ситуация, контекст и т.д.).

Рассмотрим семантику и формы выражения категории определенности / неопределенности объекта в русском, английском и венгерском языках.

1. Определенность / неопределенность объекта в активных конструкциях.

Трактовка семантики объекта в активных конструкциях связана с проблемами глагольной переходности / непереходности, с анализом синтагматического окружения переходных глаголов.

Вопрос о причинах наличия или отсутствия прямого дополнения при переходных глаголах должен решаться как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. Если бы переходность глагола определялась только его лексической семантикой, то мы не имели бы фактов расхождения в составе переходных глаголов в различных языках. Решение вопроса только на синтаксическом уровне наталкивается на интерпретацию так называемого абсолютивного употребления переходных глаголов: *Мальчик читает книгу – Мальчик читает*.

Таким образом, раскрытие сущности категории определенности / неопределенности (обобщенности) объекта зависит от решения проблем переходности и абсолютивности.

В личной активной конструкции с переходным глаголом эксплицитный объект, как и субъект, грамматически характеризуется по линии категорий числа, рода и персональности как грамматически **определенный**: *Дворники в синих рубашках подметали мостовые* (А. Тол-

стой); Их хаотичное на первый взгляд движение незаметно передвигало и тебя (В. Дегтев); Он накидал в самовар сосновых шишек (К. Паустовский).

Аналогичная картина наблюдается в английском языке: *He was reading the letters (M. Spark); They were all chasing him (M. Spark).*

В соответствии с развиваемой нами концепцией в абсолютивном варианте активной конструкции объект представлен синтаксическим нулем, т. е. является грамматически **неопределенным**.

При интерпретации конкретной абсолютивной конструкции как формы выражения неопределенности объекта некоторую трудность может представлять отграничение таких конструкций от эллиптических высказываний типа (*Где газета?*) – *Мама читает*.

Другой сложностью при интерпретации абсолютивных конструкций как неопределенно-объектных является необходимость вовлечения в анализ целого ряда категорий других аспектов устройства предложения – предикативного и релятивного.

Так, абсолютивное употребление глагола возможно, как правило, при двух условиях: при несовершенном виде глагола и при наличии **распространителя** обстоятельственного типа, который часто придает действию значение обычного или повторяющегося:

Он славно пишет, переводит; Мальчик читает по-английски; Она весь день пишет; Он больно бьет; По вечерам они пели; Дети ели с жадностью.

Кроме того, в предложениях с глаголами в настоящем потенциальном времени типа *Ребенок видит; Пчелы жужжат* наблюдается оттенок модального значения "обладать способностью делать что-либо". Ср. русские и английские абсолютивные предложения:

Маленькие щенки не видят = Маленькие щенки не могут видеть;
Puppies don't see = Puppies can't see.

В венгерском языке в подобных случаях используются специальные "возможностные" формы глаголов, образуемые при помощи суффикса *-hat, -het*, который присоединяется к любому глаголу: *Láthatnak (Они могут видеть); Beszélhet (Он может говорить).*

В ряде случаев неопределенный объект в абсолютивных предложениях воспринимается как **обобщенный**.

Такие русские конструкции с переходными глаголами (без распространения) широко представлены в языке современной публицистики, куда попали, очевидно, из разговорной речи: *Успехи футболистов радуют; Фильм обвиняет.*

В английском языке обычная активная и абсолютивная конструкции также часто противопоставляются по признаку определенный / обобщенный объект действия: *Victor smokes cigars – Victor doesn't smoke.*

Аналогичная оппозиция отмечена и в венгерском языке: *A fiú újságot olvas (Мальчик читает газету) – A fiú olvas (Мальчик читает); A fiú jól olvas (Мальчик хорошо читает).*

Кроме того, в венгерском языке грамматическая и коммуникативная неопределенность, а также лексическая неизвестность объекта поддерживаются употреблением форм специального безобъектного спряжения глагола: *Főzünk (Мы варим); Keveset írunk (Мы мало пишем).*

См. активные предложения с неопределенным объектом в трех сопоставляемых языках: *Я не курю – I don't smoke – Nem dohányzom.*

2. Определенность / неопределенность объекта в пассивных конструкциях.

В русском языке, в отличие от английского и венгерского, сфера категории определенности / неопределенности объекта распространяется не только на активные, но и на пассивные конструкции некоторых типов.

В личных пассивных конструкциях русского, английского и венгерского языков семантический объект, занимающий позицию подлежащего, характеризуется как грамматически **определенный**, например: *Швеция была побита Советским Союзом (о хоккее)* – *Sweden was beaten by the Soviet Union – Svédország kikapott a Szovjetuniótól.*

Однако в русском пассивном предложении объект может предстать и как грамматически **неопределенный**. Это становится возможным благодаря тому, что в русском языке предложение может быть по структуре бесподлежащим (безличным, неопределенно-личным).

1) Безличные конструкции типа *Послано было за доктором; Заперто; У меня не убрано* являются, по нашему мнению, продуктом воздействия на семантику пассивности со стороны категории неопределенности. Такие пассивно-безличные предложения могут быть названы неопределенно-объектными и противопоставлены определенно-объектным "пассивно-личным" предложениям, ср.: *Послано было за доктором – Старший сын был послан (матерью) за доктором.*

2) В пассивных предложениях признаковый компонент – краткое страдательное причастие – может иметь и стандартную неопределенно-личную форму 3-го лица множественного числа, например: *Дома были возмущены её поздним приходом.*

Объект представлен здесь синтаксическим нулем как грамматически **неопределенный**. При этом, как и в активном неопределенно-личном предложении, объектом здесь может быть только антропоним. Таким образом, неопределенный объект реализован здесь двумя равноуровневыми средствами: лексически – при помощи локатива очерчивается некоторый круг объектов; грамматически – синтаксическим нулем обозначается позиция объекта в предложении как грамматически неопределенного носителя признака. Ср. с личным предложением, в котором объект характеризуется как определенный: *Отец был возмущен её поздним приходом.*

Внутренняя противоречивость семантики объекта в такой неопределенно-объектной пассивной конструкции обуславливает ее малоупотребительность в речи: грамматическая «неопределенность» семантического объекта предполагает его малозначимость для говорящего, а придаваемое объекту пассивной конструкции залоговое значение «активности», наоборот, повышает его роль в выражаемой ситуации..

Объект в неопределенно-объектной пассивной конструкции без локализатора воспринимается скорее как **обобщенный**: *Его поведением были удивлены – Все (кто его знал, его семья, друзья и т. п.) были удивлены его поведением.*

Итак, установленный факт существования оппозиции определенно-объектных и неопределенно- (обобщенно-) объектных конструкций в русском, английском и венгерском языках свидетельствует о релевантности категории определенности / неопределенности не только для субъекта, но и для объекта.

При этом функционирование данной категории в сопоставляемых

языках имеет свою специфику, требующую особого внимания при изучении синтаксиса русского языка как иностранного.

Систему средств выражения категории определенности / неопределенности в отношении других актантов семантической структуры предложения – адресата и локализатора – еще предстоит уточнить.

Литература

Володина Г.И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного. – М., 1989.

Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А.В. Величко. – М., 2004.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: 1999.

Копров В.Ю. Особенности функционирования категории определенности / неопределенности субъекта в русских и английских текстах / Текст: проблемы и перспективы: Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Материалы III Международной научно-практической конференции – М., 2004.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб., 1992.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ОТСУТСТВИЕ АРТИКЛЯ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЯ АРТИКЛЕВОГО ЯЗЫКА

При изучении русского языка, являющегося безартиклевым, как иностранного носителем артиклевого языка (например, английского, немецкого, французского или испанского) отсутствие артикля не может не обратить на себя внимания. Отсутствие привычного и, казалось бы, единственно возможного маркера категории определенности / неопределенности вызывает у учащегося естественный вопрос о замещении данного формального показателя. Только чем?

Однако, даже не будучи специально обсуждаемой, эта тема сама по себе находит некоторое, возможно, даже не эксплицируемое на уровне осознаваемой грамматики объяснение, замещаясь проблемой гораздо большего объема, громадной для иностранца, изучающего русский язык, – проблемой выбора вида глагола. (О способах передачи категории определенности/неопределенности в русском языке см. [Красильникова 2004: 582-591]).

Столь далекие на первый взгляд категории – вид глагола и артиклевое сопровождение существительного или, более широко, темпоральность / процессуальность и исчисляемость / вариативность особенного предмета – на самом деле, с нашей точки зрения, взаимосвязаны на глубинном уровне, а именно – уровне порождения речевого высказывания. Формальная, (лексико-)грамматически представленная экспликация одной из категорий исключает необходимость оформления связанной с ней другой категории. Известно, что избыточность при оформлении тех или иных грамматических категорий в речи присуща языку, но, видимо, до определенных пределов. Цель коммуникации – быть понятым, и, если оформление в речи тех или иных категорий затрудняет восприятие высказывания адресатом, оно, безусловно, является излишним.

Поясним вышеизложенное.

Прежде всего мы апеллируем к понятию образа как неотъемлемой составной части слова. Нам также понадобятся понятия времени и пространства, движения как неотъемлемых свойств материи, воссоздаваемых в ходе речевого высказывания. При порождении / восприятии речи каждый из участников речевого акта видит, «прокручивает» свой собственный «фильм», иллюстрирующий содержание, смысловую сторону высказывания.

Две столь разнопорядковые, традиционно не соотносимые друг с другом категории, как исчисляемость предмета, а также взаимосвязанная с ней вариативность особенного (термин наш, [Попова 2003: 91]; традиционно определенность/неопределенность) и вид глагола соотносятся именно в плоскости «Пространство» и «Движение», воссоздаваемых партнерами в ходе коммуникативного акта.

Действительно, обратимся, прежде всего, к характеристике неопределенного артикля.

Как известно, исторически неопределенный артикль восходит к числительному «один», понятию «единица». Единица, выделенная из материи сущность – философское понятие. Один – значит очевидный, могущий быть описанным (познанным), с данным набором как индиви-

дуальных, так и общих признаков (как единица, выделенная из всеобщего сущего, его часть). Один – это значит уникальный, с одной стороны, с другой – эта уникальность может быть тиражирована (вспомним опыты по клонированию, воссозданные модели-копии архитектурных и иных исторических объектов, конвейерное производство, наконец!). Единица – векторная величина, причем ее векторы разнонаправлены, более того, противоположны (О векторном характере единицы, понимаемой как «центробежный» и «центростремительный смысл единицы» [Кашкин 2001: 18]). Что касается языка, то здесь двойкий характер единицы проявляется в использовании неопределенного артикля говорящим для двух прямо противоположных целей: привлечение внимания адресата к индивидуальным признакам предмета, достижение коммуникативного напряжения и, наоборот, отвлечение от индивидуальных признаков предмета, «облегченное» восприятие. Таким образом, использование неопределенного артикля в том или ином (противоположном) направлении вектора зависит от коммуникативного намерения говорящего.

В случае акцентирования индивидуального, не называемого в данную единицу времени в предмете, в пространственном отношении мы имеем приближение называемого предмета к внутреннему взору говорящего, условно говоря, «крупный план» с отсутствием необходимых характеризующих черт, что и вызывает коммуникативное напряжение. Так, предложение «У меня есть дочь» в артиклевых языках будет пронесено с неопределенным артиклем, объект приближен к внутреннему взору говорящего, но не охарактеризован; возникает вопрос: «Какая?» (см. также примеры 1, 2 табл. I). И далее следует описание, удовлетворяющее любопытство собеседника, разряжающее коммуникативное напряжение. В таком использовании неопределенного артикля имеем замедление повествования и подачу объекта «крупным планом». Если же этот же предмет будет назван в ситуации перечисления, допустим «У меня есть дочь, сын, муж», особого интереса ни к одному из перечисляемых предметов не возникает, хотя снова в артиклевых языках имелся бы неопределенный артикль. Вектор «повернулся» в сторону тиражирования, перечислены *члены семьи*. В пространственном отношении объекты «удалены» от внутреннего взора говорящего. Неопределенный артикль по-прежнему указывает на отсутствующие, не названные, но имеющиеся в наличии индивидуальные признаки перечисленных предметов, но сценарий «съемок» другой: объекты удалены, и потому понятно, что они «видны» лишь в общих чертах, никакого особого коммуникативного напряжения не возникает (см. также пример 3 табл. I). Использование неопределенного артикля в этой функции придает динамику повествованию. Такой сценарий напоминает движение по автобану на большой скорости: за окном мелькают дома, но никого не интересуют занавески на окнах. Таким образом, именно неопределенный артикль отвечает за ускорение и замедление повествования.

Определенный артикль также связан с подачей объектов «крупным планом», только без отсутствия коммуникативного напряжения. Индивидуальные признаки «видны». Фон неизменен. Снимается как напряжение, так и динамика в повествовании (примеры 4, 5 табл. I).

Место нулевого артикля в данном функциональном плане, в рамках существования триединства определенный/неопределенный/нулевой

артикли нами еще не осознано в полной мере. Предположительно нулевой артикль занимает некую нейтральную позицию: когда предметы не надвигаются на говорящего и не удаляются от его мысленного взора. Это некая целостная картина, некоторая целостность, в которой ничего не выделяется, отсутствует вариативность, в этом смысле «картинка» не движется. Так, например, предложение «Человек за бортом!» в немецком языке произносится с нулевыми артиклями, так как характеризуется некая типичная ситуация, ее варианты, оттенки не существенны для восприятия (Что за человек? Какой борт?). Ситуация берется в целом, с преобладанием некоего доминирующего признака, как письмо иероглифами. Таковы же устойчивые выражения «быть в отпуске» – неважно где, важна незанятость по основному месту работы, «быть дома» – неважно, как выглядит этот дом, важно, что ты в нем защищен (см. примеры 6, 7 табл. I).

В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что – хотя исторически в германских языках определенный артикль предшествовал неопределенному (от частного к общему) – существуют языки, в которых развитие артиклевой системы началось с неопределенного артикля. Так, например, в турецком функционирует дихотомия неопределенный / нулевой артикли, функция последнего, однако, эквивалентна роли определенного [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 46]. Функционально неопределенный артикль более нагружен, чем определенный, заставляя двигаться «картинку»-представление звучащей (воспринимаемой) речи. Определенный артикль снимает разнонаправленность вектора единицы, однозначно описывая единичность, уникальность (также и по сравнению с классами иных предметов, сущностей бытия – функция генерализации). Однако указание на единичность может быть достигнуто и иными способами, например через местоимения, контекст.

Общезвестно положение о том, что артикль описывает отношение «элемент – множество» или «часть – целое». И в том и в другом случае наблюдаем изменение масштаба рассмотрения: или «укрупнение плана», или перемещение в «общий план», то есть изменение, движение перспективы, воссоздание пространства как такового. Очевидно, что это осуществляется в неразрывном союзе с соответствующей лексикой, понятийным аппаратом (см. примеры 8, 9 табл. I; в рамках нашего исследования показателен закон обратного отношения содержания и объема понятия). Вполне логично в этом контексте появление поссесивного артикля в румынском (часть целостности), артикля собственных имен в самоанском языке (как маркировки целого, пример 10 табл. I).

Интересен также тот факт, что в истории развития артикля отслеживается период, когда поэтический текст не «воспринимал» артикль, артикли появились и развивались, приобретая все более разнообразные функциональные значения, прежде всего в прозе [Кашкин 2001: 81]. Почему? Поэтический язык в силу своей специфики – это, прежде всего, язык яркой образности и ритма; в известной степени он не нуждался в дополнительном средстве укрупнения / отдаления плана поэтического повествования, это достигалось мастерами слова иными способами. Возможно, поэты избегали также влияния за счет артиклей на ритм стиха, как в прямом значении (учет артикля в составе строки), так и в плане

прагматики высказывания – дополнительное ускорение, замедление высказывания.

Таким образом, одна из функций артикля – формирование пространственной и временной (ускорение / замедление) перспективы повествования (высказывания) за счет движения объектов в сценарии предложения, их приближения (укрупнения), удаления от мысленного взора говорящего. Как известно, такую же функцию – замедление и ускорение повествования – имеют глаголы несовершенного / совершенного вида, которые, функционируя в речи представителей безартиклевых языков, постоянно репрезентируют этот феномен основного свойства материи – движение. Возможно, что наличие одной из формализованных систем передачи этого свойства, глагольной или предметной, является достаточным условием отражения объективной реальности в речи. Наличие обоих вызвало бы излишнюю подвижность «картинки», затруднило бы восприятие сущности высказывания.

В рамках такой универсалии языка, как асимметрия, то есть различие центра и периферии – «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 47] – может быть рассмотрен феномен болгарского языка, в котором представлены как видо-временная система глагола, так и артикль. Однако последний слабо развит, что позволяет некоторым исследователям отнести болгарский язык, наряду с венгерским, к так называемым «слабоартиклевым» языкам (в плане функционального разнообразия неопределенного артикля), находящимся на периферии собственно «сильноартиклевых» [Кашкин 2001: 18].

Предлагаемое нами рассмотрение проблемы (на уровне выдвигаемой гипотезы) отвечает на вопрос, почему, по сравнению с германскими / романскими языками, исчезает артиклевая система в безартиклевом русском языке, а также иных славянских, имеющих развитую видо-временную систему глагола. Перфектность, выражаемая аналитически с помощью причастия совершенного вида и глагола (артиклевые языки), все-таки менее динамична в силу следующих причин. Хотя логический акцент перемещен с процесса (глагола) на признак (причастие) и значения глаголов *иметь* и *быть* для перфекта «ресемантизируются, как это имеет место в генезисе вспомогательного компонента любой аналитической формы» [Кашкин 2001: 18], значение формы *перфект* так или иначе все же связано с исходной семантикой данных глаголов, описывающих не столько процесс, сколько бытийность, взаимоотношения, взаимосвязи между объектами. А все-таки именно глагол, сказуемое, наряду с именем существительным (подлежащим) является основной несущей конструкцией предложения. В безартиклевых славянских языках с развитой видо-временной системой глагола динамика завершения процесса акцентируется прежде всего глаголом. При этом глаголы совершенного вида ускоряют время в репрезентируемой картине мира, демонстрируя завершение, продвижение процесса, а глаголы несовершенного вида демонстрируют замедление или ровное течение процесса.

В этом смысле артиклевая система имени и видо-временная система глагола являются основными равноправными и, видимо, взаимоключающими способами формирования пространства и времени в

прагматическом плане высказывания, рефлексивными через движение (передаваемое как ускорение, замедление повествования), являющееся неотъемлемым свойством материи.

Таблица I.

Роль артикля в формировании пространственной перспективы воспринимаемого текста

№	Содержание немецки	Источник на нем. яз. (начальная буква, стр.)	Эквивалент по-русски	Источник на рус. яз. (начальная буква, стр.)
1	Der Kutscher, welcher die Herrschaften von der Station zum Sanatorium gefahren hatte, <u>ein roher, unbewussener Mann ohne Feingefuhl...</u>	М: 31	Кучер, приведший их со станции, <u>человек грубый, неотесанный и незнающий тонкого обхождения...</u>	М: 23
2	Uebrigens ist, neben Herrn Doktor Leander, noch <u>ein zweiter Arzt</u> vorhanden, fuer die leichten Faelle und Hoffnungslosen	М: 31	Кроме доктора Леандера, в «Эйцфриде» имеется еще один врач – для легких случаев и для безнадежных больных.	М: 22
3	fuhr ... nach dem Gutshof Wolkows, des Sohns eines Edelmanns.	Т: 6	... поехал ... на усадьбу сына <u>дворянского</u> Волкова	Т: 12
4	... fuher.. <u>an den schneebedeckten hohen Tannen</u> vorueber...	Т: 6	...поехал мимо <u>осыпанных снегом высоких елей</u>	Т: 12
5	"Friert ihr? Sonst koennten wir <u>in den Hof</u> laufen..."	Т: 5	– Озябли? А то на <u>двор</u> сбегает...	Т: 11
6	Ihre schoenen blassen Haende, <u>ohne Schmuck</u> bis auf den schlichten Ehering...	М: 32	Ее красивые бледные руки, <u>украшенные</u> только простым обручальным кольцом...	М: 23
7	Er liess sich auf den Schlitten fallen, steckte sich aus und fuer in <u>weitem Bogen</u> ...	Т: 6	Упал боком на сани и, <u>раскатившись</u> за воротами ...	Т: 12
8	Ihre schoenen blassen Haende, <u>ohne Schmuck</u> bis auf <u>den schlichten Ehering</u> , ruhten sich in <u>den Schossfulden</u> eines	М: 32	Ее красивые бледные руки, <u>украшенные</u> только простым обручальным <u>кольцом</u> , лежали на коленях, в <u>складках</u>	М: 23

	schweren und dunklen Tuchrockes		тяжелой и темной суконной юбки...	
9	Wassili hatte sich einen Gutshof eingerichtet, dabei war aber sein ganzes Gelg draufgegangen; so sah er sich denn genoetigt die Helfte seiner Lacndereien <u>einem Kloster</u> zu verpfaenden. <u>Die Moenche</u> liechen ihm Gelg auf hohe Zwingen: zwanzig Kopeken vom Rubel	T: 7	Василий поставил усадьбу, да потрагился, половину земель пришлось заложить <u>в монастыре</u> . <u>Монахи</u> дали денег под большой рост – двадцать копеечек с рубля.	T: 13
10	“Friert ihr? Sonst koenntn wir in den Hof laufen und zuschauen, wie <u>Vater</u> anspannt...”	T: 5	– Озябли? А то на двор сбегает, – <u>бать</u> коня запрягаег...	T: 11

Литература

- Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). – Воронеж, 2001.
- Красильникова Л.В. Выражение значений определенности-неопределенности в русском языке // Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А.В.Величко. – М., 2004.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева, – М., 1990.
- Манн Томас. Тристан // Новеллы: Пер. с нем. Л., 1984.
- Попова В.Б. Прагматика артикля // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи, 2003.
- Толстой Алексей. Петр Первый // А.Н. Толстой. Собрание сочинений в восьми томах. Том седьмой. М., 1972.
- Mann Thomas. Tristan // Es geht um den Menschen. Prosa aus fuenf Jahrzenten. Moskau, 1976.
- Tolstoj Alexej. Peter der Erste // Roman in drei Buechern. Erstes Buch. Moskau, 1974.

ПРЕДМЕТНОЕ ИМЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Поведение существительного с предметной семантикой в речи определяется несколькими важнейшими категориями текста: субъектом речи, модусом, типом референции. Однако, на наш взгляд, такой же важной характеристикой, влияющей не только на поведение имени в тексте и на актуализацию высказывания, но также и на жанровую характеристику текста, можно считать принадлежность имени к тому или иному семантическому классу.

Согласно виноградовской «Грамматике русского языка» можно говорить о нескольких классах существительных: 1) предметных, 2) одушевленных и неодушевленных, 3) вещественных, 4) отвлеченных, 5) собирательных, 6) собственных и нарицательных [АГ-60, т. 1: 20-23].

Эту же традицию продолжает более поздняя академическая грамматика, исключая класс предметных имен. В АГ-80 также выделяются 1) собственные и нарицательные; 2) собирательные; 3) вещественные; 4) конкретные и отвлеченные; 5) одушевленные и неодушевленные существительные [АГ-80, т. 1: 460].

Что касается одушевленности и неодушевленности имени, то эта категория воплощена в словоизменении. Разряды 1-4 по АГ-80 отражают несколько характеристик имени с точки зрения его поведения в тексте, прежде всего, тип референции – имя собственное называет уникальный объект, нарицательное, и в частности, конкретное имя способно называть как один или несколько, так и класс объектов, собирательные имена чаще имеют родовой референциальный статус. Отвлеченные имена, в отличие от конкретной лексики, приспособлены для «свертывания» ситуации и имеют пропозитивную семантику. Так по-разному существительные «отвечают» за актуализацию высказывания.

Ю.С. Степанов, соотнося ранг имени и его семантику, стремился выявить степень индивидуальности существительного с точки зрения его синтаксических возможностей. В видоизмененном «дереве» комментатора Аристотеля Порфирия, которое анализируется в статье Ю.С. Степанова, в частности, отражена способность имени называть как класс, так и отдельный предмет. Из предметных существительных в данной классификации приведены имена, называющие неживые и живые объекты, – соответственно, всщи и растения [Степанов 1979: 343]. Однако подобная классификация не может быть исчерпывающей, в ней отсутствует выделение подкласса *часть целое*.

Н.Д. Арутюнова выстраивает классификацию лексических значений, опираясь на типологию В.В. Виноградова (свободное, фразеологически связанное, функционально синтаксически ограничено и конструктивно-обусловленное). Она выделяет идентифицирующее и признаковое значение имени. Идентифицирующие имена различны по семантике: живые существа, небесные тела, артефакты, компоненты «неразборного целого». Реляционное значение предполагает отношения между несколькими однородными объектами. Оценочное значение формирует особый тип предиката. Функциональное значение (*поднос, хват*)

обнаруживает сходство с предикатным, идентифицирующим и реляционным значениями. Идентифицирующие имена предназначены для исполнения актантных ролей в предложении, а признаковые и оценочные – для предикатного употребления [Арутюнова 1980].

Е.В.Падучева предлагает иную типологию taxнономических классов имен, представляя их не в виде дерева, а списком. В данной классификации 63 класса, 5 из которых делятся на подгруппы. Набор классов таков: *болезнь, вещество, вместитель, воля, время, голос, граница, графический объект, действие, деньги, деятельность, должность, живое (существо), животное, жидкость, знак, идея, изделие, изображение, инструмент, информация, источник звука, коллектив, лицо, масса, материал, материальный предмет, мероприятие, место, множество, напиток, образ, орган, параметр, пища, поверхность, помещение, поступок, природная сила, продукт, производство, пространство, процесс, растение, ресурс, речевое произведение, ситуация, событие, сдержимое, состояние, способность, средство, субстанция, сущность, транспортное средство, удел, устройство, учреждение, факт, ценность, часть тела, человек, число* [Падучева 2004: 588-589]. Очевидно, что выделенные классы неравнозначны по наполнению, не проявлена их синтаксическая предназначенность.

Приведенные типологии обладают неодинаковой мерой «дробности», и, с нашей точки зрения, не позволяют достаточно полно описать в одно и то же время референциальную и синтаксическую предназначенность имени.

Мы намереваемся показать, как ведут себя в тексте существительные предметной семантики. Такие имена можно разделить на несколько подклассов:

1. конкретная лексика;
 - 1.1. одушевленная
 - 1.2. неодушевленная
 - 1.2.1. предметная лексика;
 - 1.2.1.1. лексика, называющая природные объекты;
 - 1.2.1.1.1. живые природные объекты (растения);
 - 1.2.1.1.2. неживые природные объекты;
 - 1.2.1.2. артефакты;
 - 1.2.1.3. лексика, называющая часть целого:
 - 1.2.1.3.1. неотъемлемую (*рука, нога*);
 - 1.2.1.3.1.1. внутреннюю (*сердце, печень*)
 - 1.2.1.3.1.2. внешнюю (*ухо, нос*)
 - 1.2.1.3.2. жестко закрепленную (*усы, борода, волосы, челка*)
 - 1.2.1.3.3. отделяемую (*пуговица*);

Разумеется, данная классификация не претендует на полноту, а представляет собой лишь фрагмент системы, касающейся конкретной неодушевленной лексики.

Разные классы предметных имен различаются синтаксическим поведением: способностью согласования с определенными предикатными выражениями. Группа имен, называющих артефакты, выделяется тем, что они имеют валентность на соединение с вещественным существительными в род. пад. с предлогом *из* или с согласованным определением, выраженным соответствующим относительным прилагательным: *кольцо из платины – платиновое кольцо*. Растения отличны от других

имен тем, что они способны присоединять предикаты *роста: деревья, цветы и травы растут*.

Некоторые группы предметных существительных одного класса в тексте демонстрируют поведение, свойственное другому классу. Лексика, называющая предметы одежды, обозначает предметы, обычно не интерпретируемые с точки зрения *части/целого*. Однако, будучи надежды на человека, для чего данные предметы одежды и предназначены, в контексте имена, их обозначающие, способны выступать в роли существительных, называющих часть целого. Поэтому подобные имена часто выполняют функцию метонимического переноса. См. [Арутюнова 1997]. Вследствие контекстной обусловленности употребления мы не включаем подкласс слов, обозначающих функциональную часть целого (*сапог, носок*) в общую классификацию.

Повествовательный художественный текст осложняет поведение предметного имени. В рамках перцептивного модуса, когда говорящий представляет ситуацию как чувственно воспринимаемую, подобное существительное может обозначать «кадр, снятый крупным планом».

Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился (Пиковая дама).

Фрагмент из пушкинской повести построен так, что воспроизводится восприятие Германна, который видит, как гости съезжают на бал. В одном ряду в тексте выступают предметные имена, называющие детали одежды, но обозначающие части человеческого тела, на которые эта одежда надета, *ботфорта, чулок, башмак*, и собственно имена, называющие неотъемлемые части тела человека *нога*. В данном случае в рамке перцептивного модуса, которая может быть выражена эксплицитно или подразумеваться, как у Пушкина: *он видит, увидел*, читатель не может интерпретировать тот или иной фрагмент текста как метонимический перенос. Речь идет о появлении из двери кареты ног, спускающихся на подножку, увиденных близко, крупным планом.

Имя, называющее часть целого, может выступать и в другом качестве – как объект, попадающий в фокус внимания субъекта.

Вы здесь встретите бакенбарды единственные с пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились воспитательнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленовою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. (Невский проспект).

За существительными *бакенбарды* и *усы* стоят люди, но говорящий

выдвигает эти объекты в фокус своего внимания, выделяет их, хотя в данном фрагменте предметные имена не находятся в рамках только перцептивного модуса. Более того, говорящий знает, что происходит с этими объектами за рамками перцептивной «картинки» и каков социальный статус их владельцев.

Изменение структуры денотата предметного имени в представлении воспринимающего субъекта может свидетельствовать о состоянии измененного сознания. *Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для боров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью (Шинель).*

Но, кроме отмеченных выше случаев, связанных с позицией субъекта речи/ сознания в тексте, а также с перцептивным модусом, поведение предметного имени может эксплицировать жанровую принадлежность произведения.

В название гоголевской повести вынесено предметное имя, называющее неотъемлемую часть целого, *нос*. Однако уже в начале текста читатель может предложить двоякую интерпретацию данного имени: или оно принадлежит неотъемлемым или отделяемым частям целого.

Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. "Плотное! – сказал он сам про себя, – что бы это такое было?" Он засунул пальцы и вытащил – нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича.

Однако далее предметное имя переходит в класс отделяемых частей целого.

Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.

- Где это ты, зверь, отрезал нос? – закричала она с гневом. – Мошеник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так тербишь за носы, что еле держатся.

С одной стороны, говорящий (супруга Ивана Яковлевича) употребляет глагол *отрезать*, предполагающий интерпретацию имени как неотъемлемой части целого. С другой, предикат, выраженный глаголом *держаться* в прямом значении, согласуется только с отделяемыми частями целого: *пуговица еле держится*.

Далее предметное имя *продолжает* переходить из одного класса в другой: оно перемещается в класс одушевленных существ. Несмотря на то, что морфологически статус существительного *нос*, по-видимому, не меняется. Гоголь избегает такого контекста, в котором данное существительное занимало бы позицию прямого объекта при переходном глаголе.

Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!

В данном фрагменте предметное имя соединяется с предикатами,

выраженными акциональными глаголами: *выпрыгнуть, побежать*, предполагающими личный субъект.

Переход предметного имени в другой класс сопровождается изменением структуры денотата, однако, в отличие от повести «Шинель», в «Носе» нет указаний на состояние измененной психики субъекта, которое может быть причиной деформации объектов восприятия.

Чрез две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: "Подавай!" – сел и уехал.

После перехода в класс личных одушевленных имен существительное *нос* соответственно приобретает неотъемлемые части, присущие человеку.

Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.

Далее происходит возврат из класса одушевленных личных имен в класс предметных.

Вошел полицейский чиновник красивой наружности ..., тот самый, который в начале повести стоял в конце Исакиевского моста.

- Вы изволили *затерять нос* свой?

- Так точно.

- Он теперь найден.

- Что вы говорите? – закричал майор Ковалев. <...>

- Каким образом?

- Странным случаем: его *перехватили* почти на дороге. Он уже *садился* в дилижанс и *хотел уехать* в Ригу. И паспорт давно был записан на имя одного чиновника. И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был *нос*.

Глагол *затерять*, в отличие от *потерять* может употребляться только с предметными именами, но не сочетается с существительными, называющими неотъемлемые части целого. Более того, данный глагол с трудом соединяется со словами, обозначающими отделяемые части целого. Возможно: *Я где-то затеряла книгу, кошелек, шарф*. Но хуже, с нашей точки зрения, или вряд ли возможно: *?Я затеряла пуговицу, пряжку*. Так в начале данного фрагмента слово *нос* вновь переходит в класс предметных имен.

Потом имя *нос* употребляется в пассивной конструкции с переходным глаголом *найти*, однако актантами при нем могут быть слова, принадлежащие к разным классам, в том числе, одушевленное и предметное имя, называющее отделяемую часть целого. В норме в таком контексте не употребляется слово, называющее неотъемлемую часть целого.

Однако в этом же фрагменте слово *нос* вновь представлено как личное имя и сочетается с акциональными предикатами *перехватить, садиться*, выступая их объектным и субъектным актантом.

Вернувшись в класс предметных имен, интересующее нас слово сначала попадает в подкласс существительных с семантикой отделяемой части целого.

Ковалев начал размышлять и смекнул, что дело еще не кончено: нос

найден, но ведь нужно же его приставить, поместить на свое место.

- А что, если он не пристанет?

При таком вопросе, сделанном самому себе, майор побледнел.

*С чувством неизъяснимого страха бросился он к столу, придвинул зеркало, чтобы как-нибудь не **поставить** нос криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно **наложил** он его на прежнее место. О ужас! **Нос не приклеивался!**.. Он **поднес** его ко рту, нагрел его слегка своим дыханием и **опять поднес** к гладкому месту, находившемуся между двух щек; но **нос** никаким образом **не держался**.*

*- Ну! ну же! полезай, дурак! – говорил он ему. Но **нос** был как деревянный и **падал** на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка.*

Глаголы *приставить, поставить, приклеиваться, держаться* в значении *быть укрепленным на чем-л., удерживаться на какой-л. опоре, при помощи чего-л.* сочетаются с именем, называющим отделяемую часть целого [МАС 1: 390].

В последней части повести слово *нос* помещается в рамки речевого модуса при неопределенном субъекте, что выражено неопределенно-личными предложениями, а также неопределенным местоимением и отглагольным существительным с пропозитивной семантикой в позиции подлежащего.

*Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице, и, как водится, не без особенных прибавлений. <...> нечего удивляться, что скоро **начали говорить**, будто **нос** коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прозуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. **Сказал кто-то**, что **нос** будто бы находился в магазине Юнкера – и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступиться. <...>*

*Потом **пронесся слух**, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прозуливается **нос** майора Ковалева, что будто бы он давно уже там...*

Окончательный переход имени *нос* в класс предметных имен, обозначающих неотъемлемую часть целого, происходит уже в конце повести. При этом повествователь вновь повторяет все переходы имени из класса в класс, приписывая этому субъекту предикаты, сочетающиеся с разными типами имен: *разъезжал* (одушевленное личное имя) *очутился* (одушевленное личное и предметное имя).

*Иногда **вовсе нет** никакого правдоподобия: **вдруг тот самый нос**, который **разъезжал** в чине статского советника и **наделал** столько шума в городе, **очутился** как ни в чем не бывало **вновь** на своем месте, **то есть** именно между двух щек майора Ковалева. Это случилось уже апреля седьмого числа. Проснувшись и нечаянно **взглянув** в зеркало, **видит он: нос!** – **хватить** рукою – **точно нос!***

В последней фразе автор вновь избегает такой конструкции, в которой существительное *нос* находилось бы в позиции прямого объекта при переходном глаголе.

При «перемещении» из одного семантического класса в другой имя *нос* употребляется референтно: каждый раз говорящий соотносит его с конкретным внеязыковым объектом, однако сам предмет (денотат) в тексте демонстрирует подвижность. Речь идет о мобильности и

трансформируемости экстралингвистического объекта. Вопрос о том, как столь различные денотаты могут называться одним именем, остается без ответа. Только в начале повести именная группа употреблена так, что предполагается референт, неизвестный говорящему: *увидел что-то белешшеея*, причем говорящий передает восприятие цирюльника Ивана Яковлевича.

Существительное *нос* претерпевает несколько переходов из одного лексико-семантического класса в другой: а) неоднозначная интерпретация принадлежности классу неотъемлемой или отделяемой части целого; б) одушевленное личное имя; в) предметное имя, в котором не актуализирован его состав; г) отделяемая часть целого; д) неотъемлемая часть целого. Подобные переходы, опознаваемые по соответствующим предикатным выражениям, указывают на фантастический жанр текста, т.к. все глаголы и именные группы в позиции предикатов употреблены в прямых значениях.

В качестве первого признака фантастического дискурса Ц.Тодоров называет следующий: фигуральный смысл понимается буквально [Тодоров 1997: 57]. Одним из механизмов создания подобного текста становится переход имени в иной семантический класс, предполагающий другую сочетаемость с прилагательным в функции определения, а также прилагательными, глаголами и словами категории состояния в составе предиката. Введение модусного компонента высказывания переводит фантастику в субъективный план воспринимающего субъекта. Интерпретация текста, не предполагающая эксплицитной или имплицитной модусной рамки, за которой угадывался бы персонаж как субъект восприятия переводит фантастическое в «объективный» план, т.е. «поднимает» статус фантастического с персонажного на более высокий текстовый уровень – уровень жанровой характеристики.

Литература

- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения// Аспекты семантических исследований. М., 1980.С. 156-249.
- Арутюнова Н.Д. Метонимия// Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 236-238.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений// Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Грамматика русского языка. В 2-х т. М., 1960.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Русская грамматика. В 2-х т. М., 1982.
- Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов// Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 4. С.335-349.
- Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1997.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ИНФИНИТИВОМ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЦЕЛИ (НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ)

Проблема вариативности конструкций типа *Он часто оставался дома поиграть с детьми* и *Он часто оставался дома, чтобы поиграть с детьми* неоднократно привлекала внимание исследователей.¹

Были выделены группы глаголов, при которых обе эти конструкции возможны, и ряд глаголов, которые оказались исключением из правила – при них возможен либо инфинитив, либо только конструкция с *чтобы*.

Особое внимание в этом отношении было уделено собственно глаголам движения² и шире – глаголам перемещения в пространстве.

С другой стороны, рассматривались глаголы с семантикой волеизъявления, побуждения, желания, стремления, где из вариативного ряда исключается компонент *чтобы* + инфинитив: *Он приказал отложить вылет самолета – Он приказал, чтобы вылет самолета отложили. Мы попросили принести нам кофе – Мы попросили, чтобы нам принесли кофе.*

Целевое значение часто неразрывно «спаяно» с «изъяснением» приказа, просьбы, желания и т.п.

Эта проблема рассматривалась также по отношению к модальным словам и так называемым предикативам (типа *Мне велено узнать об этом заранее* и *Мне важно, чтобы мне сообщили об этом заранее* и т.п.).³

При анализе вариативного ряда «глагол + инфинитив» – «глагол + инфинитивный оборот с *чтобы*»⁴ – «глагол + придаточная часть с *чтобы*» обычно обращают внимание на 5 факторов:

I. Семантика опорного глагола, при котором можно употребить рассматриваемые конструкции. Это, как уже говорилось, прежде всего глаголы перемещения, глаголы побуждения, желания, речи.

Он поехал в Москву поступать в университет;

Он поехал в Москву, чтобы поступить в университет;

Он поехал в Москву, чтобы друг его отца помог ему устроиться на работу;

Преподаватель попросил студентов сдать курсовые работы вовремя;

Преподаватель попросил, чтобы студенты сдали курсовые работы вовремя;

¹ Тот аспект, который интересует нас в данном случае, наиболее полно рассмотрен в: С.Ю. Аветисян «Конструкции с союзом *чтобы* и соотносительные с ними бессоюзные конструкции в современном русском языке», М., 1966

² Традиционно выделяемая группа типа *идти – ходить*.

³ Здесь мы не будем касаться этого аспекта проблемы.

⁴ Термин «инфинитивный оборот» используется для обозначения переходной разновидности от простого предложения к сложному в диссертации Н.О. Григорьевой «Конструкции со служебным словом *чтобы* в современном русском языке», Краснодар, 1998.

Мы хотели поехать в Крым;
Мы хотели, чтобы сестра поехала в Крым;
Он сказал, чтобы мы поехали в Крым.

II. При формальной возможности замены инфинитива на конструкцию с *чтобы* (*Он поехал учиться – Он поехал, чтобы учиться*) не наблюдается полного семантического и стилистического тождества высказываний (это позиция конкуренции, а не позиция нейтрализации), однако подробно этот аспект не рассматривается.

III. Ряд семантических особенностей ограничивает возможность свободной трансформации конструкций. Например, только конструкции с *чтобы* возможны при глаголах движения с приставками *о/об, про-, обошел, прошел*; при наличии отрицания перед зависимым инфинитивом: *Он обошел все магазины, чтобы достать эту книгу; Она взяла плащ, чтобы не промокнуть.*

Ограничение может быть связано с семантикой зависимого инфинитива. Например, только конструкция с *чтобы* возможна при зависимых инфинитивах некоторых глаголов восприятия – *слышать, видеть* (в отличие от *смотреть, посмотреть, слушать, послушать*):

Она пришла слушать/послушать/чтобы послушать новые музыкальные записи;

Они пришли смотреть/посмотреть/чтобы посмотреть балет.

Но только: *Он пересел, чтобы лучше слышать/видеть артистов.*

Только конструкции с *чтобы* возможны при зависимых инфинитивах глаголов со значением присутствия, наличия:

Он приехал, чтобы участвовать/присутствовать на митинге.

IV. Кто является деятелем, агенсом – одно и то же лицо или разные.

Сравните:

Он пришел попрощаться / чтобы попрощаться -

Он пришел, чтобы сестра помогла ему отобрать нужные вещи;

Он хочет пить – Он хочет, чтобы ему принесли что-нибудь попить.

На это различие постоянно указывается во многих учебных пособиях по русскому языку, также и в «Русской грамматике»: «Придаточная часть может быть выражена инфинитивом (при совпадении субъектов действия главной и придаточной части) или – при несовпадении субъектов – предложением в форме сослагательного наклонения».¹

С другой стороны, в конструкциях с глаголами побуждения всегда выступает второй, другой деятель:

Он велел (всем) замолчать – Он велел, чтобы все замолчали (молчать должны другие).

V. Наличие при опорном глаголе объектных распространителей. С.Ю. Аветисян отмечает, что при глаголах побуждения обязательно должно присутствовать или подразумеваться дополнение в дательном или винительном падеже. Сравните:

Он приказал (им) прийти пораньше – Он приказал им, чтобы они пришли пораньше;

Он попросил их задержаться после работы – Он попросил их, чтобы они задержались после работы;

¹ Русская грамматика, т. II, (§3095. Предложения со значением цели), с.594, «Наука», М., 1980.

НО! *Он распорядился, чтобы они пришли пораньше.*

Нам хотелось бы сделать несколько уточнений, касающихся двух последних факторов.

1. Утверждение обязательной тождественности деятелей по отношению к опорному и зависимому глаголам при употреблении конструкций с инфинитивом или инфинитивным оборотом чересчур категорично. Обращают на себя внимание следующие, довольно многочисленные примеры даже с хорошо изученными группами опорных глаголов:

Он пошел чинить часы (пошел он, чинит часы мастер);

Контролер потребовал предъявить билеты (потребовал контролер, билеты должны предъявить пассажиры);

Она легла в больницу делать операцию (легла в больницу она, операцию делают хирурги);

Судья постановил заключить его под стражу (судья постановил, а заключают под стражу другие).

Большое значение имеет фактор наличия при опорном слове дополнения, обуславливающего появление другого агенса в конструкции «глагол + инфинитив». И не только при глаголах побуждения. Сравните:

Она отправилась погулять;

Она отправила детей погулять;

Он учился плавать;

Он учил брата плавать;

Вера послала дочку купить молока;

Она оставила его лежать на диване, а сама ушла в кино.

Это относится и к конструкциям с инфинитивным оборотом.

Сравните:

Они прислали дизайнеров оформить витрину;

Они прислали дизайнеров, чтобы оформить витрину;

Он нанял рабочих убрать урожай;

Он нанял рабочих, чтобы убрать урожай;

Он направил своих людей встретить делегацию в аэропорту;

Он направил своих людей, чтобы встретить делегацию в аэропорту.

Невозможность взаимозамены инфинитива на инфинитивный оборот не связана с «разноагенсностью», а обусловлена какими-то иными факторами возможно семантикой опорного глагола.

Отец отправил сына погулять (нельзя: Отец отправил сына, чтобы погулять);

Мать позвала детей ужинать (нельзя: Мать позвала детей, чтобы ужинать).

Можно привести достаточно большое количество подобных примеров:

Он устроил брата работать охранником;

Автоинспектор незаконно заставлял водителей платить штраф;

Мастер доверял ученикам делать несложные детали;

Она отговорила меня купить это платье.

Иногда дополнение, называющее другой агенса, может мешать употреблению инфинитивного оборота – необходимо придаточное предложение. Сравните:

Он завещал ученикам довести его дело до конца;

*Он завещал ученикам, чтобы они довели его дело до конца;
Судья постановил заключить обвиняемого под стражу;
Судья постановил, чтобы обвиняемого заключили под стражу.*

В рассматриваемых конструкциях агент опорного и/или зависимо-го инфинитива может оказаться неопределенным.

*Он подоил Колю ударить с уроков (ударит оба, или только Коля?);
Окна в сад открыты, чтобы легче дышать;
На фабрике предусматривалось увеличить объем продукции, что-бы повысить прибыль.*

Итак, различие конструкций с инфинитивом или инфинитивным оборотом не связано жестко с одноагентностью и разноагентностью. Это различие, действительно, является определяющим в употреблении конструкций с инфинитивом или сослагательным наклонением. Однако возможны случаи, когда при совпадении субъектов действия глагол в придаточной части выступает в форме сослагательного наклонения.

Мне придется взять отпуск за свой счет, чтобы я могла как следу-ет подготовиться к защите диссертации;

*Вино проходит испытание временем, выстаивается годами, что-бы оно получило свой неповторимый вкус и аромат;
Он оставляет на ночь форточку открытой, чтобы ему лучше спалось;*

Береги свои силы, чтобы ты выдержал с честью этот экзамен.

2. Рассмотрение большого круга глаголов дает возможность расширить рекомендации по употреблению конструкций с инфинитивом или инфинитивным оборотом.

Сочетаемость глагола с инфинитивом, если оставить в стороне фазисные и модальные глаголы, не очень частотна. Например, из 600 глаголов, рассмотренных в словаре В.И. Красных¹, они составляют приблизительно 18%,² а тех, которые одновременно могут присоединять и инфинитивный оборот, и того меньше, около 7%. Причем наличие истинно целевой валентности проявляют практически только глаголы перемещения в пространстве, когда к инфинитиву можно поставить вопрос «Зачем?»

Например:

Она поехала в Москву – Зачем? – учиться;

Она ходила на рынок – Зачем? – покупать овощи.

Инфинитивы при глаголах побуждения, желания предполагают значение целенаправленности, но оно неразрывно связано, «спаяно» с изъяснительностью, и поставить вопрос «Зачем?» невозможно, ср.:

Он приказал наступать; Он хотел уехать – конечно, его целью было добиться наступления, его целью был отъезд, но вопросы будут изъяснительного порядка: Что он приказал? Чего он хотел?

В отличие от глаголов, сочетающихся с инфинитивом, глаголы, которые могут сочетаться **только** с инфинитивным оборотом (*чтобы* + инфинитив), развивают часто целевую валентность, и к инфинитивному обороту можно поставить вопрос «Зачем?». Таких конструкций около

¹ В.И.Красных. Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости. М., 1966.

² Однако следует учесть, что в словаре В.И.Красных не полностью включены глаголы движения, сочетающиеся с инфинитивом.

20%, и они в отличие от двух предыдущих групп глаголов (с инфинитивом и вариативностью инфинитива и инфинитивного оборота), всегда одноагенсные:

Он громко возмутился, чтобы показать свою гражданскую смелость;

Они оценили вещь подороже, чтобы потом продать ее с выгодой для себя;

Он воспользовался случаем, чтобы избежать ответственности;

Она всех расспрашивала, чтобы собрать побольше фактов.

По своей семантике опорные глаголы в таких конструкциях могут быть и нецеленаправленными. Например:

Она лежала целыми днями на пляже, чтобы загореть дочерна;

Мы простояли всю ночь за билетами, чтобы попасть на кинофестиваль;

Она оделась очень ярко, чтобы выделяться в толпе;

Он молчал, чтобы запутать следствие;

Он шутил, чтобы поднять у всех настроение;

Я выбросил записку, чтобы уничтожить последнюю улику;

Она ходила по парку, чтобы успокоиться.

Разумеется, не обнаруживают целевой валентности глаголы непроизвольного действия типа *проспать, забыть, оговориться, проговориться, ошибиться, сниться, удивляться, радоваться, верить, вспомнить* и под.¹

Ослаблять целевое значение может:

а) изменение порядка слов

Я дала ей книгу почитать (Кому? Что? Зачем?)

Я дала ей книгу, чтобы почитать в дороге (Кому? Что? Зачем?)

НО! Он дал мне почитать свою новую повесть (Что именно?)

б) необходимость введения указательного местоименного слова при опорном глаголе, которое усиливает значение изъяснительности. Следует при этом отметить, что обязательность этого местоименного слова ведет к употреблению инфинитивного оборота, сравните:

Он стремился сделать карьеру (Какова была его цель?)

НО! Он стремился к тому, чтобы сделать карьеру (К чему именно?)

Я задумался над тем, чтобы вернуться на старую работу (Над чем именно?)

Он выступал за то, чтобы продолжить экспедицию (За что именно?)

3. Более детальное рассмотрение указанных конструкций приобретает большое практическое значение в деле преподавания русского языка иностранцам, в частности англичанам, так как английские студенты часто делают ошибки при выборе целевых конструкций с инфинитивом, инфинитивным оборотом или целевым придаточным, что обусловлено интерферирующим воздействием родного языка. Например, затруднение при употреблении инфинитива может быть связано с тем,

¹ Если, конечно, при этих глаголах нет слов типа *нарочно, специально*: *Он нарочно перелутил их имена, чтобы помешать следствию.*

что в данном случае в английском языке выступает не инфинитив, а имя (существительное в предложно-падежной форме) или герундий.

Он просил попить. –

He asked for a drink.

Он мечтает поехать на Байкал. –

He dreams of visiting lake Baikal.

Я не привыкла рано вставать. –

I am not used to getting up early.

В русском языке вариативность целевого инфинитива и предложно-падежной формы не всегда возможна и не всегда мы имеем варианты, тождественные по смыслу, сравните:

Он пригласил меня пообедать – Он пригласил меня на обед.

Англичане в речи на русском языке иногда «избегают» инфинитива, так как в некоторых случаях целевое значение в английском языке «нивелируется» изъяснительной конструкцией.

Костылин предложил Жилину поехать без отряда –

Kostilin suggested to Jilin that they go on without a group.

Я думал о том, чтобы снять квартиру –

I thought about whether to rent the flat.

С другой стороны, употребление дополнения при инфинитиве, о чем мы говорили раньше (*Вера послала дочку купить молока*), широко распространено в английском языке.¹ Однако эта конструкция употребляется и при таких опорных глаголах, когда в русском языке используется придаточное предложение.

I want him to help me.

He wishes the work to be done at once.

The manager ordered the cargo to be insured.

Я хочу, чтобы он помог мне.

Он желает, чтобы работа была выполнена в срок.

Менеджер приказал, чтобы груз был застрахован.

Следует отметить также, что возможны и такие случаи, когда инфинитивный оборот с *чтобы* в русском языке может быть переведен просто инфинитивом.

Он много переводил, чтобы заработать деньги.

He translated a lot to earn some money.

Литература

Австисян С. Ю. Конструкции с союзом *чтобы* и соотносительные с ними бессоюзные конструкции в современном русском языке. М., 1966.

Григорьева Н.О. Конструкции со служебным словом *чтобы* в современном русском языке. Краснодар, 1998.

Красных В.И. Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости. М., 1966.

Крылова И.П., Крылова Е.В. Английская грамматика для всех. М., 1989.

Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

¹ Эта функция инфинитива называется «объектный предикатив», см. И.П.Крылова, Е.В.Крылова. Английская грамматика для всех. М., 1989. (Ранее был принят и другой термин: «оборот объектный падеж с инфинитивом»).

ЛЕКСЕМЫ БУКВАЛЬНО, ПРОСТО, ПРЯМО
КАК ПОКАЗАТЕЛИ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ

Показатели непрямой номинации – это метаязыковые слова и выражения, которые указывают на то, что некоторая ситуация обозначена не своим собственным именем, а именем другой ситуации (Р).

Рассмотрим пример:

(1) *Маша была так счастлива, что буквально порхала по комнате.*

В действительности Маша очень быстро и легко передвигалась по комнате (а не порхала). Для обозначения данной ситуации говорящий использует глагол *порхала*. *Буквально* указывает на то, что данный глагол используется не в прямом значении.

Основанием для использования непрямой номинации (то есть имени одной ситуации для обозначения другой ситуации) является наличие у них некоторого общего признака (у *порхать* и *легко передвигаться* общий признак – *легкость движения*).

В данной статье мы рассмотрим три показателя непрямой номинации: *буквально*, *просто* и *прямо*. Эти лексемы уже становились предметом лингвистических исследований (см. [Шмелева 1977], [Крысин 1988], [Путеводитель 1993], [Яковлева 1994], [Шимчук, Щур 1999], [Кобозева 2000], [Храковский 2003]), однако отсутствует системное описание и сопоставительный анализ семантики данных единиц.

Мы предложим описание семантики этих единиц и их сопоставительный анализ.

Сформулируем общие свойства *буквально*, *просто* и *прямо*:

1. Эти единицы указывают на то, что ситуация Q называется именем другой ситуации – Р (*Маша быстро и легко передвигалась* – *Маша порхала*).

2. У ситуаций Q и Р имеется общий признак *л*, который дает говорящему основание использовать имя одной ситуации для обозначения другой ситуации (*быстрота* и *легкость передвижения*).

3. Показатели непрямой номинации требуют, чтобы в сфере их действия находились единицы, способные к переносному употреблению (ср.: *Петя буквально ползет* и **Жук буквально ползет* [Яковлева 1994]).

Предложим толкование для данных лексем:

Буквально/просто/прямо Р = 'говорящий знает/считает, что некоторая ситуация Q проявляет признак *л* в высокой степени; говорящий считает, что Р – ситуация, которая проявляет признак *л* в максимальной степени; говорящий хочет, чтобы слушающий знал, насколько *л* проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «Р»'.

Итак, рассмотрим каждый из трех показателей непрямой номинации в отдельности.

БУКВАЛЬНО

Лексема *буквально* является, с одной стороны, знаком того, что говорящий осознает, что предложенная им номинация «Р» будет воспринята адресатом как неожиданная/неуместная/неподходящая для ситуации Q, но, с другой стороны, это и знак уверенности самого говорящего в ее уместности. С помощью *буквально* говорящий заверяет адресата в обоснованности названия одной ситуации именем другой ситуации.

Рассмотрим пример.

(2) *Ради впечатляющей натуральности, супердостоверности кадра он буквально готов был ложиться с камерой на рельсы, под колеса мчащегося поезда* (Московский комсомолец).

Говорящий осознает, что избранная им номинация будет воспринята адресатом как неправдоподобная, однако стремится убедить адресата, что X действительно готов на смелые и безрассудные поступки ради удачного кадра и натуральности. Таким образом, говорящий считает, что X готов на смелые поступки; говорящий хочет подчеркнуть высокую степень готовности X-а к такого рода поступкам; поэтому говорящий приводит в качестве примера экстремальную ситуацию; при этом говорящий осознает, что избранная им номинация должна вызвать недоверие адресата.

Рассмотрим еще один пример:

(3) *На днях поклонниц Киркорова буквально свела с ума весть о том, что их кумир собирается стать отцом* (ТВ-парк).

В данном высказывании говорящий мог бы не использовать лексему *буквально*. Однако он использует *буквально*, как бы возвращая уже устоявшейся метафоре (выражения *свести с ума/сойти с ума* широко употребляются в переносном смысле) «живость» и экспрессивность, которые эти единицы имеют в своем прямом значении.

Другими словами, с помощью *буквально* актуализируется прямое значение лексемы, все коннотации прямого значения, которые утеряны данной лексемой в переносном значении. То есть говорящему нужно, чтобы адресат представил себе Р, чтобы понять, в какой степени признак и проявлен у Q.

В (3) говорящему недостаточно передать смысл 'были очень возбуждены' (переносное значение оборота *свести с ума*), а напротив, он стремится создать яркий образ ситуации: поклонницы певца невероятно бурноотреагировали на новость и их состояние при этом скорее напоминало реальное сумасшествие. Говорящий хочет, чтобы адресат представил себе реальное сумасшествие, чтобы понять, насколько были взволнованы поклонницы.

Вот что пишет И.М. Кобозева [Кобозева 2000] по поводу оборота *Россия и Германия были в буквальном смысле ободраны*: «Из фиксированных в словаре значений глагола *ободрать* к контексту больше подходит переносное значение 'ограбить', 'обобрать', чем прямое – 'оголить, сдирая что-нибудь', и тем не менее, используя оборот *в буквальном смысле*, говорящий указывает на то, что прямое значение слова *ободрать* больше соответствует его замыслу, видимо, по той причине, что оно включает в себя коннотацию 'боли' [там же: 347].

Буквально помогает высказыванию обрести образность и эмоциональность. С помощью этого показателя говорящий рисует для адресата

определенную картину ситуации Q. *Буквально* – это всегда апелляция к адресату, поскольку говорящий стремится вызвать в его сознании некоторый образ ('представь себе Р, чтобы понять, насколько...'). В этом смысле *буквально* можно назвать **риторическим** словом: цель говорящего состоит в том, чтобы в воображении адресата возник некоторый образ, чтобы тот представил себе Р и осознал, насколько в ситуации Q высока степень проявления признака *и*.

Отметим еще одно важное свойство *буквально*. Как пишет Е.С. Яковлева, *буквально* является свидетельством того, что «говорящий был в непосредственном контакте с описываемым» [Яковлева 1994: 266], и имеет такой компонент значения, как 'непосредственное восприятие'. На наш взгляд, *буквально* обладает таким свойством, как **апостериорность**, поскольку актуализирует в высказывании некоторый опыт говорящего. Не случайно поэтому *буквально* выступает в тех случаях, когда предметом рассказа является нечто «пережитое», как, например, в (4):

(4) *Потом я получил приглашение от Мариинского театра поставить «Кармен», но буквально бежал оттуда. От меня требовали создать спектакль в сжатые сроки, но это не для меня* (Московские новости).

Следовательно, *буквально* нарративно, апостериорно, рационально.

Предложим толкование: *буквально Р* = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак *и* в высокой степени; говорящий считает, что Р – ситуация, которая проявляет признак *и* в максимальной степени; говорящий хочет, чтобы адресат знал, насколько *и* проявлен в Q; говорящий хочет, чтобы адресат представил себе Р, чтобы понять, насколько *и* проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «Р»'.

Рассмотрим пример:

(5) *Хохот буквально раскалывает все вокруг. Аплодисменты становятся скандированными* (А. Арканов. Все).

Целью говорящего в данном случае является показать, насколько сильным был хохот (признак *и*, таким образом, – *сила, интенсивность*). При этом хохот – не материальный объект, а глагол *раскалывать* используется обычно применительно к физическим объектам. Говорящим избирается имя ситуации Р – той ситуации, в которой признак *и* проявлен наиболее интенсивно. Говорящий стремится «вернуть» глаголу *раскалывать*, употребленному в переносном значении, коннотации прямого значения этого глагола ('сила', 'звон'), то есть с помощью метафоры говорящий «оживляет» ситуацию, придает описанию образность и показывает, что было реальное ощущение, что все вокруг раскалывается.

Применим толкование: говорящий видит, что Q – все вокруг смеются – проявляет признак *и* в высокой степени (смеются сильно); ситуация Р (ситуация, когда раскалывается какой-либо предмет) проявляет признак *и* в максимальной степени; говорящий использует номинацию *раскалывает* для изображения ситуации Q; при этом говорящий хочет, чтобы адресат представил себе, как раскалывается какой-либо предмет, чтобы понять, насколько сильным был хохот.

Поскольку для *буквально* характерны апостериорность и нарративность (*буквально* используется при рассказе о пережитом), данная единица не используется при непосредственной реакции, при спонтанных

репликах. Подтверждением этого является тот факт, что *буквально* не используется вместе с частицей *да*, для которой Г.И. Володина выделила такое значение, как «спонтанное умозаключение, предположение» – «*да <...>* предваряет реплику говорящего, выражающую его реакцию на то, что он видит, слышит, чувствует в настоящий момент» [Володина 2003, стр.96]. Например, нормальным представляется высказывание *Он выглядел очень плохо, был весь буквально зеленый*, однако аномальным является **Да ты буквально зеленый* (ср.: *Да ты прямо зеленый!*). Это связано с тем, что семантика частицы *да* (умозаключение, сделанное в момент речи, сиюминутная реакция) вступает в противоречие с семантикой *буквально* (рассказ о пережитом).

ПРОСТО

Э.Г. Шимчук и М. Г. Щур [Шимчук, Щур 1999] предлагают следующее толкование: «**Просто** – указывая на то, что некоторый признак является для говорящего неожиданным, выражает высокую степень его проявления. *Мальчик здесь просто переродился. Здесь просто великолепно. От его рассказов просто волосы дыбом поднимаются! Этому просто нельзя поверить!*» [Шимчук, Щур 1999, стр.104].

Прежде, чем перейти к описанию контекстов с *просто* в интересующем нас значении, обратимся к контекстам, где *просто* не является показателем непрямого номинации.

(6) *Не бойся, это просто домашний пес, он не укусит* (пример из [Путеводитель 1993]).

(7) *Выпейте, это просто вода.*

(8) *Она окружает себя поклонниками. Просто ей приятно мужское внимание.*

(9) *Он просто бросил меня, как старую ненужную вещь!*

Во всех этих случаях *просто* передает идею единственно верного обозначения для объекта или единственно верного объяснения причины некоторого события или действия. Действительно, как еще можно назвать домашнего пса? Только домашним псом. Или вода есть вода и ничто другое. Есть только одно объяснение того, почему X окружает себя поклонниками и о поступке X-а можно сказать лишь одно – *бросил*. Таким образом, *просто* исключает все варианты кроме одного, квалифицирует их как неверные.

Аналогичную идею передает и *просто* в интересующем нас значении: говорящий не считает возможным использовать для Q какие-либо номинации, кроме одной, самой экстремальной – «Р». Говорящий отказывается от иных номинаций.

(10) *Я отрекись от тебя. Мы все отречемся от тебя! Ты не наш сын, ты... ты... ты просто капиталист, без чести и без совести* (Т.Устинова. Хроника гнусных времен).

Несмотря на то, что в данном случае *просто* выступает как показатель непрямого номинации (X на самом деле не капиталист), здесь действует тот же принцип, что и в (6)-(9). Говорящий считает невозможным использование более слабых номинаций, только использование названия объекта, у которого признак *n* (жадность, стремление к накопительству) выражен максимально, будет соответствовать коммуника-

тивному замыслу говорящего. Все более слабые номинации не принимаются говорящим.

Просто употребляется в тех случаях, когда говорящий считает, что данная характеристика дается в силу необходимости, поскольку ситуация такова, что ее невозможно описать иными словами, с помощью более слабых характеристик.

Сооставим высказывания с *буквально* и *просто*:

(11) *То, что они услышали, просто убило всех наповал* (Известия).

(12) *Такое положение буквально убивало его.*

Если в (12) благодаря использованию *буквально* и, соответственно, апелляции к прямому значению глагола говорящий воссоздает перед адресатом образ ситуации, рисует картину мучения, подавленности X-а, то в (11) говорящий передает некоторый факт, оценку ситуации. Выбирается экстремальная номинация, что свидетельствует о невозможности для говорящего использовать более слабую оценку для характеристики данной ситуации. Таким образом, *просто* – это прежде всего указание на максимальную степень проявления признака. Поскольку *Р* максимально реализует свойство *n*, то говорящему не надо использовать другие номинации, чтобы охарактеризовать *Q*.

Не случайно авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» [Путеводитель 1993] выделяют для *просто* такую модификацию, как «не менее того». Модификация операции описывается следующим образом: «*Просто* (в *просто* *x*) указывает, что элемент *x* возникает в данной ситуации, максимально реализуя некоторое свойство, и не содержит никаких более слабых компонентов, навязываемых ему контекстом, ситуацией» [Путеводитель 1993, стр.173]. Действительно, автору высказывания не представляется возможным использовать для характеристики *Q* более слабых номинаций, чем *Р*. *Просто* – это ‘*Q* не менее, чем *Р*’.

Далее предложим толкование семантики *просто*: *просто Р* = ‘говорящий знает/считает, что *Q* проявляет признак *n* в высокой степени; говорящий считает, что *Р* – ситуация, которая проявляет признак *n* в максимальной степени; говорящий хочет, чтобы адресат знал, насколько *n* проявлен в *Q*; говорящий считает невозможным использование для *Q* более слабых, менее экстремальных номинаций, чем «*Р*»; поэтому говорящий называет *Q* именем «*Р*»’.

Продемонстрируем предложенное нами толкование еще на нескольких примерах:

(13) *Алупкин: У меня в Тамбове дом, с позволения сказать, просто развалился* (И.Тургенев. Завтрак у предводителя).

Предложим интерпретацию для (13): говорящий знает, что дом в Тамбове находится в плохом состоянии; говорящий использует глагол «развалиться» для характеристики ситуации; говорящий видит определенные обстоятельства, не позволяющие использовать более слабые выражения. То же в (14):

(14) *Когда смотрю передачи о брошенных детях или читаю такие статьи, как «Гавроши XXI века», сердце просто разрывается* (Литературная газета).

Говорящий испытывает ощущение горя и страдания; говорящий считает, что их степень очень высока; желая подчеркнуть это, говорящий

использует оборот «сердце разывается»; говорящий видит определенные обстоятельства, не позволяющие использовать более слабые выражения.

В силу своей семантики *просто* требует, чтобы в сфере его действия находилось слово с семантическим компонентом 'предельность', 'крайняя степень'. Этим объясняется то, что эта единица легко сочетается с лексемами, которые передают идею крайней степени, конечной точки, дальше которой не может быть никакого развития. Например:

(15) *Она просто никто. Человек без прошлого* (Н.Лесков. На ножах. Пример из [Виноградов 1986]).

(16) *Потерять работу для нее просто смерть.*

Замена *просто* на *буквально* в этих контекстах невозможна, поскольку *буквально*, в отличие от *просто*, не подразумевает крайнего предела и безвыходности.

Как уже было отмечено нами выше, *буквально* всегда представляет некоторую ситуацию апостериори. *Просто* тоже может указывать на наличие у говорящего опыта, однако нередко используется и при спонтанной реакции, что подтверждается возможностью использования *просто* вместе с частицей *да*, которая «предваряет реплику говорящего, выражающую его реакцию на то, что он видит, слышит, чувствует в настоящий момент» [Володина 2003, стр.96]. Например:

(17) *Ты сам это придумал? Да ты просто гений!*

Просто также может выступать в сочетании с *какой-то*:

(18) *А вообще, я считаю, что сейчас неестественно много разговоров о моде, просто какая-то лихорадка. Как у Грибоедова: «И все Кузнецкий мост и вечные французы», вся Москва просто сходит с ума от вещей* (Московский комсомолец).

Какой-то в данном случае указывает на номинативное затруднение говорящего.

Просто сочетается и с частицей *ну*, которая указывает на то, что говорящий приходит к номинации «Р» достаточно неожиданно, сразу: В Словаре С.И. Ожегова предлагается такое толкование для *ну*: «выражает удивление, восхищение» [Ожегов 1984, стр.370].

(19) *Да тебя не узнать! Ну просто другое лицо!*

ПРЯМО

Э.Г. Шимчук и М.Г. Щур предлагают следующий вариант толкования для *прямо*: «*прямо* – выражает признание особого, экстраординарного проявления некоторого признака и невозможность описать его с помощью более слабых характеристик. Там *прямо рай!* Да это *прямо бунт!* Все кричат – *прямо как ненормальные!* Здесь *прямо нельзя оставаться*» [Шимчук, Щур 1999, стр.105].

Прямо используется как разговорная единица и показывает невозможность выразить степень проявления определенного признака с помощью более слабых характеристик, что сближает данную лексему с *просто*.

На наш взгляд, основной особенностью семантики *прямо* является способность этой единицы указывать на то, что говорящий делает выбор в пользу наименее естественной и наиболее неожиданной номинации. *Прямо* свидетельствует о том, что говорящий сам не предполагал, что им будет использовано имя «Р» для ситуации Q. *Прямо* использует-

ся в ситуациях установления говорящим сходства между двумя ситуациями, которое изначально было неочевидным.

Обратимся к примеру:

(20) *Ну и загорел. Прямо негритос какой-то* (Пример из [Крысин 1988]).

Во данном случае говорящий использует неочевидную номинацию, поскольку ситуация, которую он наблюдает, является для него неожиданной (говорящий не предполагал увидеть X-а настолько загоревшим).

На эту особенность обращают внимание и авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка»: «Компонент 'неочевидность номинации X' <...> особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда *прямо* вводит сравнение: сочетание типа *x прямо как z* наиболее уместно в той ситуации, когда сходство *x-а* с *z-ом* представляется говорящему изначально неочевидным и для характеристики *x-а* он склонен был бы выбрать другое описание (предполагающее, в частности, и менее полное сходство)» [Путеводитель 1993, стр.163].

В контекстах с *прямо* можно говорить о наличии некоторой «стремительности» в оценке ситуации, поскольку говорящий не задумывается и не анализирует предложенную им номинацию. Можно сказать, что говорящий предполагает, что признак в данной ситуации будет проявлен в меньшей степени, что развитие ситуации остановится на одной из предыдущих ступеней (условно говоря, X будет «достаточно загорелым», а не «очень загорелым»). Таким образом, произошел скачок через промежуточные ступени, развитие ситуации пошло слишком стремительно, минуя предыдущие ступени (было бы более естественно, если бы развитие остановилось именно на них). «*Прямо* указывает, что введение элемента *x* в ситуацию *P* означает редукцию ситуации *P* за счет других («промежуточных») элементов, которые, с точки зрения говорящего, должны были принадлежать *P*» [Путеводитель 1993, стр.161]. Соответственно, в (20) предыдущей ступенью перед ступенью «негритос» является «очень загорелый человек» (это та характеристика, которую на самом деле можно дать X-у). Почему же говорящий называет Q (X очень загорелый) именем «P» (*негритос*)? Дело в том, что он обнаружил, что X проявляет признак *n* в более высокой степени, чем ожидал говорящий, и таким образом выражает свое удивление, поскольку развитие ситуации оказалось нестандартным. Поэтому он «перепрыгивает» менее экстремальные номинации с целью подчеркнуть интенсивность проявления признака *n* в Q (номинация «P» – пик интенсивности, некоторый «накал»).

Предложим толкование для *прямо*: *прямо P* = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак *n* в высокой степени; это не соответствует ожиданиям говорящего или его представлениям о норме; говорящий считает, что P – ситуация, которая проявляет признак *n* в максимальной степени; говорящий хочет, чтобы адресат знал, насколько *n* проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «P»'.

Для *прямо* характерна сочетаемость с некоторыми частицами. Тем, что *прямо* используется в ситуации спонтанной реакции, объясняется сочетаемость *прямо* с частицей *да*. Действительно, только при мгновенной, сиюминутной реакции можно передать, что наблюдаемая ситуация

является неожиданной для говорящего (говорящий и не предполагал, что использует номинацию «Р»). Приведем пример:

(21) *Да ты прямо великан! Вон как вымахал.*

При *прямо* довольно часто появляется частица *-таки*. Это связано «с общей семантикой *-таки*», «с дополнительным эффектом неожиданности и «экстремальности»» [Путеводитель 1993, стр.163]. Действительно, в «Дискурсивных словах русского языка» для *-таки* выделяются такие грани, как *Кто бы мог подумать!* и *Вопреки прогнозам* («*Таки р* означает, что «*р* имеет место» является установочной базой для ситуации, в которой актуализовано *р'* как отсутствие объективных условий для *р*») [Дискурсивные слова 1998, стр.203]. Это полностью совпадает с толкованием *прямо*: ведь, используя *прямо*, говорящий подразумевает, что он не думал до момента речи, что использует данную номинацию в данной ситуации, таким образом, до момента речи (до момента *t*) номинация «Р» была неочевидна для говорящего. Следовательно, сочетаемость *прямо* и *-таки* объясняется наличием у этих единиц общих семантических компонентов. См.:

(22) *Она прямо-таки в душу ко мне лезла со своим сочувствием* (Пример из [Крысин 1988]).

Прямо также сочетается с частицей *ну*. На наш взгляд, частица *ну* указывает на то, что говорящий как бы «натывается» на номинацию, приходит к ней неожиданно, сразу. Авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» пишут: «*ну* усиливает компонент неожиданности экстремальной номинации» [Путеводитель 1993, стр.164].

(23) *Меня ну прямо разрывало на части открыть им свою тайну* (Л.Гурченко. Пример из [Шмелева 1977])

(24) *Вхожу, а у них в квартире – народу... Ну прямо вавилонское столпотворение* (Пример из [Путеводитель 1993]).

БУКВАЛЬНО, ПРОСТО, ПРЯМО: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Семантические интерпретации значений *буквально*, *просто* и *прямо* позволяют объяснить особенности сочетаемости данных лексем. Здесь выделяются три случая (которые были выделены авторами «Дискурсивных слов русского языка» [Дискурсивные слова 1998]: а) «контексты семантической дифференциации» (возможность употребления единиц при изменении смысла), б) «контексты максимальной смысловой близости» (возможность использования единиц практически при нейтрализации смысловых различий) и в) «контексты противопоставления» (взаимозамена невозможна) [там же: 307]. Рассмотрим эти случаи:

а) Поскольку *просто* тяготеет к языковым выражениям, содержащим в себе идею «предела», в сочетании с «непредельными» лексемами *просто* не будет функционировать как показатель непрямой номинации. Высказывание *Петя буквально спал на лекции* значит, что Петя на самом деле не спал, а высказывание *Петя просто спал на лекции* значит, что он спал.

б) Во многих высказываниях возможно использование всех трех единиц с небольшим изменением смысла (*Маша буквально/просто/прямо порхала по комнате*)

в) Можно выделить целый ряд контекстов противопоставления. Мы разделили их на несколько групп.

ГРУППА А: буквально, прямо VS просто.

*Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально /прямо / *просто укусил меня (Ю.Олеща. Пример из [Яковлева 1994]).*

Употреблению просто в данном примере мешает неожиданность и индивидуальность метафоры, «живость» ситуации.

*Две мои последние пьесы – «Ким» и «Люти» – это абсолютно чистая современность, когда за окнами зданий, в которых разворачивается действие пьес, буквально / прямо / *просто клокочет современная жизнь (Литературная газета).*

Здесь аналогичная ситуация: за глаголом *клокотать* не закреплено переносное значение, к тому же «драматичность» контекста и семантика глагола *клокотать* рисуют яркий образ ситуации.

ГРУППА Б: буквально, просто VS прямо.

*Дело в том, что поездка Татьяны Тарасовой до последней минуты висела буквально /просто / *прямо на волоске. Причина – сильное переутомление тренера во время Олимпиады (Московский комсомолец).*

*Ольга Чайковская оценивает новый УПК совершенно справедливо, я с ней полностью согласен. Но видела бы она тот вариант кодекса, что был буквально / просто / *прямо продавлен правительством и президентской администрацией через Думу и принят во втором чтении почти единогласно (Литературная газета).*

*Гражданскую одежду собирали буквально / просто / *прямо по нитке среди приятелей и знакомых (Работница. Пример из [Шмелева 1977]).*

В данных контекстах отсутствует идея неожиданности.

ГРУППА В: просто, прямо VS буквально.

*Да не осматривай так мою комнату! – сказала мать. – Прямо / просто / *буквально сыщик! (В.Набоков. Звонок).*

*Ну и загорел. Прямо / просто / *буквально негритос какой-то (пример из [Крысин 1988]).*

*Ты у нас прямо / просто / *буквально волшебница!*

Буквально, как было сказано выше, используется в ситуации рассказа о пережитом, а здесь имеет место непосредственное переживание. К тому же, говорящий дает характеристику слушающему.

ГРУППА Г: просто VS буквально, прямо.

*Она просто / *буквально / *прямо никто. Человек без прошлого (Н.Лесков. На ножах. Пример из [Виноградов 1986]).*

*Потерять работу для нее просто /*буквально /*прямо смерть.*

Здесь *просто* сочетается с лексемами, содержащими в себе идею крайности, предельности. Номинация «Р» дается говорящим в силу необходимости, как, с его точки зрения, единственно возможная в данных обстоятельствах.

Таким образом, мы описали семантику и особенности сочетаемости трех показателей непрямой номинации и провели их сопоставительный анализ. Мы выяснили, что *буквально* актуализирует коннотации языкового выражения, находящегося в сфере действия данной лексемы, *просто* указывает на невозможность использования для некоторой ситуации более слабой номинации, чем та, что была избрана говорящим, а *прямо* является индикатором того, что некоторая ситуация явилась неожиданностью для говорящего.

Литература

- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Володина Г.И. Некоторые из средств выражения в высказывании субъективных смыслов. Статья 2. Семантическая роль частицы *да* // Слово. Грамматика. Речь. М., 2003.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К.Киселевой и Д.Пайара. М., 1998.
- Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000.
- Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Храковский В.С. Буквально два слова о слове *буквально* // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Тарту, 2003.
- Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main; Berlin. 1999.
- Шмелева Т.В. Средства выражения метасмысла «преувеличение» // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1977.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ ОЧЕРКЕ

С точки зрения функциональных стилей русского языка публицистическим текстам присущи две основные функции: сообщение информации и воздействие на массового читателя. Главные особенности сообщения информации – документальность и объективность; а воздействие на массового читателя заключается в эмоциональности речи и доступности изложения.

Жанры публицистики выполняют разные функции: информационные жанры, такие, как заметка, репортаж, интервью, отчет выполняют функцию сообщения; аналитические жанры, такие, как беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение выполняют функцию воздействия; художественно-публицистические жанры – эссе, очерк, фельетон, памфлет – выполняют функции и сообщения, и воздействия.

Как один из художественно-публицистических жанров очерк требует образного, конкретно-чувственного представления фактов и проблем. В тексте обычно гармонично сочетаются выразительно переданные события, убедительно нарисованные образы героев и глубокие, доказательные рассуждения на базе документальности.

Художественность очерка проявляется в том, что в нем, как отмечают исследователи, с самого зарождения жанра «употреблялись все литературные приемы повествования» [Алексеев 1973: 8], принятые в художественной литературе. А употребление разнообразных модификаций чужой речи – одна из отличительных черт современной художественной прозы.

Сначала мы обратимся к определению чужой речи. В нашем понимании, чужая речь противопоставляется авторской, которая принадлежит рассказчику, говорящему. По способу передачи чужой речи различают прямую, косвенную и несобственно-прямую речь.

Прямая речь – это форма точной передачи чужой речи с буквальным воспроизведением ее лексического наполнения и особенностей синтаксического строения, ее часто используют в произведениях художественной литературы с целью создания речевой характеристики персонажей. По форме предложения с прямой речью очень похожи на бессоюзные сложные предложения, состоящие из двух частей: одна из них – речь говорящего лица, автора, а другая – прямая речь, т. е. приводимая речь другого лица. Например:

"Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал: "Какие яркие звезды! Вероятно, мороз станет еще сильнее"."

Косвенная речь – форма приблизительной передачи чужой речи при помощи изъяснительно-объектной придаточной части сложноподчиненного предложения с главной частью, содержащей глаголы со значением сообщения, речи-мысли, вопроса, а также соотносительные с ними по значению существительные. Здесь передается только основной смысл чужой речи и невозможно воспроизвести точно чужую речь.

"Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал, что звезды очень яркие, и мороз, вероятно, станет еще сильнее".

Нетрудно заметить полярный характер прямой и косвенной речи. Абсолютно различны и средства оформления эмоционального состояния

говорящих, а, следовательно, и интонационные особенности сказанного. В прямой речи они запечатлеваются с помощью восклицательного и вопросительного знака, многоточия и др. И прямая речь более конкретна, детальна, непосредственна. В косвенной речи состояние эмоциональности и спокойный ритм повествования оформляются описательно. Косвенная речь более абстрактна, отвлеченна.

Несобственно-прямая речь – один из способов передачи чужой речи, она занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью. Формально несобственно-прямая речь строится от автора, принадлежит автору, все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения автора, т. е. как в косвенной речи, но в то же время в несобственно-прямой речи очень явно слышен и "голос" персонажа. Несобственно-прямая речь похожа на прямую в наличии вопросительно-восклицательных структур, кратких, парцелированных предложений, экспрессивно-эмоциональной, вводно-модальной лексики, а также лексики, свойственной отдельным персонажам.

"Он вышел на улицу, посмотрел на небо. *Какие яркие звезды! Вероятно, мороз станет еще сильнее.*"

В этом примере несобственно-прямая речь формально строится от автора, но оформляется не как придаточная часть при глаголе речи, а как самостоятельное предложение; она имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи персонажа. Мы как будто слышим восхищение персонажа, его выразительный голос: "Какие яркие звезды!" и его суждение о погоде: "Вероятно, мороз станет еще сильнее.". Автор как бы проник во внутренний мир персонажа и выразил то, что хочет говорить персонаж.

Итак, форма несобственно-прямой речи создает условия для свободного перехода авторской речи в чужую, и позволяет при сохранении формально-грамматического единства повествования совместить в нем разносубъектные точки зрения, поэтому часто используется в художественных произведениях. Таких примеров много:

"Так провела она весь день и на другое утро снова взяла плед и подушку и томик Стивенсона и ушла в сад. *Так она и будет жить теперь, в саду под акацией, что бы там ни происходило на свете* (Фадеев)."

"Туда приносил Алексей крупным почерком написанные письма и там же находил на синей простой бумаге каракули своей любезной. *Акулина, видимо, привыкала к лучшему складу речей, и ум ее заметно развивался и образовывался* (Пушкин)."

Модальное слово "видимо" отражает мысли персонажа Алексея и позволяет отнести предложение к несобственно-прямой речи.

Возникает вопрос: какова роль несобственно-прямой речи в публицистике?

Л.А. Соколова считает, что сфера применения различных форм несобственно-прямой речи ограничена областью художественных произведений, и сам способ изложения всегда выполняет какие-либо художественные функции [Соколова 1968:48].

Аналогично мнение И.И. Ковтуновой: «Несобственно-прямая речь относится к области стилистического синтаксиса. Она свойственна, главным образом, стилю произведений художественной литературы. Некоторые виды несобственно-прямой речи могут встречаться в публицистике и

в речи разговорной, но такие случаи сравнительно редки» [Ковтунова 1953:18].

В действительности мы обнаруживаем несобственно-прямую речь в многочисленных современных очерках. Проанализируем несобственно-прямую речь в очерках журнала «Новый мир» за 2000-2004 гг. и постараемся найти ее дифференциальные признаки.

1. Несобственно-прямая речь, выделяемая из авторской речи посредством смены временного плана.

"Чиновница извлекает из сакvojа «нового русского» несколько яблок – «предметы, запрещенные к ввозу в страну». А он и не возражает, но хочет, чтобы все было «в законе»: ждет акт на «конфискат». А «девочка с яблоками», положив добычу в свою сумку, уже работает с очередным клиентом. Она довольна уловом: *сегодня за семейным ужинам к столу будут витамины*" (Никитин).

Здесь в авторской речи используется настоящее время, а в несобственно-прямой речи – будущее.

2. Несобственно-прямая речь выделяется из авторской речи благодаря изменению модального плапа.

1) «Кучерья заделал?» – спросит он при этом у своих корешей, спившихся донельзя монстров неопределенного возраста, которым можно дать и сорок, и все шестьдесят, – и гордо выпятит грудь. *Расступись, русские идут!*" (Олег Ларин).

В авторском тексте изъявительное наклонение, а в несобственно-прямой речи – повелительное наклонение.

2) "Юный пенсионер Минин нетерпеливо ерзал на сиденье, высказывая всем своим видом суворовскую готовность к марш-броску. *Только бы не сидеть на месте!*" (Олег Ларин).

"Доярки гнали коров и плакали, потому что для них это было не «поголовье», не «крупный рогатый скот», а послушная Беляна, норовистая Майка и Калина, которая вот-вот отелится. *А еще – это была работа, пусть колхозная, с нукудышной зарплатой. Но все же – работа, а значит, надежда. Хотя бы на пенсию. Теперь и этого нет*" (Борис Екимов).

В этих двух примерах в авторской речи индикатив, а в несобственно-прямой речи предположительная и желательная модальность.

3) "Таксисты клянутся, что автобусов здесь нет, и готовы за это «жрать землю». Но где-то сбоку – неприметная остановка автобуса, и до города можно добраться за копейки вместе с простым людом. *Ведь не на лимузине же аэропортовская уборщица каждый день мотаается на работу из Гаваны?*" (Никитин).

Вопросительное предложение после авторского повествования оформляет речь как несобственно-прямую, носящую разговорный характер, резко окрашивает авторское повествование в тона устной речи персонажей.

4) "Но зимний охотничий сезон у него закончился, а весенний еще не начался – *нечем заняться вольному человеку!* Обрыдло ему домашнее житье-бытье с бесконечным мытьем посуды, подметанием полов и разглядыванием редких прохожих за окном" (Олег Ларин).

Здесь несобственно-прямая речь оформлена как восклицательное предложение, в нем легко ощущается глубокое сожаление персонажа.

5) "Если по-честному – это о себе забота. Председатель колхоза, десятого по счету за пять лет, видел, куда идет: все развалено и разбито. Но пошел. Может, успеет домик в райцентре построить. Должен успеть" (Борис Екимов).

Несобственно-прямая речь оформляется при помощи слов модально-го плана "может", "должен".

"У таксистов глаз наметанный, и они «пасут» клиента в зоне видимости. К одинокому чудачу пассажиру отправляют гонца. И он популярно объясняет мне реальный расклад: с бензином на Кубе плохо и автобусы ходят очень редко. Можно прождать и час, и три. Вот, кстати, один из них – загнан в отстойник" (Никитин).

Модальный план текста изменился благодаря включению частицы разговорного типа "вот" и вводного слова "кстати".

3. Повторы слов указывают на несобственно-прямую речь и усиливают экспрессивность.

"У Фиделя были все основания злиться на советских вождей: те могли винить своих предшественников, в то время как у Кастро не было «предтеч». Он сам создал партию, сам диктовал политику и идеологию. Он сам принимал все решения" (Никитин).

4. Несобственно-прямая речь в форме инверсии характерна для устной речи.

"Теперь же, потеряв свое молочное стадо, хозяйство обречено. Доход от полеводства надо ждать целый год. И будут ли они?" (Борис Екимов).

"Почти все они вот-вот с хутора уедут; жилье в районном центре и в областном у каждого из них есть. Эти люди пока еще держатся на хуторе по привычке, по сердечной привязанности, но их поджимают годы, болезни, житейские неудобства, которых на селе с каждым годом все больше: давно закрыт магазин, хлеб привозят лишь в летнее время, и то раз в неделю, больница и врачи далеко, тем более что дорога грунтовая, плохая: ее обрывают и дождик, и снег" (Борис Екимов).

5. Неполные предложения указывают на несобственно-прямую речь, потому что они носят разговорный характер, выделяются из текста.

"Цена литра молока почти десять рублей. А это значит, что круглый год, изо дня в день, течет пусть невеликий, но денежный ручеек. Можно купить горючего, какие-то запчасти – как говорится, дыры заткнуть. Есть стадо – значит, растет молодой. В любой момент можно забить скотиняку-другую. Также – денежка. Круглый год" (Борис Екимов).

6. Отдельные слова или словосочетания – указывающие на процесс развития мысли – доказательство существования несобственно-прямой речи.

"Остальной люд угрюмо ждет отхода автобуса, чтобы начать битву в новой очереди: может быть, удастся попасть в список пассажиров на следующую неделю. А что поделаешь, бензина нет – эмбарго..." (Никитин).

В этом примере слово "эмбарго" выделяется из авторской речи по своему происхождению – оно оказывается диалектом Кубы, а не словом русского языка, поэтому оно принадлежит персонажу, а не автору.

Но часто бывает так, что в одной конструкции с несобственно-прямой речью обнаруживается не один признак, а несколько. Например:

"Семья смотрит телевизор; он старой модели. Зачем нам цветной, если жизнь черно-белая? На экране – непремный Фидель, уже пятьдесят

лет подряд кому-то что-то доказывающий. Супруги переглядываются, и глава семьи выразительно проводит по шее ребром ладони: *вот он у нас где!* Вслух говорить об этом не принято: *откуда взять персональный скремлер, забивающий прослушку? Если «жучка» в стене и нет, то за стеной – местные шариковые и швондеры – тайное ухо домового «комитета защиты революции»* (Никитин).

В этом тексте используются и вопросительное, и восклицательное предложения, и изменение модального плана.

Таким образом, несобственно-прямая речь свойственна не только языку художественной литературы, но и языку публицистики. Уместное использование несобственно-прямой речи в авторском повествовании усиливает экспрессивность очерка.

Выше мы уже упоминали о том, что прием несобственно-прямой речи позволяет освещать одно и то же явление с точки зрения субъективной и объективной, благодаря чему оно приобретает большую глубину. В художественных произведениях такая возможность выражения двойкой оценки нередко используется для создания субъективной многозначности. В результате тот или иной отрезок повествования "оказывается отнесенным к плану автора и к плану персонажа"[Кожевникова 1977: 64].

А в публицистике автор лишь воссоздает то, что существует в действительности, что он узнает в результате анализа, от самого героя или от его знакомых, коллег, членов семьи, или из письменных источников. Более ограничено авторское знание о герое при разработке внутреннего плана персонажей. В отличие от автора художественного произведения, который знает о своих героях все и может свободно занимать как внешнюю, так и внутреннюю точку зрения в плане психологии по отношению к героям, автор-публицист, начиная подробно описывать переживания, мысли героев, вступает в область творческого вымысла – значит, он уже нарушает требования документальности и правила профессиональной этики. Поэтому при использовании формы несобственно-прямой речи в очерке во многих случаях авторская речь содержит указание на ситуацию говорения, продуцирования другим лицом внутреннего или внешнего высказывания. В таких случаях несобственно-прямая речь представляется как форма передачи чужого высказывания, не допускает полного слияния двух голосов и возможности приписать автору оценки, действительности, свойственные персонажу.

Это разграничение осуществляется следующими способами:

1. В авторском повествовании, с которым сливается чужая речь, содержатся слова и выражения, значение которых указывает на факт говорения.

"Женщина улыбалась и одновременно удивлялась собственной памятью: надо же, столько лет прошло и была она тогда девяти – или десятиклассницей – а помнит, все помнит" (Олег Ларин).

"Мы входим в дом, и в беседе с хозяевами многое проясняется.

Во-первых, в случае чего, вы – гость, а не съемщик. Если соседи стукнут, всем несдобровать. А объявление на окне – это мы продаем кровать, стеснены в средствах. Если сдавать жилье официально, задуют налогами. А у нас – парализованная бабушка, почти год не встает с постели. Во-вторых, договариваемся о цене. Поскольку я буду жить в Гаване не один день, то с меня возьмут всего по 8 долларов в сутки. Для

гостя-постояльца освобождают отдельную комнату: подросток-сын переселяется в гостиную, где будет спать на полу. И застенчиво, с неловкостью просят деньги вперед – старушке на лекарства" (Никитин).

"Вслух говорить об этом не принято: откуда взять персональный скремлер, забывающий прослушку? Если «жучка» в стене и нет, то за стеной – местные шариковы и швондеры – тайное ухо домового «комитета защиты революции» (Никитин).

2. Несобственно-прямая речь развивается из конструкции косвенной речи:

"Чиновница извлекает из сакvojа "нового русского" несколько яблок – «предметы, запрещенные к ввозу в страну». А он и не возражает, но хочет, чтобы все было "в законе": ждет акт на "конфискат" (Никитин).

"Повторяю и давнее предположение о том, что наверху толком не знают, что делать на селе, одни туманно-теоретические разговоры: мол, рынок, мол, капитализм, все образуется" (Борис Екимов).

3. Несобственно-прямая речь развивается после прямой речи, как бы вместе с прямым вопросом образует диалогическое единство.

"Но и сегодня прибытие автобуса в Баракоа – целое событие. Ведь рейсы бывают раз в день, да и то не во всякий. Обитатели Баракоа подходят к иностранцам и тихо спрашивают: «Апартаменто привало?» («Комната в частном доме?») Конечно, привало!" (Никитин).

Таким образом, несобственно-прямая речь – выразительное и лаконичное средство передачи чужой речи, одно из средств писательского мастерства; ее стилистические особенности проявляются, главным образом, в ее разговорном характере. Несобственно-прямая речь в современном очерке выполняет главным образом функцию экспрессивности.

Литература

Алексеев В. А. Очерк. Л., 1973.

Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.

Ковтунова И. И. Несобственно прямая речь в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. М., 1953, №2, С.18-27.

Коженикова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской литературы. Проза. М., 1977, С.7-98.

Русская грамматика: т.2. М., 1980.

Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968.

Солганик Г. Я. Стилистика текста. М., 2001.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2002.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ (о некоторых лингвистических аномалиях азбуковника)

Теоретические принципы и практические правила, определяющие книжно-языковую деятельность в *Slavia Orthodoxa*, были обусловлены догматическим учением православной церкви. Согласно православной славянской доктрине письменного искусства, его "единственной целью... было раскрытие истины", при этом "относительная истина человеческого опыта была поставлена в зависимость от абсолютной истины Божественного Откровения" [Пиккио 2002: 31, 33].

Целям "истинного", т.е. соответствующего "духу Боговдохновенных книг", истолкования Священного Писания служили и азбуковники – словари "иностранных речей", содержащихся в конфессиональных текстах, которые создавались для того, чтобы верующие могли «стаа писаниа со внимание^м проходить» и в результате «прїити в познанїе истинны» [цит. по Ковтун 1989: 158–159].

Необходимость создания азбуковников определяется тем, что «мнози ѿ неискусны^х книжникъ и писцевъ мнози иностранныа рѣчи пишѹт и гаю^т криво, а не яко^м подобае^т... мнози еса о себѣ мѹдри быти и своезване^м та толкѹюще криво и сопротивно» [ГПБ О. XVI. 1, л. 2, цит. по Ковтун 1975: 257]. Поскольку для христианского религиозного сознания, с присущим ему неконвенциональным отношением к языковому знаку, успешность религиозной практики (богоугодность обряда, внятность Богу молитвы, спасение души верующего) находится в прямой зависимости от аутентичности сакрального текста, любое искажение его смысла кощунственно и опасно.¹ "В небольших изменениях вероучительной формулы могли усмотреть глубокий богословский смысл, в синонимической замене – ересь, в нарушении правописания – отход от православия" [Мечковская 1998: 251]. Греховность ошибочной интерпретации "святых книг" специально подчеркивается в предисловии к азбуковнику «Толкованїе неосудо^м познаваемы^х рѣче^м иже обрѣтаются во сты^х книга^х рѹска^х языка»: «Ико да всакого чїна возраста же и сана православныа читатель хотан навѣрноути вѣст веннаа писаниа, преже всего да прїитса сїа коуквы крѣпче изѹочит и да нѣкаа иноязычна^а обрѣтаемаа во сты^х книга^х на свои разоумъ оуповаа не праве протолкоуе^т и грѣ^х на сѹ привлекае^т» [цит. по Ковтун 1975: 268].

Учитывая стоящие перед составителями азбуковников задачи экзегезы и принимая во внимание статус ошибок при богословском истолковании текста в восприятии православного книжника, представляется необходимым обратиться к тем даваемым в азбуковнике объяснениям иноязычной лексики, которые в настоящее время оцениваются как

¹Ср., в частности, осуждение Максима Грека за исправление Толковой Псалтыри 1519–1522 гг., резкая реакция неприятия книжных реформ патриарха Никона и др.

"ошибочные", "неверные" [см., в частности, Ковтун 1975: 171–172]. Во всех ли случаях правомерны подобные оценки? О чем свидетельствуют эти аномалии – о недостаточной лингвистической компетентности составителей азбуковников или же о фрагментарности наших знаний о древних словарях?

Исследование, проведенное на материале азбуковника «Толкованіе неудо^б познаваамы^м рѣче^м ѿже обрѣтаются во стѣх^х книгах^х рѣска^х гзлыка» по списку ГПБ МДА 173 (35), изданного Л.С. Ковтун [Ковтун 1975: 268–312], показало, что "ошибочные" с точки зрения лексикографии нового времени интерпретации утрачивают свой статус ошибок и обретают веские основания в системе представлений и рабочих принципов, которыми руководствовался в своей деятельности составитель азбуковника.

1. При истолковании собственных имен составитель азбуковника стремиться избежать в своих объяснениях информации, которая могла бы связать имена, принятые христианской церковью, имена христианских святых, с именами языческими, идущими от античной мифологии. Иными словами, устраняет из толкований онимов любые указания на имена греческих богов.

Так, имя Дмитрий [греч. Δημήτριος – 'принадлежащий Деметре'] происходит от имени богини земледелия, сестры Зевса Деметры (Δημήτηρ). В азбуковнике оно получает другое толкование: 179. *дмитрей. двоѣматерній* т.е. интерпретируется как состоящее из двух частей – δῦο + μήτηρ [два + мать].

Имя Дионисий [греч. Διόνυσος] является производным от имени бога вина и виноделия, а также драматической поэзии Диониса (Διόνυσος, также Διόνυσος), сына Зевса и Семелы. Однако в азбуковнике эта связь устранена, имя 180. *дионисіе* толкуется как *двоѣостровныи*, т.е. возводится к δῦο + νῆσος [два + остров].

Имя Зиновий [греч. Ζηνοβίος] означает 'богоугодно живущий' [от Ζῆν + βίος], при этом имеется в виду бог Зевс [Ζῆν = Ζεύς], сын Кроноса и Реи. Составитель Азбуковника обходит Зевса – 248. *зиновіи. живожитель*, производя этот оним от глагола ζάω 'жить, быть в живых' и βίος 'жизнь'.

2. В других случаях, когда наблюдаются расхождения между толкованиями онимов в азбуковнике и объяснениями их в современных словарях, также не представляется корректным говорить об ошибочности данных толкований (ср.: "не всегда переводы имен... верны" [Ковтун 1975: 171]), тем более принимая во внимание тот факт, что "этимология некоторых имен затрудняет и по сей день специалистов по ономастике" [там же: 174]. Анализ механизмов порождения этих толкований в азбуковнике позволил установить, что составители азбуковника дают не ошибочные, а *иные* истолкования, обоснованные возведением онима к *иной*, чем это принято в современных исследованиях, *основе*.

Имя Алексей производят от греческого ἀλέξω – отражать, защищать; ἀλέξησις – защита; ἀλεξήτηρ – защитник. Толкование, данное в азбу-

¹Здесь и далее перед каждой цитируемой словарной статьей указывается ее порядковый номер в азбуковнике.

ковнике 66. **Алексѣи. толкованіе** возводит его к λέγω, буд. λέξω, аор. ἔλεξα – говорить, разумееть, называть, считать в числе кого-то, причислять к кому-то; (о письменных сообщениях) гласить, содержать в себе [Вейсман 1991: 753]. Акт номинации (называния) интерпретируется, по видимому, составителем азбуковника как акт истолкования: называя, мы объясняем, толкуем. Определение онима может также основываться и на втором значении глагола λέγω – разумение того, что содержит письменное сообщение, предполагает его истолкование.

Имя Александр [Ἀλέξανδρος от ἀλέξω (отражать, защищать) + ἀνδρός (форма род.п. от ἀνήρ (муж))] в азбуковнике интерпретируется как 67. **Александръ. избранъ**, т.е. соотносится с λέγω, буд. λέξω, аор. ἔλεξα – собирать, выбирать, избирать для себя [Вейсман 1991: 753].

Интерпретация имени Митрофан [от греч. μήτηρ ἡ (мать) + φαίνω (являть, оказывать, обнаруживать, обявлять)], предложенная в азбуковнике: 414. **митрофан. мудраа вещь**, свидетельствует о том, что это имя осмыслялось, возможно, как производное от μήτις (мудрость, разум) + φύσις ἡ (природа, натура, природное свойство, характер; творение, тварь) [Вейсман 1991: 814, 1331]. **Вещь** в одном из своих значений – природа, естество, φύσις [Срезневский 1989: I, 253].

Имя с невыявленной до настоящего времени мотивацией Власий [Βλάσιος Βlasius] в азбуковнике получает толкование 123. **власіе. садъ** – растение, дерево; сад [Срезневский 1989: III, 241]. На основании этого можно заключить, что составитель азбуковника возводит данный оним к греч. βλαστάνω – произрастать, прозябать, вырастать; произращать, производить; βλάστη ἡ – росток, отпрыск; βλαστημός ὁ – рост, цветение, цвет [Вейсман 1991: 251].

Гидроним Евфрат [аккад. *Пурамту*; евр. *Перат*; древнеперс. *Уфрата*; возможный перевод "большая, великая река"¹] воспринят составителем как греческий по происхождению: 215. **евратъ. плод** (от греч. εὐφορέω (εὐφορός) – приносить плоды в изобилии, быть плодоносным; εὐφορός – плодоносный, плодородный; εὐφορία ἡ – плодородие, изобилие плодов) [Вейсман 1991: 567–568].

Представленная в азбуковнике интерпретация еврейского по происхождению топонима Тир [от евр. *Цор*, 'скала'] 640. **тиръ. содержаніе (сѣдържаніе** – управление [Срезневский 1989: III, 700]) свидетельствует о том, что название финикийского города соотносено составителем азбуковника с греч. τυράννευω, τυράννις – править, управлять, царствовать [Вейсман 1991: 1263].

3. Впечатление разительных ошибок нередко производят пометы о языковой принадлежности слова. Между тем, в большинстве случаев перед нами особые приемы филологической интерпретации онимов, реализующие определенные программные установки.

Имена, не являющиеся по происхождению греческими, как, например, 619. **симеон** [евр. *Шимон*, от глагола 'слышать'], 692. **ѡма** [арам. *Тома*, 'близнец'], сопровождаются в азбуковнике пометой [гречески]. В

¹Здесь и далее за исключением особо отмеченных случаев переводы еврейских и арамейских по происхождению онимов приведены по: Ринкер Ф., Майер Г. Библийская Энциклопедия Брокгауза. Электронная версия размещена на сайте: www.bible-center.ru.

данном случае, однако, указан не язык-источник онима, а язык той части Священного Писания, в которой действует основной носитель этого имени в библейской картине мира, т.е. язык Нового Завета.

Так, имя **симѣон** устойчиво ассоциируется с Симеоном Богоприимцем – праведным и благочестивым человеком из Иерусалима, которому Святой Дух открыл, что он не умрет, не увидев Спасителя. Когда Мария и Иосиф принесли в храм Иисуса, Симеон приветствовал Его как Мессию **Божьего**, воспев знаменитую **песнь «и҃иѣ ѿбѣщаши раба твоего, яко по г҃голюд твоємѣ, съ миромѣ»¹**, благословил родителей и изрек пророчество о Марии [Лк. 2:25–35].

Фома – апостол, ученик Иисуса Христа, сведения о котором сообщаются в Евангелии от Иоанна [Ин. 11:16, 14:5, 20:24–29, 21:2]. Один из самых известных библейских сюжетов, связанных с апостолом Фомой, относится ко времени после воскресения Иисуса Христа. Фома, отсутствовавший при явлении Иисуса своим ученикам, отказался поверить в Его воскресение, пока сам не увидит Его и собственными пальцами не оцупает раны от гвоздей: **аще не виждѣ на рѣкѣхъ е҃гоу пазвы гвоздичныа, и вложѣхъ перста мое҃го въ пазвы гвоздичныа, и вложѣхъ рѣкѣхъ мою въ ребра е҃гоу, не имѣхъ вѣрѣти** [Ин. 20:25]. Когда Господь вновь явился ученикам, Фома признал Его, сказав: **гдѣ мой и бг҃ъ мой** [Ин. 20:28].

В разных статьях азбукownika языковая принадлежность одного и того же библейского онима может быть определена по-разному: 268. **иаковѣ ж** [идовьски] **иаков ел** [иньски]; 271. **іосифъ ел** [реиски] – 272. **іосифъ ел** [иньски] – 269]. Как представляется, пометы о языковой принадлежности, указывая и здесь не на язык-источник имени, а на язык части Священного Писания, в которой это имя представлено, выступают как одно из средств (наряду с графико-орфографическими средствами) преодоления омонимии. Иными словами, оним ассоциируется с двумя различными носителями в Священной Истории – ветхозаветным и новозаветным. Возможность их отождествления устраняется посредством использования разных помет: **ж** или **ел** маркируют соответствие имени герою Ветхого Завета, **ел** – Нового.

Так, носитель имени **Иаков** [от семитского *aqaba со значением 'Бог да поможет, да отхранит' – Иванов 1991, 225] в Ветхом Завете (**иаковѣ ж**) – патриарх, сын Исаака и Ревекки, внук Авраама, легендарный родоначальник двенадцати колен Израиля. В новозаветной истории известно четыре носителя этого имени (**иаков ел**) 1. брат Иисуса Христа, сын Иосифа и Марии [Мф. 13:55; Мк. 6:3; Гал. 1:19]; 2. один из первых учеников, призванных Иисусом, сын Зеведея и братом евангелиста Иоанна, [Мф 4:21; 17:1; 26:37; Лк 8:51 и др.]; 3. другой ученик Иисуса, сын Алфея [Мф. 27:56; Мк 15:40; 16:1; Лк. 24:10]; 4. отец апостола Иуды [Лк. 6:16; Деян. 1:13].

¹Здесь и далее библейский текст цитируется по изданию: **Бѣлаѣ сирѣчь книги священнаго писанія ветхаго и новаго завета**. – 116. Синодальная типография, 1900.

Среди семи носителей имени Иосиф [евр. *Йосеф* – 'Он (Бог) прибавит (еще детей)'] в Ветхом Завете (*йоси* ѡ*) ключевое положение в библейской картине мира занимает патриарх, прародитель двух колен Израилевых, одиннадцатый сын патриарха Иакова [Быт. 30–50]. Другие герои ветхозаветной истории с именем Иосиф: 1. отец Игала, израильтянина из колена Иссахара, посланного Моисеем на разведку в Ханаан [Чис. 13:8]; 2. руководитель первой чреды певцов во времена Давида [1Пар. 25:2, 9]; 3. глава священнического рода Шевании, живший во времена первосвященника Иоакима [Неем. 12:14]; 4. израильтянин, взявший в жены язычницу [Езд 10:42]; 5–6. двое предков Иисуса Христа [Лк. 3:24, 30]. В Новом Завете носителями имени Иосиф *йосиѡ ѡ* были 1. муж Марии, матери Иисуса [Лк. 2:41–51; Мф. 13:55]; 2. один из братьев Иисуса [Мф. 13:55]; 3. ученик Иисуса Христа, сын Марии Клеоповы, брат Иакова [Мф. 27:56]; 4. член синедриона Иосиф Аримафейский [Мф. 27:57–60; Мк. 15:43–46; Лк. 23:50–53; Ин. 19: 38–42]; 5. Варнава, помощник апостола Павла [Деян. 4:36]; 6. Варсава, который был предложен в апостолы вместе с Матфием на место Иуды [Деян. 1:23,26]; 7. Каиафа, первосвященник, предложивший убить Иисуса Христа и председательствовавший на суде над Иисусом [Мф. 26:57; Ин. 11:47–53; 18:14; 18:24].

Интерпретироваться исследователями как ошибочные могли также языковые пометы, использование которых в азбуковнике было направлено на устранение синонимии. В такой функции языковые пометы выступают в тех случаях, когда в азбуковнике приводятся два имени (названия) денотата из одного языка. Маркируя их разными пометами, составитель азбуковника дифференцирует их генетически и тем самым избегает синонимии.

Так, разные языки-источники указываются для двух греческих названий Константинополя (Царьграда) Βασιλοπόλις и Βυζάντιον: 102. *василополь црь гра гр[ечески]* – 103. *византия црь гра^а р[и[мскіи]]*. Разные языковые пометы получают греческие наименования беса δαίμωνι διὰβόλος: 168. *гречески. димомѡн. еврейски дѡво^а*.

По-видимому, в соответствии с этим же принципом, предлагая два перевода на церковнославянский язык наименования Бога в иудаизме – Адонай [‘господь мой’]¹, составитель азбуковника определяет происхождение одного из них как греческое: 3. *аданай. сынъ бгъ. а елли^нски гдъ*. Господь – слово собственно славянское, двухосновное, рано подвергшееся сокращению, восходящее к *gost(ъ)ь-rodъ, что первоначально (у славян-язычников) могло бы значить “гостеприимный, принимающий чужестранцев хозяин” или нечто близкое к этому” [Черных 1993: 209].

Таким образом, в азбуковнике посредством использования языковых помет реализуются составляющие специфику церковнославянского языка как особой системы – “иконы православия” [Успенский 2002: 339] и ключевые для лингвистической рефлексии в Slavia Orthodoxa тенденции к снятию омонимии и преодолению синонимии [Запольская 2003: 45–96].

¹С эпохи эллинизма имя Адонай применялось как замещающее при чтении вслух “непроизносимое” имя Яхве [Аверинцев 1991: 23].

Эти же тенденции определяют основные направления кодификации церковнославянского языка и в другом типе метатекстов – грамматиках.

Изложенные выше опыты по выявлению механизмов, лежащих в основе аномалий азбуковника, позволили увидеть в них не набор ошибок и случайностей, а результат обдуманной стратегии, осознанного применения разработанных книжником определенных лингвистических критериев.

Литература

- Аверинцев С.С. Адонай // Мифологический словарь / Гл. редактор Е.М.Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 23.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – М., 1991. Репринтное издание: Греческо-русский словарь, составленный А.Д.Вейсманом. – 5-е изд. – СПб., 1899.
- Запольская Н.Н. "Общий" славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. – М.: Индрик, 2003.
- Иванов В.В. Иаков // Мифологический словарь / Гл. редактор Е.М.Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 225–226.
- Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. – Л.: Наука, 1975.
- Ковтун Л.С. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей конца XVI–XVII вв. // Вопросы языкознания, 1980, № 5. С. 84–92.
- Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. – Л., 1989.
- Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство "ФИАР", 1998.
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. – М.: Книга, 1989. Репринтное издание: Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка. Т. I–III. – СПб., 1893–1912.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. – М.: Рус. яз. 1993.

СТРУКТУРА ГАЗЕТНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕКСТА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Известно, что средства массовой информации обладают большим потенциалом для формирования языковой компетенции студентов, специализирующихся в области изучения иностранных языков. В лингводидактической системе факультетов русского языка китайских вузов уже сложились определенные традиции обращения к русским СМИ. На примере Пекинского университета, Нанкинского университета и Шанхайского университета иностранных языков можно видеть, что для студентов первого и второго курсов тексты СМИ служат одним из главных источников пополнения лексических, грамматических и лингвострановедческих знаний. Ведущая роль здесь принадлежит адаптированным газетным текстам, которые, как правило, входят в состав большинства учебников и учебных пособий для чтения. А на аудиовизуальных занятиях используются специально отредактированные радио- и телетексты для того, чтобы исправить произношение учащихся и выработать у них основные навыки восприятия устной речи.

На третьем и четвертом курсах, когда студенты уже находятся на продвинутом этапе изучения русского языка, внимание переключается на закономерности построения оригинальных текстов СМИ. Необходимость ориентации на целостную структурную организацию текстов СМИ обусловлена прежде всего особенностями профессий, которые студенты выберут по окончании вуза. На факультетах русского языка китайских вузов готовят в основном не филологов, а специалистов, которые бы применяли русский язык на практике. Большинство учащихся – это будущие дипломаты, сотрудники, связанные с внешней торговлей, журналисты, редакторы, переводчики и др. На работе от них потребуются умение эффективного потребления продукта массовой коммуникации, т.е. умение самостоятельного восприятия и интерпретации текстов русской газеты, радио, телевидения и Интернета.

Анализ структуры текста СМИ ведется в таких спецкурсах, как «Чтение газеты», «Аудиовизуальный курс по радио- и теленовостям» и «Использование русскоязычных интернетовских ресурсов». При этом традиционно большое внимание уделяется газетным материалам. «Чтение газеты» входит в учебную программу по специализации «русский язык» в качестве обязательного предмета, и проводится в течение двух семестров по 3 академических часа в неделю, тогда как остальные вышеупомянутые курсы являются факультативными и проводятся в течение только одного семестра. Между тем в результате усиления информативности жанровая система современной газеты претерпевает серьезные изменения. «На первый план выходят жанры информативно-личностные...» [Солганик 2004: 4-5]. В связи с этим тексты, принадлежащие таким информационным жанрам, как заметка, репортаж, корреспонденция, отчет, интервью, опрос, вопрос-ответ и др., будучи главнейшим носителем оперативной информации, служат важнейшим исходным материалом для спецкурса «Чтение газеты».

Несмотря на пристальное внимание, обращаемое на обучение структуре текста СМИ в целом, и газетного информационного текста в особенности, методические принципы на данную тему не разработаны окончательно. Это во многом связано с тем, что сегодня среди лингвистов нет единого мнения о структуре текста как о понятии, отражающем природу изучаемого объекта. Исследователи вкладывают в термин «структура текста» различный смысл. Структура текста трактуется как «совокупность отношений между элементами (единицами) в линейных последовательностях (синтагматическая структура)» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 123]. При подобной трактовке в центре внимания оказывается линейное развертывание грамматических отношений текста; структура текста сводится лишь к схеме отношений, которая обрисована формальными показателями. Такого понимания структуры текста придерживаются Л.М. Лосева, О.И. Москальская, Е.А. Реферовская и другие исследователи, признающие преобладающее значение формы текстового построения в ее взаимодействии с содержанием для обнаружения общих текстовых закономерностей. По мнению Е.А. Баженовой, Т.А. ван Дейка, В.В. Одинцова и др., под структурой текста подразумевается широкое обобщение всех существенных свойств текстового устройства. «Структура текста рассматривается в единстве поверхностной (линейной, формально-языковой) и содержательной-смысловой сторон, т.е. как многомерная и иерархическая содержательная организация целого текста, подчиненная авторскому замыслу, обусловленная комплексом экстралингвистических факторов, отражающая типовое содержание определенной сферы общения и деятельности, формирующая стилевую специфику данной разновидности текста и объективированная в текстовой ткани во взаимосвязях текстовых единиц, типовых текстовых подсистем, композиции и других составляющих поверхностной формы текста» [Баженова 2001: 14-15].

Присоединяясь к расширенному обоснованию понятия структуры текста, мы полагаем, что анализ содержательной организации газетного информационного текста должен быть проведен в целях раскрытия его информативности, а также выяснения текстообразующих функций языковых способов, используемых в условиях стабильной текстовой реализации. На наш взгляд, одним из путей достижения поставленной цели является обращение к теории тематического развертывания текста, представленной в работах Т.А. ван Дейка, Г.В. Колшанского и В.В. Одинцова.

«Порождение текста в реальных коммуникативных процессах происходит не путем механической конкатенации предложений, а “сверху вниз”, путем развертывания некоторого доминирующего смыслового ядра» [Колшанский 1984: 119]. Иными словами, текст формируется в ходе своего рода трансформации некоего исходно вложенного в него смысла, т.е. темы: вначале тема существует в виде краткого представления об описываемой действительности, способного так или иначе проявиться в словесной ткани текста; лишь в результате вербальной формулировки она преобразуется в линейно организованное формально-семантическое устройство. Процесс построения текста управляется, прежде всего, семантикой, которая обуславливает его глобальное коммуникативное структурирование. Тексту должно быть присуще некоторое тематически установленное содержание с определенным разбиением на

собственные составляющие, фигурирующие как части коммуникативного процесса.

Сочетание смысловых частей текста не спонтанно и произвольно, а лимитировано логическими возможностями познавательно-коммуникативной деятельности человека, приобретенными в ходе накопления индивидуального и коллективного опыта. Соответственно, при развертывании текста в любом случае господствует познавательная логика, определяемая самой темой текста и адекватно реализуемая в текстовом пространстве. Никакой текст не мыслим без соответствующего логического оформления. В связи с этим логикой можно считать совокупность правил тематического раскрытия; а изначальная функция логики заключается в отражении взаимосвязи между соответствующими коммуникативными действиями и обеспечении эффективности речевой коммуникации.

Итак, для непосредственного прослеживания механизма тематического развертывания текста могут применяться два взаимообусловленных подхода. Первый подход ориентирован на выявление способов выражения смыслового ядра текста; а второй направлен на упорядочение имеющихся вариантов смысловых частей текста и сведение к некоторым инвариантам на основе их логико-семантической связи со смысловым ядром. Как справедливо отмечает В.В. Одинцов, «в сущности текст любого объема может быть сведен к короткому высказыванию – тезису, а построение текста предстает как процесс развертывания этого тезиса (тематического ядра, смысловой опоры) ... Развертывание заключается в том, что каждое из основных, образующих тезис понятий подвергается рассмотрению и анализу (определяется, объясняется, мотивируется, подкрепляется фактическим материалом, подвергается экспрессивному усилению)...» [Одинцов 1980: 120-121].

В любом газетном информационном тексте должен быть заключен новый для читателя факт, который имеет реальную новостную ценность. Источником новостного факта, как правило, является нечто случившееся или имевшее место в прошлом, происходящее или существующее в данный момент, ожидаемое или возможное в будущем. Именно в такой за-текстовой действительности заложена основа эмпирически значимого для информационного текста понятия «тема», под которым подразумевается мотивировка совершения определенного текстообразующего процесса информирования посредством газеты. Иначе говоря, тема информационного текста базируется на уровне отображения и относится к сфере речемыслительного овладения объективной реальностью.

Разработка темы – это «не просто фиксация процесса отражения действительности. Результаты отражения должны быть препарированы, отброшено случайное, выделено главное» [Феллер 1978: 79]. Для газетного информационного текста согласно коммуникативной стратегии автора в качестве этого главного выступает логизированная констатация факта протекания (начала, развития или завершения) какого-то события, а также существования какой-то ситуации. В этом плане тема информационного текста представляет собой «не просто слово или единичное понятие, а (макро)пропозиция» [ван Дейк 1989: 240], соответственно, наиболее адекватной формой для осуществления данной констатации служит не номинация, а предикация.

Наличия предикативной связи недостаточно для достоверного определения поверхностного выражения (макро)пропозиции, так как в любом случае реальное событие или ситуация обладает собственными компонентами, которые в общей сложности могут быть перечислены как **субъект** (производитель действия или носитель состояния), **объект** («актанты» события или ситуации), **время** (темпоральные признаки события или ситуации), **место** (пространственные признаки события или ситуации), **способ** (приемы осуществления действия) и **ход** (последовательность или одновременность действий, составляющих событие). В (макро)пропозицию должны быть включены те или иные составные компоненты события или ситуации, необходимые для ограничения главной предикации. Кроме того, в нее также могут быть вовлечены факторы, теснейшим образом связанные с данным событием или ситуацией, такие, как **цель**, **причина** и **следствие**, если, конечно, их вовлечение согласовано с коммуникативной стратегией автора. Итак, семантическое и, значит, синтаксическое ограничение (макро)пропозиции в конечном счете определяет форму выражения темы текста – это простое предложение, содержащее лишь главные члены или осложненное второстепенными, обособленными членами, сложное предложение или даже прозаическая строфа. Такое предложение или прозаическая строфа принимается за тематическое. Приведем пару примеров:

Палестинцы отметили третью годовщину интифады. Несколько тысяч жителей Палестинской автономии вышли на улицы Наблуса. В руках у них были автоматы и ружья, из которых они палили в воздух, скандируя антиизраильские лозунги. (Изв., 30.09.03).

В Северо-западном региональном центре МЧС России Интерфаксу сообщили, что вчера на Ладозжском озере оторвалась льдина, на которой находятся десять рыбаков. Льдина с рыбаками дрейфует недалеко от поселка Черное, туда вылетел вертолет со спасательной группой МЧС РФ. (Изв., 02.04.02).

Вместе с тем, как справедливо говорит Т.А. ван Дейк, «когда мы говорим о таких понятиях как “топик”, “тема” или “основное содержание” (“gist”) текста, мы имеем дело со значением или референцией, а не с синтаксической формой, стилем, риторическими приемами и т.п.» [ван Дейк 1989: 237]. Следовательно, главное в данном случае заключается не только и не столько в определении структурно-семантической принадлежности выражения темы, т.е. формы ее представления, сколько в определении формулы ее функционирования, т.е. механизма ее представления. В информационных жанрах можно обнаружить богатство способов проявления смыслового ядра текста. На наш взгляд, по характеру языкового оформления, будь то тематическое предложение или прозаическая строфа, целесообразно свести их к двум группам – **эксплицитной** и **имплицитной**.

Эксплицитное выражение определяется прежде всего через оппозицию «авторское – чужое». Если тематическое предложение и прозаическая строфа включаются в авторскую речь, то воплощение смыслового ядра можно условно назвать собственно авторским; а если же они включаются в чужую речь, содержащую высказывания другого лица, то воплощение смыслового ядра можно условно назвать неавторским, т.е. чужим. В принципе как авторское, так и чужое выражение смыслового ядра может находиться в любом месте текста, тем не менее выделяются основ-

ные зоны их расположения – заголовок, начало и конец текста.

Авторское выражение смыслового ядра чаще всего основывается на **обозначении** новостного факта за счет опущения сведений, их обобщения или реконструкции. Кроме того, специфичная авторская формулировка смыслового ядра наблюдается в вопросе, заданном журналистом в опросе и вопрос-ответе. В указанных жанрах роль реплики журналиста заключается в образовании своего рода смысловой рамки, замыкающей все содержание текста, поэтому, хотя конкретная информация дается только в ответе собеседников (собеседника), общий замысел построения текста резюмируется исключительно в реплике журналиста. Опрос и вопрос-ответ предназначены для выяснения общественных мнений, законодательных правил и т.п. Это реализуется благодаря выбору репрезентативных или компетентных собеседников (собеседника). В этом отношении они представляют собой информационные жанры, в которых сообщается о разнообразных, социально значимых ситуациях. А вопросительная конструкция журналиста, строго говоря, служит для **предупреждения** о наличии новостного факта.

Оформление чужой речи, включающей тематическое предложение или прозаическую строфу, усиливает модальное значение засвидетельствованности, так как оно предстает как «сообщение в сообщении», благодаря которому осуществляется **установление** новостного факта. Чужое выражение смыслового ядра может быть реализовано как в конструкции с прямой речью, так и в конструкции с косвенной речью. Оба варианта имеют вид цитатной речи, которая дается со ссылкой на источник и потому представляются двухчастными: они состоят из вводящей части, т.е. авторских слов, и введённой части.

Смысловое ядро информационного текста иногда выражается только один раз. Это наблюдается тогда, когда заголовок текста выполняет свою номинативную и информативную функцию, в определенной мере обобщая остальную часть текста, или когда заголовок используется, главным образом, для привлечения внимания читателя и потому не является адекватным или беспристрастным выражением смыслового ядра, а только в самом корпусе текста проявляется тема. Вместе с тем довольно часто встречаются тексты с осложненной формулировкой смыслового ядра, т.е. тексты, имеющие двойное проявление темы – и в заголовке, и в корпусе текста выводится смысловое ядро. Поэтому наряду с оппозицией «авторское-чужое» выдвигается и оппозиция «одиночное-двойное». В целом существуют следующие возможности комбинации первичного и повторного выражения смыслового ядра:

- 1) авторское выражение + авторское выражение;
- 2) авторское выражение + чужое выражение /
чужое выражение + авторское выражение;
- 3) чужое выражение + чужое выражение.

Осложнение формулировки смыслового ядра не реализуется за счет дублирования ранее появившегося выражения – в информационных жанрах не встречается ни формального дословного повторения, ни абсолютного смыслового калькирования. Двойное проявление темы осуществляется таким путем, что одна формулировка направлена на представление о новостном факте с более высокой степенью отвлеченности, а другая ориентирована на конкретизацию либо значимых для сообщения компонентов события или ситуации, либо важных факторов, связанных с ними:

Похищенные из российских храмов иконы, незаконно перемещенные в Италию и возвращенные в Россию летом 2003 года, во второй половине октября будут переданы Русской православной церкви, сообщил министр культуры России Михаил Швыдкой.

– Вчера мы с патриархом Московским и всея Руси Алексеем II условились, что те иконы, которые мы получили от итальянских коллег, – это около 200 икон, мы передадим Русской православной церкви... (Изв., 27.08.04).

Как видно из приведенного примера, смысловое ядро данной заметки передается в заголовке и начале текста по принципу «авторское + чужое». Повторное выражение грамматически отличается от предыдущего не только залоговой формой, но и усложненностью состава (определение в форме причастного оборота, обстоятельство времени и дополнение). В результате дополнительно характеризуется объект события, уточняются его время и второй объект.

Наряду с эксплицитным представлением смыслового ядра существует возможность и неявного его выражения. В таком случае в семантическом пространстве текста не наблюдается ни тематического предложения, ни тематической прозаической строфы. Тема надлежащим образом проявляется только в результате интерпретации семантического наполнения коммуникативно значимых составляющих текста. Иначе говоря, имплицитное выражение смыслового ядра информационного текста представляет собой семантический вывод, сделанный самим читателем в результате идеального отделения главного, основного в тексте от сопутствующего, второстепенного.

Анализ особенностей логико-семантического развития газетного информационного текста позволяет установить спектр типичных логико-семантических отношений между смысловыми частями и ядром – **детализация, разяснение причин и следствий, аргументация, создание фона и реагирование**. Перечисленные виды связи избирательно комбинируются в конкретных текстах в зависимости от коммуникативной стратегии автора.

1) Когда смысловое ядро информационного текста раскрывается с помощью истолкования тех или иных компонентов события или ситуации, в тексте выделяются смысловые части, содержащие детальную характеристику соответствующих компонентов. В тексте может детализироваться лишь один из компонентов события – уже упомянутый в смысловом ядре или новый, не включенный в него. А если в текст включается несколько компонентов сообщаемого события или ситуации, то их детализация реализуется в двух вариантах – поочередная и смешанная.

2) Существует три варианта проявления значения «причина» или «следствие» в информационных жанрах. Первый – значения «причина» или «следствие» выражаются с помощью языковых средств, содержащих семантику «каузальность». Второй – причинная или следственная связь, не обладающая языковыми маркерами, выражается в тексте косвенно, но семантически четко. В этом случае она «вычитывается» из текста благодаря расположению смысловых частей в определенных синтаксических конструкциях. Третий – значение «причина» или «следствие» присутст-

вует в тексте имплицитно, и активность их проявления в полной мере зависит от фоновых знаний читателя.

3) Иногда достоверность события или ситуации, переданной в смысловом ядре, подтверждается аргументами, приведенными в смысловых частях. В качестве основания доказательства аргументы бывают как прямыми, так и косвенными. Прямыми аргументами служат факты, наличие которых непременно приводит к новостному факту, иначе говоря, причинно-следственная связь между ними неслучайна – она либо общепризнанна, либо логически обоснована. Косвенными аргументами чаще всего служат иллюстративные факты, призванные сделать представление смыслового ядра более наглядным.

4) Сообщение о событии или ситуации может сопровождаться элементами, не обладающими новостной ценностью (они сами по себе могут быть новыми или уже известными для читателя), но освещающими генезис основной информации и ее окружение. Смысловые части, основанные на такого рода фактах, выступают как общий фон для смыслового ядра. По характеру фактов, используемых для создания фона, смысловые части разделяются на три категории: предыстория, сопоставление и справка.

5) Немаловажными текстообразующими элементами в газетных информационных жанрах являются смысловые части, посвященные передаче реакции определенных сторон на освещаемое событие или ситуацию. Реакция передается в виде определенной позиции. В роли субъекта реагирования выступает автор, участники события или другие заинтересованные стороны. Их позиция может быть посвящена событию в целом как результат комплексного осмысления, а также тому или иному компоненту события как результат фрагментарного осмысления. По способу выражения целесообразно различать маркированную и немаркированную авторскую позицию. А зафиксированные автором информационного текста вербальные реакции участников события (его субъекта или объекта) или заинтересованных сторон (свидетеля события, специалиста в соответствующей области, общественного деятеля и др.) выделяется в виде цитаты или полностью вплетается в изложение автора.

Исходя из вышесказанного, целесообразно создать комплекс методов обучения структуре газетного информационного текста, который состоит из нескольких последовательно проводимых этапов.

1) В начале спецкурса «Чтение газеты» преподаватель вкратце рассказывает о жанровой системе современной газеты. А поскольку конкретный информационный материал отбирается по темам, обычно преподаватель начинает каждую тематику с ознакомления студентов с лексическими и грамматическими средствами, типичными для нее. Потом студенты выполняют тренировочные упражнения, например, пишут диктант или составляют предложения, используя нужные слова и конструкции.

2) Важно останавливаться на разработке текста с учетом его составляющих: разяснить незнакомые слова и выражения, определить характер входящих в текст синтаксических конструкций и виды их связи. Это делается сразу после ознакомительного прочтения текста.

3) Ключевой этап анализа структуры информационного текста характеризуется тем, что правильность понимания смысловой организации текста проверяется рядом вопросов, напрямую связанных с особенностями внутритекстового логико-семантического развития. Необходимыми

являются вопросы типа «О чем говорится в этом тексте?». Отвечая на такие вопросы, обучаемые обобщают смысловое ядро текста. Далее преподаватель задает более детальные вопросы, касающиеся конкретных видов логико-семантической связи между смысловыми частями и ядром, а студенты должны на них ответить после повторного, уже поискового прочтения. Проиллюстрируем сказанное краткой заметкой.

Подмосковье меняет телефонные коды

Вчера ОАО «Центральный телеграф» подключило первые телефонные номера в коде «498» в подмосковном Королеве, сообщает Интерфакс. ¹Эти номера, как и прямые московские телефоны, состоят из семи цифр, только кодом региона является не «095», а «498». Новый код будет использоваться в ближайшем Подмосковье. ²Кода «095» на все Подмосковье не хватает, да и стоимость подключения была слишком высокой. ³Благодаря введению нового кода «498» плата снизится вдвое (Изв., 05.02.03).

Смысловое ядро текста двояко выражается в заголовке и начале текста – в авторской и чужой речи. Среди трех комментирующих частей выделяются характеристика объекта события (см. 1), его причина (см. 2) и следствие (см. 3). От такого логико-семантического развития текста зависит ряд вопросов, задаваемых преподавателем студентам, например: о чем говорится в данном сообщении? Что сообщает Интерфакс? Что это за код «498»? Зачем подключается новый код? После получения правильных ответов на эти вопросы можно перейти к выполнению упражнения по пересказу главного содержания текста.

4) На следующем этапе анализируются объективность и субъективность изложения, а также определяются стилистические средства их достижения. Как утверждает А.Н. Васильева, для иностранцев, изучающих язык русской прессы, «выявление системы стилевых и подстилевых речевых закономерностей – дело первой необходимости, ибо без этого многие высказывания могут быть неверно поняты не только стилистически, но и содержательно» [Васильева 1982: 30]. Эффективным способом стилистического анализа является упражнения, позволяющие сопоставить тексты разных жанров на одну и ту же тему, а также перевод главных фрагментов изучаемого текста на китайский язык. Стоит особо отметить роль упражнений по переводу (письменному и устному), так как сопоставление переводов текстов на русском и китайском языках дает возможность уяснить лингвостилистические изменения, вызванные изменением экстралингвистической ситуации.

5) Основные навыки создания информационного текста могут сформироваться путем выполнения разных аудиторных заданий, например, обзор газетных сообщений, поочередно выполняемый студентами в начале каждого занятия, сочинение на основе какой-то новостного факта (по жанровым требованиям) и др. Большое значение имеют и внеаудиторные задания: создание веб-страницы и ее обновление, подготовка материала для издаваемой самими студентами газеты или журнала, подготовка тренировочного интервью и т. д.

Стоит подчеркнуть важность регулярного контроля над результатом работы студентов. В монографии «Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая)» И.Е. Бобрышева перечисляет ряд пунктов, к которым сведено своеобразие китайской технологии обучения русскому языку. Мы полностью

согласны с автором в том, что тщательный системный контроль – это один из проверенных в практике преподавания русского языка в Китае способов, которые помогают учащимся (часто даже заставляют их) овладеть необходимыми языковыми знаниями. Что касается контроля в процессе обучения газетному информационному тексту, то его нужно обязательно проводить в разных формах, которые бы давали возможность все-сторонне проверить, насколько студенты овладели системными чертами газетного информационного текста.

Литература

- Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). М., 2001.
- Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982.
- Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2004. Ч.2. С.307-326.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.
- Орлов А.Т. Структурно-смысловые типы газетных текстов // Русский язык в школе. 1990. № 2.
- Солганик Г.Я. Язык современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. 2004. №1.
- Феллер М.Д. Эффективность сообщения и литературный аспект редактирования. Львов, 1978.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ)

Одной из фундаментальных оппозиций языка является противопоставленность его двух систем: номинативного и коммуникативного уровней.

Понимание необходимости разграничения при лингвистическом анализе двух принципиально различных как по своей семантической природе, так и по средствам явлений осознавалось достаточно давно: от рассуждений Ш. Балли о модусе и диктуме до выделения иллюкутивно-го намерения и пропозитивного содержания речевого акта в прагматическом направлении.

Актуализация антропоцентризма в лингвистике второй половины двадцатого века обусловила пристальное внимание к позиции говорящего, а также выделение позиции наблюдателя при изучении, по нашей терминологии, номинативного уровня, и это, акцентировала соотношение позиции говорящего и слушающего при обсуждении явлений, связанных с коммуникативным уровнем (в русской лингвистике проблематика, впервые остро поставленная в работах М.М. Бахтина [Бахтин 1979]).

При этом номинативный уровень связан с введением информации о действительности, преломлённой в языковом сознании говорящего. Именно ему посвящено подавляющее большинство лингвистических работ, именно здесь сосредоточены завоевания лингвистики двадцатого века, зафиксированные в том числе и в академических грамматиках. Отсюда именно система номинативного уровня являлась основным объектом преподавания как в русской, так и в иностранной аудиториях.

Явлениям коммуникативного уровня была суждена иная участь: исключения из правил, трактовка его структур как ничем не мотивированных синтаксических фразеологизмов, являющихся отклонением от современных синтаксических норм (РГ-80), разнесение единиц, обладающих едиными коммуникативными параметрами, по разным частям речи и т.д.

Ценность подобного рода формулировок заключалась в том, что явления коммуникативного уровня рассматривались как нечто, не подходящее под законы описания номинативного (исключения из правил), и имплицитно ставили задачу осознания системной организации коммуникативного уровня, системы, устроенной по иным законам, обладающей иными типами значений и правилами их реализации, нежели явления номинативного уровня. В результате актуализировалась необходимость осознания самостоятельности двух систем, в том числе, и в первую очередь, на уровне семантики.

Как показывает анализ, семантика коммуникативного уровня связана с позицией говорящего, позицией слушающего, а также оцениваемой и квалифицируемой ими ситуацией и организуется понятием целеустановки; вариативного ряда структур, её выражающих; инвариантными семантическими параметрами средств, эти конструкции формирующих, и законами их реализации.

Коммуникативный уровень языка представлен как в монологической так и диалогической речи, как в письменной, так и в устной форме, однако звучащий диалог, как естественная форма существования этого уровня, наиболее полно воплощает функционирование коммуникативных единиц.

В процессе лингвистического осмысления нашего объекта внимание исследователей привлекал ряд отдельных средств, которые, как показывает анализ, функционируют на рассматриваемом уровне, хотя сами они изучались в разных аспектах и с различными целями.

Среди этой группы работ особо выделим исследования, связанные с изучением частиц (реже междометий)¹, описания синтаксических структур, в том числе синтаксических фразеологизмов². Ряд работ был связан с таким важным для формирования значений данного уровня средством, как интонация³. Анализировались и средства выражения актуального членения.⁴ Важным было изучение средств разговорной речи.⁵

Однако, касаясь объекта нашего исследования (в нашей терминологии – коммуникативного уровня), как исследователи пятидесятих годов в связи с обсуждением вопросов модальности, так и сторонники теории речевых актов в конце двадцатого века отмечали его неизученность. В.Г. Гак в 1998 писал о необходимости изучения важных явлений, "которым в традиционной грамматике не уделялось должного внимания. Многие из этих индикаторов, без которых не строится ни одна живая фраза, либо вообще не изучались, либо не исследовались с необходимой глубиной. Причина этого состоит в том, что они распределяются по различным частям речи и поэтому всегда рассматривались разрозненно, так что их функциональная общность и специфика оказывались невыявленными" [Гак 1998: 559].

¹ Не перечисляя всех авторов, упомянем работы А.Н. Баранова, И.М. Кобзевой, А.Н. Крейдлина, А.Н. Васильевой, Е.Р. Добрушиной, Р.Д. Дубовицкой, А.Е. Зайцева, А.В. Знаменской, И.А. Киселева, Т.В. Маркеловой, А. Мирович, Т.М. Николаевой, Л.Е. Холодиловой, Н.Д. Падучевой, Р.П. Рогожниковой, И.А. Блохиной, В.Ф. Куприянова, Е.В. Скорлуповской, С.А. Стародумовой, Е.Б. Степановой, В.С. Храковского, А.П. Володина, Н.Ю. Шведовой и др.

² О синтаксическом аспекте изучения писали Н.Д. Арутюнова, Г.В. Валимова, Т.Г. Винокур, А.М. Визгина, И.В. Галактионова, Г.А. Золотова, А.М. Лосева, Н.Я. Лойфман, Г.И. Несила, М.Н. Орлова, О.В. Озаровский, А.Д. Осоловская, М.А. Михлина, И.П. Распопов, А.М. Сколкова, И.П. Святогор, Е.Ф. Тарасенкова, Э.А. Трофимова, О.И. Шаройко, Н.Ю. Шведова, М.В. Всволотова, А.Л. Чистякова, Е.Н. Ширяев, В.И. Бухарин, А.Я. Скундю и др.

³ Интонацию в том или ином аспекте анализировали В.А. Артёмов, И.Г. Торсуева, И.Г. Иванова-Лукиянова, Т.М. Николаева, Л.В. Златоустова, В.А. Пономарчук, Г.И. Фирсанова, Л.В. Бондарко, Ю.А. Будасов, Е.М. Кубарев, И.Д. Егорова, А.А. Мстлюк, Н.Д. Светозарова, коллектив исследователей РАН, и прежде всего, С.В. Кодзасов и др. Особо выделим вклад в изучение системы интонационных средств Е.А. Брызгуновой, на концепции которой основывается автор этой работы.

⁴ Труды А.Л. Чистяковой, И.И. Тепляцкой, Т.М. Николаевой, А.В. Павловой, Н.В. Черемисиной и др.

⁵ Исследования коллектива авторов АН СССР под руководством Е.А. Земской, работы О.А. Лаптевой, Г.Г. Инфантовой, И.Н. Кручининой, Саратовского центра изучения РР под руководством О.Б. Сиротининой и т.д.

Итак, что может дать нам основания для понимания системной организации этого, казалось бы, разрозненного как формально, так и семантически материала?

1. Целеустановка как организующее понятие данного уровня.

Понятие целеустановки, хотя и называемое разными терминами, имеет давнюю лингвистическую традицию.

Его традиционно связывали с типами предложений, однако основания выделения как самого понятия, так и количества этих типов довольно долгое время оставались неэксплицированными.

В различных лингвистических направлениях анализируемый нами объект назывался и трактовался по-разному: коммуникативный тип предложения, коммуникативное задание (Е.А. Брызгунова), речевая воля, речевое намерение говорящего (М.М. Бахтин), иллокутивная интенция, сила (в теории речевых актов). При всех различиях в интерпретациях (речевая воля связывалась М. Бахтиным с высказыванием как единицей речи и целью автора литературного произведения, иллокутивная сила рассматривалась как нечто неразрывно связанное с эксплицированным пропозитивным содержанием), все они трактовались через понятие целеустановки, цели говорящего в высказывании. Определение же самой целеустановки либо не давалось, а вводилось иллюстрацией примеров (вопрос, требование, просьба), либо довольно долгое время определялось не через показ её семантических особенностей в системе языка, а через указание на некоторые типичные средства её формирования, прежде всего отмечались интонация и порядок слов. В то же время делались и попытки определить само понятие целеустановки, точнее, ввести её в круг однородных явлений. Таким в русской лингвистической традиции стало понятие *модальности*, трактуемое двумя способами: как отношение высказывания говорящего к действительности, идущее от работ В.В. Виноградова, выделявшего в свою очередь понятия субъективной и объективной модальности [Виноградов 1975: 53-87], или как отношение говорящего к своей речи, что связано с именем А.М. Пешковского [Пешковский 1956: 392]. Оба понимания названные учёные иллюстрировали примерами целеустановок. С тех пор наиболее распространёнными в русской лингвистической традиции являются трактовки целеустановки через связь с *типом отношения высказывания говорящего к действительности* либо *типом отношения говорящего к своей речи*. Впрочем, в дальнейшем соотношение целеустановки и модальности в этих двух аспектах варьировалось. В то же время далеко не все исследователи связывают целеустановку с областью модальности, приводя справедливые аргументы о неоднородности их характеристик при применении к ним упомянутых выше трактовок модальности, например, как отношения говорящего к действительности. Однако, при всей справедливости аргументов, остаётся открытым вопрос: а нет ли у целеустановок неких иных оснований быть включёнными в систему единиц одного уровня членения?

В истории лингвистики был и ещё один, иной тип трактовки соотношения модальности и целеустановки, предложенный Э. Бенвенистом и наиболее близкий к определению, к которому мы пришли в результате исследования: "...предложению присущи определенные модальности. Повсеместно признают, что существуют предложения утвердительные, повелительные, вопросительные. Эти модальности лишь ото-

бражают три основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью" [Бенвенист 1974: 448].

При осознании общей системы целеустановок, которые все же не сводятся к упомянутым трём разновидностям, мы пришли к следующему определению, покрывающему, как нам представляется, все их разновидности:

Целеустановка представляет собой языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо отражает языковой тип воздействия ситуации, слушающего или самого говорящего на говорящего (вопрос, требование, просьба, совет, предложение, угроза, предостережение, возмущение, подтверждение, удивление, возмущение, восхищение, упрёк, похвала, сочувствие, досада, удовлетворение, презрение, облегчение и т.д.).

С учетом функционирования целеустановок в письменной монологической речи, понятие говорящего и слушающего могут быть заменены на термины «адресант» и «адресат».

Это определение позволяет объединить в единую систему все типы целеустановок, в том числе и их эмоциональные разновидности, которые могут как фиксировать воздействие ситуации или слушающего на говорящего (например, возмущение), реже говорящего на говорящего (например в самоупреке), так и иметь целью воздействие на позицию слушающего (реже – говорящего или ситуацию).

При этом можно вводить целеустановки в область модальности как особую разновидность или отказывать им в таком введении, трактуя модальность более узко, так как мы в любом случае столкнёмся с тем, что только понятие целеустановки позволит организовать и более узко понимаемые модальные смыслы, реализующиеся в конкретных конструкциях коммуникативных рядов. Эти смыслы работают в одной системе, по нашей терминологии – системе коммуникативного уровня языка, где ведущую, организующую роль выполняет коммуникативная целеустановка.

Типы целеустановок являются первой ступенью варьирования позиций говорящего, слушающего и оцениваемой, квалифицируемой ими ситуации.

Остановимся на принципах определения целеустановок.

Конечно, при определении целеустановок мы исходим из необходимости определения таких их параметров и в таком соотношении, которые способны отграничить одну из них от другой и в то же время показать их общность, возможную зону пересечения, совмещения.

Однако данная задача осложняется ещё одним аспектом: необходимо выделить такие параметры, которые позволят собрать вариативный ряд конструкций, т. е. выделить те общие характеристики, на которые реагируют все русские структуры ряда. В то же время, в отличие от других направлений, при определении целеустановки мы учитываем специфику коммуникативных значений структур, её выражающих, что позволяет дать более точный набор общих параметров, их объединяющих.

Эта задача отлична от определения целеустановок в направлении функционального поля, когда прямой вектор "средство → целеустановка" ставит задачу найти разумные параметры разведения целеустановок без учёта специфики значений реализующих их структур. Эти определе-

ния не будут совпадать и с формулировками значений базовых глаголов, называющих данные целеустановки в качестве членов ЛСГ.

Например, параметр иерархии не может быть включён как разграничивающий целеустановки требования и просьбы, требования и предложения, так как вариативные ряды просьбы и предложения также включают конструкции, маркированные иерархией отношений. Отсюда определение требования будет даваться как 'выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил действие, которое он должен совершить, что не зависит от его желания', а просьба о действии будет определяться как 'выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил действие которое он может, но не должен, не обязан совершать, что зависит от его желания'.

Типичное для ряда работ введение в базовые параметры русских определений просьбы и совета противопоставления по учёту выгоды, пользы говорящего (в просьбе) и слушающего (в совете) будет не полностью адекватно системе значений структур русского языка, поскольку в конструкциях русских вариативных рядов не только просьбы, но и упрощения, совета и иных целеустановок нам придётся разграничить параметр личного интереса говорящего и его представления о бенефактивном развитии событий, так как это различие передаётся структурами с препозитивным и постпозитивным личным местоимением.

Таким образом, в просьбе и упрощении может маркироваться отодвинутость личных интересов на второй план, подчинение их интересам второго лица (препозитивность личного местоимения).

2^1 2^1 2^3 2^3
- Ты вот что, / дочка, / ты бро сь меня. / Не мучайся / Я
сам. (к/ф "Они сражались за родину")

И, наоборот, в совете может маркироваться частичное нарушение интересов слушающего во имя общего бенефактивного развития ситуации (постпозитивное личное местоимение).

2^1
- Отда й ты им мячик.

Исходя из задачи выявления русского вариативного ряда угрозы, мы не сможем трактовать её как обещание, что свойственно традиции теории речевых актов, начало которой положено исследованиями английского языка, так как собрать русский вариативный ряд позволяет лишь трактовка угрозы как предупреждения о нежелательном действии, что особенно актуализируется в структурах с активизацией взаимодействия лексико-грамматических и интонационных средств (например, в структурах с ИК-2^{1/1}, маркирующей предупреждение о следствиях вводимой информации).

$3 \setminus /$ 3
-1-> Запо м нил, что я сказал? / Запомнил?
 $2 \setminus /$
-1-> Запо м нил. (к/ф "Калина красная")

В этом случае идея возможности осуществления действия-возмездия, обоюдной угрозы передаётся интонационными и сегментными средствами. В первой реплике взаимодействием с ИК-3^{1/1}, маркирующей в случае

отклонения от нормы поведения собеседника возможность аналогичного отклонения со стороны говорящего, во второй реплике – взаимодействием с ИК-2^М, которая вводит значения учёта говорящим следствий из введённой информации и призывает слушающего учесть возможные последствия из информации, вводимой говорящим.

В то же время при определении этой целеустановки мы особо должны выделить параметр потенциальности угрозы, не отмечаемый другими исследователями и отличающий её от обещания, так как на базе этого параметра развиваются и языковые тактики русской угрозы: каскады структур, объединяемых нежеланием называть конкретное действие-возмездие и отложенностью действия-возмездия на неопределённый срок.

2. Вариативный ряд конструкций, реализующий целеустановку

Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд конструкций, её выражающих. Как показывает анализ материала, вариативный ряд конструкций, соответствующий той или иной целеустановке или её разновидности, представляет собой систему языковых единиц, характеристика каждой из которых определяется всеми её членами.

Каждая из конструкций, возводимых к какой-либо целеустановке, обладает 1) особенностями значения, 2) различным типом соотношения дифференциальных средств разных уровней языка, 3) спецификой сфер и регистровых параметров общения.

Данный подход выявления параметров конструкций ряда, характеризующих каждую из них и отличающих их одну от другой, мы назовем *парадигматическим*.

Задачи которые могут быть решены с помощью *парадигматического подхода*.

1). Во-первых, ставится задача выявления *дифференциальных, существенных для образования того или иного коммуникативного значения конструкций средств формирования* (для формирования русских коммуникативных значений спецификой является активизация взаимодействия средств разных уровней языка, а также смысловых связей с контекстом)[Брызгунова 1982]. Этот подход отличается от представления материала как списка предложений с указанием на какое-либо одно средство, присутствующее в высказывании с той или иной целеустановкой[Храковский, Володин 1986; Храковский 1990], или перечисления структур, которые могут быть в высказывании с той или иной целеустановкой, но не являются дифференциальным средством формирования (например, работа П. Рестана, посвященная анализу русских вопросительных предложений)[Рестан 1969].

Этот подход даёт возможность с большей точностью выявлять и систему значений, реализуемых в *языковых* конструкциях с тем или иным дифференциальным соотношением средств, делая анализ коммуникативных значений более определённым, так как соответствие того или иного значения определённому соотношению средств доказывает его языковую реальность, что, конечно же, не исключает многозначности ряда конструкций.

Как показывает анализ, язык располагает *двумя группами средств формирования коммуникативного уровня*.

а) С одной стороны, это специальные средства формирования коммуникативных целеустановок и соответствующих им конструкций, — средства, первичной функцией которых является связь с данным уровнем системы языка, например, наклонения, частицы, междометия, порядок слов, интонация.

б) С другой стороны, это такие средства, первичной функцией которых является формирование диктумного, номинативного содержания, способные, однако, участвовать и в формировании значений коммуникативного уровня. Это касается словоформ полнозначных лексических единиц, практически всех грамматических категорий различных частей речи, например, вида, времён, числа, падежа и т.д.

При этом единица может не переставать выполнять и номинативную функцию, осложняясь коммуникативными параметрами, а может и терять номинативное содержание, сохраняя те же коммуникативные параметры. Таким образом, часто две разные единицы для исследователя, смотрящего на них с точки зрения выполнения ими номинативной функции, являются одной единицей на коммуникативном уровне, так как имеют идентичные коммуникативные параметры (например, *"вот"* — указательное местоимение, союз, частица, *"так"* — местоименное наречие, союз, частица, *"что"* — вопросительное местоимение, частица; *"а"* — союз, частица, междометие, *"да"* — модальное слово, частица, союз, которые характеризуются едиными коммуникативными параметрами).

Отсюда констатация лингвистами сложности разграничения полнозначных слов и частиц, отсутствия разумных оснований для объяснения функционирования грамматических категорий в целеустановках, объяснить причину чего помогает анализ коммуникативной семантики.

Необходимо отметить, что выход на коммуникативный уровень происходит всегда на уровне *фиксируемой словоформы, включаемой в конструкцию*.

При этом мы не исключаем случаи, когда коммуникативные характеристики могут быть связаны с корнем и быть идентичными для словоформ разных частей речи, соответственно занимающих и разные синтаксические позиции (например, *так и такой*).

В связи с этим встаёт вопрос о неоднозначности частеречной принадлежности ряда единиц и об условности деления на части речи на коммуникативном уровне.

И наоборот, ряд единиц, которые, казалось бы, прямо связаны с явлениями коммуникативного уровня, могут иметь столь сильную номинативную составляющую, что перестают подчиняться некоторым закономерностям коммуникативного уровня и сближаются с полнозначными единицами номинативного (например, некоторые группы междометий типа *"брысь"*).

Названные выше две группы, взаимодействуя, и составляют основу средств, формирующих конструкции целеустановок.

При этом анализ коммуникативных значений позволяет выделить три способа их формирования:

1) *эксплицитный* (с лексически раскрытой коммуникативной целеустановкой или её составляющими). Его единицы характеризуются формальной фиксированностью одного из значений, чем отличаются от средств имплицитного способа формирования.

Однако лексическое именование целеустановки или её составляющей в конструкции ещё не говорит об их выражении, так как и средства этого способа в русском языке подчиняются алгоритму развёртывания коммуникативных значений, хотя не всегда реализуют его полностью. Данный способ в русской системе обычно даёт многочисленные примеры коммуникативного переосмысления и тем самым всегда сближается со вторым, имплицитным способом.

2) **имплицитный** (с активизацией взаимодействия средств разных уровней языка). Мы хотели бы подчеркнуть, что толкование понятия "имплицитный" как не имеющего средств выражения представляется нам лингвистически бессмысленным, так как отсутствие средств выражения говорит об отсутствии значения в системе того или другого языка. Обычно об имплицитном способе выражения того или иного значения речь идёт в том случае, когда отсутствует одно, специально предназначенное для его формирования средство, однако осознаваемое языковое значение формируется взаимодействием нескольких средств – как одного, так и разных уровней языка.

3) **коммуникативное согласование или дублирование** как один из ведущих приёмов формирования русского коммуникативного значения. Это понятие, с одной стороны, связывается с ведущим принципом организации коммуникативной конструкции и включает *согласование или дублирование реализаций инвариантных параметров разных средств при формировании одного коммуникативного значения* (приём, который осознаётся при выделении инвариантов и их реализаций, о чём ниже); с другой – с *наименованием или согласованием самих конструкций вариативного ряда при выражении коммуникативной целеустановки*.

2). Анализ вариативного ряда структур позволяет выявить систему значений конструкций, обслуживающих тот или иной коммуникативный тип целеустановки, так как только соотношение структур ряда, а не изолированный анализ одной из них позволяет понять особенности значения каждой из конструкций.

Базовые составляющие коммуникативных значений

Специфика коммуникативного уровня, его принципиальное отличие от номинативного определяется прежде всего характером его значений и спецификой их развёртывания.

Значения средств коммуникативного уровня определяются через три базовых понятия: *позиция говорящего, позиция слушающего и осознаваемая и оцениваемая ими ситуация*.

При этом в конструкциях ряда представлено более дифференцированное варьирование типов соотношения позиций говорящего и слушающего, а также оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации по сравнению с общими параметрами целеустановки (второй уровень варьирования).

Однако чем прежде чем говорить об этих особенностях варьирования, определим данные понятия.

а) Понятие позиции говорящего, позиции слушающего.

Под *позицией говорящего*, так же как и *слушающего*, мы понимаем физические, ментальные, коммуникативные действия участников общения как некую обобщённую данность. Иначе говоря, позиция говорящего связана с присущими ему действиями, состояниями, мыслями, предположениями, суждениями и т. д., дифференциация чего для ком-

муникативной конструкции не является существенной. Это касается и понятия позиции слушающего. Этот уровень обобщения – не производил исследователя. Как мы убедимся, введение данных понятий отражает ту необходимую степень обобщения, которая соответствует уровню учёта, детализации значений коммуникативными средствами, которым свойственна нерасчлененность реакции на дальнейшую детализацию номинативного содержания, хотя при толковании каждого конкретного примера мы легко восстанавливаем, о чём идет речь.

Напротив, средствам коммуникативного уровня при формировании языковых коммуникативных значений свойственна детализированный учёт соотношения позиций собеседников: их сходств и расхождений относительно друг друга или осознаваемой и оцениваемой ими ситуации, а также оценка этих позиций.

б) Понятие ситуации.

Помимо указанных составляющих не менее важным является понятие ситуации как составляющей коммуникативного значения, и именно в этом аспекте термин ситуация нуждается в пояснении.

Термин *ситуация* активно используется в современной лингвистике в самых различных значениях, в том числе и в работах, посвящённых нашему уровню, где он трактуется от сближения с понятием пропозиции до понимания ситуации как невербально выраженного контекста и т. д.

Наше толкование этого термина принципиально отлично от выше-названных его употреблений. Если пропозиция определяется как то, к чему относится целеустановка, то ситуация – это понятие, которое само активно участвует в формировании коммуникативных (целеустановочных) значений языковых конструкций.

Понятие ситуации как составляющей коммуникативного значения не зависит от проблемы референции и количества предикаций, выраженных в явной или свёрнутой форме. Она может быть выражена в самом высказывании, лексически описана в предшествующем контексте или введена невербальными средствами (например, визуально). Она может наблюдаться в данный момент или быть известна заранее.

Ситуация, как показывает анализ, есть некие обстоятельства, которые воспринимаются говорящим, оцениваются и квалифицируются им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения конструкций.

Ситуации могут как рассматриваться одна относительно другой, так и соотноситься с позициями говорящего и слушающего. При этом возможно большое количество семантических ходов, на которые реагируют русские структуры, доказывая необходимость ввода данного понятия и термина.

Если ситуация является составляющей коммуникативного значения, то термин *контекст* будет использоваться нами как обозначение некоторого окружения конструкции, которое даёт возможность реализации тех или иных её семантических коммуникативных параметров.

Итак, вернёмся к вопросу конструкции.

Анализ системы значений конструкций позволяет выявить семантические параметры, которые отличают конструкции внутри вариативного ряда, что невозможно сделать при списочном представлении тех или иных форм.

Таким образом, определить место конструкции в пределах ряда – это значит описать её значение, коммуникативные параметры, отличающие её от других структур и выявленные на фоне других структур. Приведём примеры сопоставления конструкций разных вариативных рядов различных целеустановок.

Так, анализ значений вариативных рядов структур, каждая из которых занимает свою семантическую нишу, позволяет понять ограниченность возможности выразить виды требования с помощью собственно форм императива. Например, формы русского императива не могут передавать значение 'ты сделаешь это, несмотря на то, что не хочешь, так как я этого хочу', формируемое с помощью форм будущего времени. Так, в высказывании могущественного Абдуллы, обращённом к Саиду,

– "Пока их не возьмём,³ / останешься с нами"² (к/ф «Белое солнце пустыни») конструкция с формами будущего времени не может быть заменена на структуры с формами императива (ср: *останься с нами, оставайся с нами*), что объясняется взаимодействием параметров формирующих её средств.

Именно изучение ряда структур, например, приказа, как системы, показывая реакцию конструкций на параметры немедленного и безоговорочного исполнения действия, позволяет понять особенности значений каждой из них. Так, структуры могут актуализировать при каузации действия говорящим параметр нормы поведения слушающего и наличие дистанционированности (инфинитивные, взаимодействующие с ИК-2, типа "Догна ты!"²); или отсылать к необходимости, вызванной ситуацией, импульсу ситуации (структуры с неэксплицированным действием – "Оружие к бою"² (ср.: "Приготовьте оружие к бою!", "Приготовить оружие к бою!"); подчёркивать более высокий уровень владения ситуацией говорящего по сравнению со слушающим, маркируя его организующую роль: "Рази! / [и]-ш`ё"³ рази, / [и]-ш`ё"³ рвзи! Подняли! / Натянули! / Стоп! / Хорош! / Крепи! " (к/ф "Добро пожаловать...") и т. д.

Анализ соотношения семантики структур вариативного ряда предложения говорящего позволяет выявить отличия конструкции "хочешь я + глагол в будущем времени" и конструкции с "инфинитивом, взаимодействующим с ИК-3", первая из которых отражает нарушение нормы поведения говорящего, а вторая маркирует следование норме поведения говорящего и отсутствие дистанционированности (действие иной реализации коммуникативных параметров инфинитива по сравнению с приказом в соответствии с алгоритмом, о чём ниже). Ср. :

- Валентина,² / что бы ни случилось,³ / я с тобой,¹ /
слышишь?³ / Хочешь,³ / я увезу тебя отсюда?¹ (к/ф "Валенти-
на")

Ср.: - Увезти?³

Соотношение конструкций вариативного ряда желания говорящего позволяет понять основания противопоставления структуры "я хочу + инфинитив" всем другим структурам по параметру неучёта говорящим позиции слушающего и объективных обстоятельств, что сказывается в особенностях её функционирования.

- Ну что, Нона Юрьевна?² / Пошли?³

- Коль,² пойдём!

- Да ну! / Я хочу спиннинг научиться бросать,³ / как дядя
Юра.²

- Нет, нет!¹ / Что ты говоришь?² / Ты непременно должен
пойти с нами!⁴ / Это и с познавательной точки зрения,⁴ / и
вообще!⁷

- А вообще,³ / я хочу щуку поймать.² / Дядя Юра вон какую
поймал,² / а я что?³

(к/ф "Не стреляйте белых лебедей")

Как показывает анализ все (!) другие многочисленные конструкции этого ряда ориентированы на учёт либо позиции слушающего, либо обстоятельств, в том числе и препятствий при реализации желаемого. Последний параметр включают и собственно инфинитивные конструкции типа "инфинитив + бы" ("Эх,³ взорвать бы!² / Патронов нет"), передающие желание, связанное с нормой развития ситуации, которое было бы реализовано, если бы не препятствующие факторы. Данное значение согласуется с реализацией параметров "Эх", передающих значение нереализованности желаемого из-за внешних препятствующих факторов.

Обратим внимание, что при сопоставлении инфинитивных конструкций с совершенно различными структурами разных вариативных рядов в них актуализируется параметр нормы поведения говорящего, нормы поведения слушающего или нормы развития ситуации, что и позволяет понять его инвариантность (о выделении инвариантных параметров коммуникативных средств см. ниже).

Анализ конструкций вариативного ряда просьбы о разрешении по-
зволяет понять контрастность параметров структуры "Мне бы к окну у^{3/1}

подойти", подчёркивающей этикетное самоуничижение говорящего при выражении своих намерений, осознание обременительности просьбы для адресата, его зависимость от желания (решения) собеседника, и конструкции "Да¹й к окну подойти" (к/ф "Кавказский пленник"), в которой акцентируется необходимость учёта собеседником намерений говорящего, а позиция слушающего рассматривается как причина-препятствие для действий говорящего.

Анализ вариативного ряда конструкций угрозы как системы позволяет выявить оттенки значений в конструкциях "Ну я тебя"^{3'}, "Вот я тебя"^{2/Λ}, "Да я тебя"², "Ух, я тебя"^{3'}, "У, я тебя"^{2/Λ/Λ} и т.д.

Так, структура "Вот я тебя"^{2/Λ/Λ} передаёт значение неизбежности реализации действия-возмездия как единственно возможного и правильного варианта развития ситуации, отвечающего целям говорящего; в то время как конструкция "Да я тебя!"² маркирует неадекватность поведения собеседника, посмевшего причинить вред говорящему, и одновременно неадекватность совершённого проступку действия-возмездия, которое его превзойдёт.

Конструкции вариативного ряда успокаивания демонстрируют противоположенность по параметру наличия-отсутствия причин для волнений, хотя каждая из них осложнена ещё рядом коммуникативных параметров:

- Как?² / Так ты, что ль, все деньги на лебедей, / что ли?³ ²

- Да ладно!² / Выкрутимся!⁷ (к/ф "Не стреляйте белых лебедей")

(Признание говорящим наличия объективных причин, нарушающих интересы слушающего и приводящих его в отрицательное эмоциональное состояние <подтверждение предположений героини>, и призыв отвлечься от них во имя душевного спокойствия).

Ср.: - Да что ты!²

(Отсутствие объективных причин для волнений в связи с отсутствием нарушения нормы развития ситуации, неподтверждение предположений героини).

При анализе русских вариативных рядов мы видим высокую степень дифференцированности учёта позиции говорящего, слушающего и ситуации во всех типах целеустановок.

В то же время русскую конструкцию отличает наличие набора взаимодействующих параметров, её характеризующих.

3). Выявление системных отношений конструкций ряда заставляет обратить внимание не только на различия средств формирования и оттенков значений структур, но и на такой фактор, как различия *регистровых параметров и сфер общения*, которые также могут характеризовать

вать особенности использования конструкций и противопоставлять их в пределах ряда, например, при идентичности выражаемого значения, либо сопровождать наличие семантических отличий структур.

Под регистровыми параметрами мы будем понимать некоторые социальные отношения между говорящим и слушающим, получающие отражение в языковых структурах: узко понимаемую социальную иерархию, степень личной близости, знакомства, возраст, пол.

Для системы русского языка важнее не количество регистров, но реакция конструкций на выделенные регистровые параметры, так как они являются существенными при описании ряда русских конструкций, иногда служа единственным основанием разведения подобных в смысловом отношении структур.

Наиболее же существенным различием для коммуникативной системы русского языка является оппозиция официальности-неофициальности, официальности и сферы общения "без чинов", как называл её М. Бахтин. При этом *официальность* в русской системе актуализирует наличие-отсутствие *дистанции* между говорящим и слушающим, в то время как иерархические отношения могут быть актуализированы в обоих членах названной оппозиции.

Однако определение коммуникативных характеристик конструкций не исчерпывает возможности семантического анализа этого уровня.

3. Синтагматический аспект. Значения средств, формирующих коммуникативные конструкции. Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня

Исследование коммуникативного уровня показывает необходимость сочетания парадигматического аспекта с данными синтагматики.

Так, анализ вариативного ряда конструкций как языковой системы (парадигматический подход) позволяет выявить коммуникативные семантические параметры, которые характеризуют каждую из них как члена этой системы и предопределяют их использование в русском звучащем диалоге.

Однако вторым шагом анализа является вопрос о семантике, значениях средств, участвующих в формировании значений конструкций, и, следовательно, отличающих их семантических параметрах, что связано с выявлением инвариантных параметров средств коммуникативного уровня.

Для этого мы должны выйти за пределы одной целеустановки или группы целеустановок и рассмотреть конструкции с тем или иным средством в разных вариативных рядах разных целеустановок и в соседстве и взаимодействии с иным окружением средств.

Отмечая неразрывность этих приёмов анализа, остановимся теперь на втором подходе.

В русской лингвистике второй половины двадцатого века можно выделить два направления. Первое связано с отказом от выявления инварианта коммуникативных средств. Например, касаясь частиц, Н.Ю. Шведова отмечала, "что предпринимавшиеся попытки (включая сюда и опыт толковых словарей) отыскать в частицах свои самостоятельные значения... до сих пор оказывались неудачными", в результате чего исследователь указывала на необходимость "изучать не самые частицы, а те конструкции, строительным элементом которых является та или иная частица" [Шведова 1960: 96-97].

Вторая группа исследователей, и прежде всего сторонники теории речевых актов, ставила во главу угла поиск инварианта, хотя сам инвариант часто определялся для той или иной конкретной целеустановки (например, поиск значений частиц в волеизъявительных предложениях, в ответных репликах-реакциях и т. д.). В конечном счёте, перед нами и в этом случае обычно был представлен анализ структуры, связанной с той или иной целеустановкой, в пределах которой действует то или иное средство. При втором подходе исследователи не были застрахованы от того, что, описывая значение коммуникативного средства в высказывании, в пределах которого оно функционирует, не припишут ему значение самой конструкции или соседних средств, семантика которых не учитывалась, что часто и имело место. Приём ввода-вывода того или иного средства для определения вносимого им оттенка значения обычно не давал желаемых результатов, так как без учёта парадигматического подхода данное толкование было довольно произвольным и вариативным (трудности, отмечаемые Т.М. Николаевой), а сам приём далеко не всегда эффективным, принимая во внимание существующее в русской системе коммуникативное согласование или дублирование смыслов, которое позволяло выявить предложенный в данной работе метод анализа.

Отметим определённую нерешённость этого вопроса и в самых последних публикациях, например А. Вежбицкой, которая противопоставляет возможность средства иметь инвариант и одновременно связь с целеустановкой [Вежбицкая 1999].

При проводимом нами анализе мы не видим никаких противоречий между понятиями коммуникативной целеустановки, конструкции и инварианта средства. Нам кажется очевидным, что в значении реализующей ту или иную целеустановку конструкции, выделенном на базе парадигматического подхода, скрываются и параметры инвариантных значений средств, её формирующих.

Таким образом, необходимо не только указать на соотношение средств, необходимых для формирования значений конструкции, но и определить взаимодействие значений, а точнее, реализаций инвариантных параметров этих средств.

Важно подчеркнуть, что фиксируемость, строгая закреплённость соотношения средств в конструкции *ещё не говорит о её смысловой нерасчленённости*.

Итак, рассмотрим понятие языковой конструкции как взаимодействия коммуникативных значений формирующих её средств, что связано с выделением инвариантов, стоящих за теми или иными коммуникативными средствами.

Спецификой выделения инвариантных параметров средств коммуникативного уровня языка в данной работе является, 1) с одной стороны, ориентация на выделенный при парадигматическом подходе набор параметров конструкций, в пределах которых работает то или иное средство, 2) с другой стороны, ориентация на инвариантные параметры других средств, участвующих в формировании данной конструкции. Это резко снижает возможность произвольности определения инвариантных параметров.

Алгоритм развёртывания коммуникативных параметров средств.

Однако конструкция не является простой совокупностью инвариантных значений средств, её формирующих, а особой языковой единицей, что связано со спецификой реализации коммуникативных параметров средств, с алгоритмом, правилом, законом их развёртывания, который, как показал анализ, присущ системе русского языка на данном уровне от вида до междометия и типа ИК.

Алгоритм развёртывания инвариантных параметров средств коммуникативного уровня является третьей ступенью варьирования позиций говорящего и слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуации, представленной на коммуникативном уровне и связанной с тем или иным присущим ему средством.

Речь идёт об ином семантическом устройстве средств коммуникативного уровня языка по сравнению с номинативным, которое и позволяет им выполнять возложенные на них функции.

Итак, каждое коммуникативное средство имеет набор инвариантных параметров. Однако реализация этого набора имеет особые правила его развёртывания в конструкции.

А именно, при реализации в конструкции *определённого набора тех или иных коммуникативных семантических инвариантных параметров какого-либо средства* 1) ряд из них имеет антонимическое развёртывание, в то время как 2) сами параметры и их реализации способны относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, быть распределёнными между позициями слушающего, говорящего либо ситуацией (при этом может маркироваться совпадение-несовпадение позиций слушающего и говорящего и оценка этих позиций).

Кроме того, возможно варьирование ряда из них по отнесённости к тем или иным временным планам и по аспекту реальности-нереальности.

Например, антонимическое развёртывание параметров императива – наличие-отсутствие воздействия; совершенного вида – возможность-невозможность, способность-неспособность, возможность не делать-невозможность не делать и т.д.; несовершенного вида – должное, нужное, необходимое-недолжное, ненужное; "а" – вход-отсутствие входа в новую ситуацию после знакомства с ней или предшествующей, "вот" – реализованность-нереализованность варианта, соответствующего – не соответствующего целям одного из собеседников, "ну" – соответствие-несоответствие ожидаемому.

Рассмотрим распределение по позициям на примере ряда реализаций инвариантных коммуникативных параметров "ну":

1). Несоответствие ожиданиям говорящего

Реализация параметра ожидаемости как несоответствия ожиданиям говорящего лежит в основе конструкций с "ну" при формировании различных видов повторного волеизъявления:

а) раздражённого требования (структуры типично состоят или включают одиночное "ну"):

6
- Значит, вещи все собрали?

' 2 2
- Ну да, / все!

2
- Ну прекрати издеваться!

4
- А это? (к/ф "Три плюс два")

б) упрощения при введении частицы "ну" в начало каждой синтагмы:

2 1²
- Ну я прошу тебя, / ну пусть он живёт, / ну пусть
2
2 землю пашет, / ну ему так нравится! (к/ф "Калина красная")

в) нетерпения (конструкции с многократным "ну" при выделении каждого в самостоятельную синтагму):

6 1 6 ' ' 1
- Страшную / весть / принёс я / в твой / дом / Надежда. /
6 1
Зови / детей. /

2
- Чего такое?

6 3 1 6
- Василий / пошёл лебёдку чинить, / а я с ним. / Ещё он /
6 3 1 6
всё / дорогой / курить хотел. / И вот только он пришёл, /
6 3 1
только закурил, / а я // рядом присел.

4 4 4 2 4 2
- Ну, / ну, ну, / дурак старый, / ну, / говори скорей-
2 2
то, ну, / доводит же людей / до белого каления. (к/ф "Лю-
бовь и голуби")

г) подбадривания (конструкция с многократными "ну", произноси-
мыми в отдельную синтагму с ИК-б):

- Там уже прислали отпечатки пальцев.

6
- Ну, ну, ну, ну? (т/ф "Семнадцать мгновений весны")

Во всех данных структурах говорящим каузируется ожидаемое им,
но не исполняемое слушающим или могущее прерваться действие.

Однако на этой же реализации инварианта могут основываться и
конструкции других целестановок.

(Солдат, узнавший, что его собеседник - волшебник):

2 1 3
- Слушай, / папаш! / А вот здесь / темно, / а вот ты
3 1 3 3
можешь / вст эту вот свечку / зажечь, / а?

4
- Пожалуйста! (Берёт спички и зажигает.) /

6
- Ну!

2 3 3
- А зачем же мне/ делать чудо,/ если под рукой/ есть
2 6 /\ / 4
спички./ Чудеса надо/э кономить.
(к/ф "Старая, старая сказка")

(Выражение разочарования на базе несоответствия ожидаемому говорящим.)

3 3
- Ну Танька!/ Ну, красавица! (к/ф "Любовь и голуби")

3 3
- Ну, тёща!/ Ну, человек!(к/ф "По семейным обстоятельствам")

(Оценка, осложнённая удивлением, формирующаяся на базе несоответствия чего-либо ожидаемому говорящим, при этом превосходящего ожидаемое по степени качества.)

2
- Ну, Петя!

(Напоминание говорящего с оттенком ожидания, что собеседник вспомнит желаемое, что в данный момент не имеет места; несоответствие ожидаемому говорящим в данный момент.)

2
- Ну, Петя!

(Упрёк говорящего, вызванный несоответствием поведения слушающего ожидаемому говорящим.)

2 /\ /
- Ну, Петя!

(Угроза со значением ожидания говорящим осуществления возмездия за содеянное, для чего в данный момент нет условий; несоответствие ожидаемому говорящим.)

2
- Ну и ну!

(Выражает значение: говорящий ожидал нечто <"ну">, но развитие событий, которое он мог предполагать ("и"), не соответствует его ожиданиям, превосходя по степени всё ожидаемое <"ну">.)

2. Соответствие ожиданиям говорящего

5 1
- Мама отказалась.

2 3
- Ну д[ъ]к!/Этого следовало ожидать!(к/ф "По семейным обстоятельствам")

(Реакция на соответствие ожидаемому говорящим поведения собеседника.)

3 ' ' 3
- Ты туда пойдёшь? - И ты туда пойдёшь?

4 4
- Ну да.- Ну да! (р/р)

("Ну да" при взаимодействии с ИК-4 передаёт констатацию говорящим соответствия развития событий ожидаемой норме <"ну">, а также подтверждение адекватности эксплицированного собеседником варианта развития событий и реальной ситуации <реализация параметров "да">, снимая неуверенность собеседника.)

3. Несоответствие ожиданиям слушающего

3
- Ты туда пойдешь?

7 1
- Ну да!! Делать мне больше нечего!

(р/р)

(Неподтверждение говорящим ожидаемого слушающим при взаимодействии с ИК-7, подчёркивающей расхождение позиций говорящего и слушающего, при реализации "да" значения неадекватности поведения собеседника и ситуации и коммуникативным дублированием последующей структурой).

2
- Она в Индию уезжает!

4 7
- Ну и что! Ну и пусть

(Значение безразличия, базирующееся на несоответствии ожидаемого <реализация инвариантных параметров "ну"> и предполагаемого <реализация инвариантных параметров "и"> собеседником впечатления, которое должна произвести на говорящего информация о ситуации <"что">, и незаинтересованной реакции на неё говорящего.)

4. Соответствие ожиданиям слушающего

3
- Ты меня любишь?

2 / 3
- Это здесь при чём?/ Ну люблю!

1
- Без "ну"?

1
- Люблю. (к/ф "Сирота казанская")

(Вынужденное подтверждение, ориентация говорящего на то, что хотел, ожидал от него услышать слушающий, хотя до слов собеседника это не входило в намерения говорящего, в данном случае из-за очевидности ситуации.)

1 1 1
- Ну ладно! Ну так и быть! Ну что же!

(Согласие на ожидаемое слушающим, что до определённого момента не входило в намерения, желания говорящего.)

5. Соответствие ожидаемому развитию ситуации

3 3 2
- Может, это не он?/ Может, не он/ падал-то?/ Ты же
2
мог в суматохе-то/ не разобрать?/

3 3 1 2
- Да нет,/ он падал,/ Звягинцев./ Это я точно видел./
3 1 3 6
Мина рванула/, ну он с ног долой./ А насмерть/ или как,/ у
1
ж я не знаю. (к/ф "Они сражались за Родину").

(Значение ожидаемого следствия развития ситуации, 'как и следовало ожидать'.)

6. В то же время в конструкциях может передаваться *неоднозначность*, в частности, *сомнение в соответствии или несоответствии ситуации ожиданиям говорящего*:

- ...³подведёшь ты нас, Лопакин.

3 \ / \
-Я ³подведу?

- Да очень ¹просто даже ³подведёшь!// Это как же ¹надо
услужить ³бабе, / чтоб она / не на ³одного, / на ³двадцать ³семь
душ ²харчей ⁶отпустила?// Тут, ⁶шахтёр, я бы ⁶сказал / тру-
диться ¹надо, / о!

- А я / с ³трусами ¹не ¹посчитаюсь.

- Ну-ну. ¹(к/ф "Они сражались за родину")

(Фатическая реакция на сообщение собеседника, передающая значение принятия информации собеседника к сведению и ожидание дальнейшего развития событий, хотя и с определённой долей сомнения в реальности ожидаемого.)

Следует оговорить одну из особенностей реализации коммуникативного инварианта средства, формирующего коммуникативное значение, а именно – *одновременное сосуществование в одной конструкции двух реализаций одного инварианта*, что в меньшей степени присуще средствам номинативного уровня.

(Диалог пассажиров, в последний момент в прыгнувших в автобус):

- А ²всё-таки ²успели!

- Ну! ⁷(р/р)

"Ну", взаимодействующее с ИК-7, передаёт значение полного фатического подтверждения слов собеседника со значением: 'хотя произошедшее не соответствовало твоим ожиданиям, оно полностью соответствовало моим'. Это значение сформировано взаимодействием с ИК-7, которая в этом случае подчёркивает расхождение позиций говорящего и слушающего. В данном случае интонация "расщепляет" инвариант значения "ну" и формирует имплицитное значение, базирующееся на одновременном сосуществовании и семантическом взаимодействии двух реализаций одного инварианта в одной конструкции, что является регулярно реализующейся особенностью формирования коммуникативных значений.

Имплицитно представленное в анализируемых конструкциях значение может быть раскрыто лексически в данном или "соседних" высказываниях. (вспомним коммуникативное дублирование из приведённого выше высказывания "Ну ²д[ъ]к!// Этого ³следовало ³ожидать!").

Примером варьирования по временной отнесённости параметров может служить реализация параметра нарушения интересов слушающего постпозитивного "ты" в просьбе об извинении, когда в структуре

отражается осознание ранее совершённого проступка, что осложняет её элементом покаяния: "Прости ты меня"², либо реализации инвариантных параметров междометия "ой", например, при выражении неготовности к осуществлению действия, развёртываемой по названным позициям (из-за недостатка места мы не можем дать иллюстраций): *не хочешь, но нечто может осуществиться в будущем* – в предостережении; *не хочешь, но можешь в настоящем* – в упрёке; *не хотели, но могли* – значение вспомнил; *не сможет (не может), даже если захочет* – в успокоивании.

Ещё одной особенностью реализации коммуникативного значения является возможность определённой модификации смыслового взаимодей-

ствия самих параметров. Вспомним вышеприведённый пример с Ну!⁷

Всё это даёт большое количество реализаций; конкретное наличие той или иной из них в конструкции предопределяется типом целеустановки и взаимодействием с соседями по структуре.

Отсюда любой инвариант коммуникативного значения средства является потенциальным, а точнее, коммуникативно связанным. Он всегда тем или иным способом реализован в конструкции. При этом его конкретная реализация в конструкции предопределяется 1) особенностями целеустановки, 2) средствами – соседями по конструкции, а точнее, их инвариантными параметрами, 3) либо взаимодействием с соседними структурами, которые также имеют некие значения и средства выражения.

Множественность реализаций даёт возможность средствам коммуникативного уровня языка участвовать в формировании конструкций большого, но вполне предсказуемого количества структур целеустановок. Но и при идентичной реализации инвариантных параметров могут быть сформированы конструкции разных целеустановок, что предопределяется её взаимодействием с другими средствами конструкции.

Итак, алгоритм реализации коммуникативного значения, именно это правило, закон его развёртывания помогает понять многие "вечные" вопросы и чётко разграничить понятие набора инвариантных параметров и их конкретных реализаций в конструкциях вариативного ряда.

Таким образом, конструкция действительно является взаимодействием значений средств разных уровней языка, что становится очевидным при выявлении инвариантов и понимании закономерностей их реализации. В свою очередь, именно проверка в конструкции сочетаемости выделенных инвариантов и анализ их реализаций, непротиворечивая семантическая расшифровка ранее считавшихся нечленимыми сочетаний доказывает их наличие.

Так, в высказывании "Да уйдите вы с вашей ветчиной!" мы видим бегущую над номинативным уровнем строчку коммуникативных значений.

(На собрании гаражного кооператива):

- А ветчина уже/ позеленела.

- Да уйдите вы/ с вашей ветчиной! (к/ф "Гараж")

С помощью "да" говорящий подчёркивает неадекватность поведения слушающего и ситуации и каузирует адекватное ситуации действие; постпозитивное местоимение второго лица маркирует нарушение каузацией интересов собеседника; совершенный вид вводит констатацию неспособности собеседника до данного момента вести себя адекватно ситуации и одновременно каузацию действия, которое он способен совершить; "вашей" актуализирует расхождение позиций и сфер интересов говорящего и слушающего. ИК-2 подчеркивает своим коммуникативным параметром, что это единственный необходимый вариант развития событий; ИК-5, реализуя инвариантный параметр степени, актуализирует степень эмоциональной активности говорящего, вызванную предельной степенью неадекватности поведения собеседника и ситуации; ИК-7 с его параметром сходств-расхождений, а в данном случае – расхождений сфер интересов говорящего и слушающего, передает оттенок презрения, продублировав коммуникативные параметры притяжательного местоимения.

Впрочем, коммуникативные конструкции могут и не содержать эксплицированных элементов номинативного уровня и быть реализованы вполне самостоятельно, например, "Да ну же!": "да" – неадекватное ситуации поведение слушающего и каузация адекватного ситуации действия; "ну" – ожидание говорящим исполнения действия, неисполняемого слушающим; "же" – параметр должного, не имеющего места: слушающий должен осуществить действие, но не осуществляет + ИК-2, подчёркивающая необходимость реализации именно данного варианта развития событий (реализация инвариантного параметра ИК-2, противопоставляющего один вариант всем другим.)

Либо пример с аналогичным типом устройства конструкции из вариативного ряда угрозы: "Ах так, да?" – в дусинтагменном оформлении с ИЦ ИК-3 на "так" и "да".

2
- Трепа ч ты!

2 2
- Кто ? / Я ?

1 1
- Да , / ты !

6
- Чт^о ?

1
- Пустомеля !

3 3
- Ах так , / да ?

1
- Да !

1 3
- Ну, пока . / Счастливо ! (к/ф "Я шагаю по Москве")

Используя её, говорящий на основании полученной информации убедился в твёрдом намерении собеседника осуществить или продолжать осуществлять небенефактивные действия, осознал неизменность занятой слушающим небенефактивной позиции и невозможность изменить ситуацию мирными способами и предупреждает о возможных неожиданных для собеседника немедленных ответных дей-

ствиях как адекватных ситуации, что является следствием нарушения нормы поведения слушающим. Данные ответные действия обычно либо эксплицируются в следующем высказывании, либо осуществляются говорящим на деле. При этом "так" в данной реализации инвариантных параметров значение *отклонения от нормы* поведения слушающего, *следствием* чего является отклонение от нормы поведения говорящего, т. е. осуществление им небенефактивных действий, "да", реализуя инвариантные параметры, вводит смысл 'если ты считаешь, что я не могу осуществить адекватные ситуации ответные меры, то я могу это сделать'; "ах", имея одним из параметров информационный ноль, вводит *внезапное осознание* говорящим информации, *сводящей на нет все предшествующие попытки урегулировать ситуацию* (сведение на нет всей предшествующей информации), что предопределяет дальнейшее поведение говорящего (второй инвариантный параметр), *вводя информацию о немедленном осуществлении действия-возмездия*. ИК-3 маркирует, что говорящий воспринял (параметр ориентации на) позицию собеседника и одновременно ориентирует собеседника на свою позицию.

Осознание коммуникативного уровня языка как особой семантической системы имеет как теоретические, так и **практические следствия** в преподавании и русским, и иностранным студентам.

Определения целеустановок, учитывающие значения структур, их выражающих, дают стержень, на который навязываются конструкции ряда, осложняющие общий смысл более дифференцированными коммуникативными характеристиками.

Однако указание на связь конструкции и тем более средства с той или иной целеустановкой, что мы часто наблюдаем в существующих словарях и пособиях, является абсолютно недостаточной информацией, не позволяющей адекватно описывать функционирование структур и средств.

Это особенно важно для практики преподавания РКИ, так как только знание и сопоставление семантических параметров конструкций позволяет избавить студентов-иностранцев от механического заучивания структур, давая нить их использования в звучащей и письменной речи. При этом, учитывая включение структур в определённые семантические блоки, в учебной аудитории в зависимости от целей обучения и подготовленности групп возможна как минимизация материала, например, на начальном этапе, так и последовательный ввод конструкций с более сложным соотношением семантических коммуникативных параметров на продвинутых этапах обучения. Но в любом случае не вызывает сомнения факт необходимости ввода семантического описания этого материала уже на начальном этапе параллельно с фактами номинативного уровня, необходимость чего кратно увеличивается для студентов, находящихся в среде естественных носителей языка, независимо от осваиваемой специальности, так как этот материал обеспечивает для них возможность общения. Ведь непонимание русского звучащего диалога студентами-иностранцами во многом определяется невладением конструкциями коммуникативного уровня, что связано с особенностями строения диалога, в котором номинативное содержание часто вводится лишь в первой реплике, в то время как последующие высказывания

вания могут состоять только из единиц коммуникативного уровня, передающих различные типы соотношения позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. Так, в последующем диалоге единицы коммуникативного уровня выделены жирным шрифтом.

- Ты ³знаешь, / ¹Петя уехал.
- Да ⁵ты [\]что?
- Мг. ⁴
- Ну ⁶и ²ну!
- Вот тебе и ²«ну»!
- Вот это ³да! / А как же ²теперь?
- Ну как! / ⁷Ничего.
- Да какое ⁵ничего! / Ну ³надо же! / Да что же это та-
кое! / ⁶Только [\]чуть ²чуть - / ²опять! / Просто ужас ка-
кой-то!
- Не ⁷говори! / Ну ¹ладно. / А ты-то ²как?
- Да ⁷всё ²то же.

Незнание и непонимание значений структур коммуникативного уровня приводит к полному непониманию всего представленного диалога. Иначе говоря, отсутствие этого материала уже на начальном этапе ставит студентов-иностранцев в положение, при котором им "нечем поговорить" с русскими. Механическое же заучивание каскада структур невозможно и дает, как показывает практика, минимальные результаты.

Не менее важно для преподавания и введение понятий инварианта коммуникативного средства и алгоритма развёртывания.

Осознание этих понятий должно изменить принцип подачи средств коммуникативного уровня в словарях.

Инвариантные параметры представляются важнейшим смысловым основанием ввода средств коммуникативного уровня в практику преподавания как в русской, так и в иностранной аудитории.

Уже на начальном этапе обучения студентов-иностранцев необходим "вброс" такой информации, как, например, маркирование с помощью русского «а» входа говорящего и ввода слушающего в новую ситуацию, знакомство с русским «ну» как средством, передающим параметр ожидаемости, связанности русского «что» с понятием ситуации в самых различных конструкциях и т. д. Это вносит смысл в ранее бессмысленные, "загадочные" употребления. На основе объяснения инвариантных параметров студенты легко осваивают принципы и резко активизируют использование коммуникативных средств. В процессе же обучения постигаются и более сложные ступени алгоритма развёртывания инварианта, ставится вопрос о взаимодействии реализаций инвариантных параметров средств в конструкциях. Иначе говоря, студентам становится доступен

язык коммуникативных значений, идущий на смену понятия ничем немотивированного синтаксического фразеологизма. Знание алгоритма помогает не только ввести новую закономерность в практику преподавания, но и, как следствие, выражает принципиально новую единую методическую основу подачи материала коммуникативного уровня в учебной аудитории (от вида до междометия и типа ИК).

В русской же аудитории данный материал позволяет ввести анализ языковых фактов, которые традицией относились к периферии языка (вспомним трактовку их как исключений из правил), хотя на самом деле являлись равноправной системой, присущей только человеческому языку (отражение соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации), во многом определяющей его специфику среди других кодовых систем.

Кроме того, данная система позволяет вносить необходимые знания, важные не только для воспитания студента-лингвиста, но и специалиста-филолога.

Знание семантических особенностей коммуникативных структур позволяет объяснить эстетические текстовые эффекты, так как именно средства коммуникативного уровня по своей семантической природе (отражение соотношения позиций говорящего, слушающего, ситуации) призваны выстраивать отношения героев. При этом взаимоотношения между персонажами формируются не только выбором системы целеустановок, но, и прежде всего, коммуникативными параметрами конструкций, реализующих данные целеустановки, в том числе и в письменных текстах. Так, одним из непровзойдённых мастеров работы со средствами коммуникативного уровня в письменной форме был и остаётся А. Вампилов. В то же время вариативный ряд конструкций является палитрой речевых красок актёра, который не может изменить факты номинативного уровня, но волен модифицировать коммуникативный. Именно коммуникативный уровень лежит в основе интерпретации актёрами единой драматургической основы. Соотношение заданной сетки автора и модификация её исполнителем является важнейшим языковым фактором интерпретации. Отбор коммуникативных средств определяет и индивидуальную манеру актёра, его творческую речевую стратегию, подчерк при всём разнообразии исполняемых образов. Именно наличие этой коммуникативной речевой стратегии (а точнее, в том числе) предопределяет выбор актёра на ту ли иную роль либо особую интерпретацию авторского замысла (например, образы королей из вариантов кинофильмов «Обыкновенное чудо», исполняемых Э.Гариним и Е. Леоновым).

Трудно переоценить и важность задачи сопоставления системы коммуникативного уровня русского языка с системами других языков, что позволяет понять его типологические особенности.

Таким образом, коммуникативный уровень языка представляет собой строгую семантическую систему инвариантных параметров средств, формирующих значения конструкций, объединяемых параметрами целеустановок, в то время как семантика основных единиц основана на позиции говорящего, слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуации и различных проявлениях их варьированности. При этом выявляемая семантическая картина, как показывают данные сопоставительного анализа, резко отличается от систем иных языков.

Семантические параметры, выявляемые при анализе структур и средств данной системы, свидетельствуют о глубоко своеобразном языковом сознании, отражённом в языковой семантике коммуникативного уровня, которая, в свою очередь, даёт представление о языковой стратегии говорящего по-русски при общении с собеседником. Анализ подобного рода позволяет понять коммуникативный язык, семантику коммуникативного уровня, его бегущую над номинативным или вполне самостоятельную строчку коммуникативных значений.

Литература.

- Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 448.
- Брызгунова Е.А. Коммуникативный анализ русской звучащей речи // Soviet-American Contribution to the Study and Teaching of Russian: Theory, Strategies and Tools // Russian Language Journal. XXXVI. 1982. № 125.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии. М., 1999.
- Виноградов В.В. О категории модальности модальных слов в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53-87.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 559.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С.392.
- Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения // Oslo-Berqen-Tromso, 1969.
- Русская грамматика // Гр.ред.Н.Ю.Шведова. – М., 1980. Т. I, II.
- Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива // Русский императив. Л., 1986.
- Храковский В. С. Повелительность. Превентивные предложения // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, С. 96,97.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Иностраннный акцент – сложное языковое явление. Акцент – это отражение в звучащей речи интерференции: совокупности взаимосвязанных отклонений от системы и нормы изучаемого языка, возникших в результате воздействия родного языка.

Фонетическая интерференция может быть представлена в виде двух своих разновидностей: парадигматической и синтагматической. Парадигматическая интерференция проявляется в установлении диафонических отношений (термин Хаугена) между фонемами родного и изучаемого языков. Синтагматическая интерференция проявляется в слогое и фонетической слове и выражается в нарушении принятых в изучаемом языке законов сочетания единиц.

Задача данной статьи – проанализировать китайский акцент в слогое и слове (основных контекстах проявления фонетической интерференции в синтагматике)¹.

Слог является минимальной единицей синтагматики. Физиологическая обусловленность слога деления универсальна. Однако фонемный состав слогов, их тип, количество, положение в структуре слова специфичны для каждого языка. Китайский язык – слоговой язык. Это определяет специфику всей его фонетической системы.

Существует 4 возможных типа слогов:

- 1) полностью открытый слог (состоит из одного гласного – V),
- 2) полностью закрытый слог (состоит из гласного в окружении согласных - CVC),
- 3) прикрытый слог (начинается согласным и кончается гласным – CV),
- 4) закрытый слог (начинается гласным и кончается согласным - VC).

Все четыре типа слогов представлены в русском и китайском языках (хотя в китайском языке преобладающим является слог, заканчивающийся на гласный)².

¹ Выводы базируются на данных эксперимента, проведенного совместно с магистранткой из КНР Ли Цзинь. Речь информантов записывалась на пленку и подвергалась слуховому анализу. В ходе эксперимента было сделано три контрольных среза, что позволило проследить динамику акцента.

² Примеры из китайского языка взяты из магистерской диссертации Ли Цзинь «Анализ китайского акцента в русской звучащей речи», написанной под руководством автора.

Тип слога	пример (китайский язык)	пример (русский язык)
V	a, o	a, и
CVC	ban, mang	тот, сад
CV	cu, ta	да, вы
VC	en, ang	он, ад

Все типы слогов подразделяются на несколько подтипов. Число подтипов в русском языке зависит от количества согласных, входящих в слог, в китайском языке – от количества гласных. Так, в русском языке прикрытый слог имеет четыре подтипа: CV (*да*), CCV (*все*), CCCV (*мзда*), CCCCV (*встретить*). В китайском языке в прикрытом слоге не допускается увеличения согласных перед гласным, хотя вполне возможно появление дифтонгов CVV (*fei, kao*) или трифтонгов CVVV (*piao, xiao*). В языках консонантного типа, к которым относится и русский, большое разнообразие подтипов наблюдается в закрытых слогах. По данным Г.П. Торсуева, в русском языке встречается 10 подтипов закрытого слога [Торсуев 1975: 8]. В китайском же языке существует лишь два подтипа: CVC (*ban*) и CVVC (*ruan*). В русском языке первый тип слога, который состоит из одного гласного, не имеет подтипов. В китайском же языке вполне допустимы слоги, состоящие как из монофтонга, так и дифтонга или трифтонга: V (*a, o*), VV (*ya, wa*), VVV (*yao, wei*). Различие в подтипах слогов, существующих в русском и китайском языках, служит одним из источников интерференции.

Другим источником интерференции является структура самого слога. Русский слог отличается от китайского слога количеством входящих в него элементов, а также их последовательностью. В русском языке количественный состав слога довольно широк, в него могут входить от одного до семи звуков (*и, ли, слить, скрыть, всплеск*). В китайском же языке количество звуков в слоге не превышает четырех. (*i, lu, mai, huan*). В русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге. За гласным звуком может следовать один или несколько согласных звуков (*вол, волк, иск*), гласный звук сам может находиться после одного или группы согласных (*на, три, вдруг, всплеск*). Почти любой звук русского языка может стоять в начале, середине или в конце слога. Иное положение в китайском языке. Отдельные звуки, входящие в состав китайского слога, размещаются в нем в строгом порядке. Каждый звук занимает только отведенное ему место. Например, в русском языке закрытый слог может заканчиваться любым глухим или сонорным согласным, а в китайском литературном языке закрытые слоги завершаются лишь носовым [ŋ] или [ŋ].

В китайском слоге полного состава на первом месте всегда стоит гласный звук (это согласная часть слога – инициаль), за ним следует неслогообразующий гласный, на третьем месте находится слогообразующий гласный и в конце слога – конечный полугласный или носовой со-

нант (они вместе образуют гласную часть слога – финаль). Таковы, например, слоги *tuap*, где на первом месте стоит согласный *t*, на втором месте соответственно неслогообразующий гласный *u*, на третьем – слогообразующий гласный *a* и в конце слога - носовой сонант *n*.

Согласная часть, или инициаль, может быть выражена только одним согласным звуком. Поэтому в китайском языке невозможны группы согласных вроде русских *кран, взрыв, встряска*. Всего в китайском языке 21 инициаль. Гласная часть слога, или финаль, может быть выражена как монофтонгом, так и дифтонгом или трифтонгом. Из 35 финалей 24 является дифтонгами или трифтонгами. Характерны для китайского вокализма также финали, содержащие конечный носовой элемент. Таких финалей 17.

В фонетической системе китайского языка все инициали и финали организованы в ограниченное количество слогов фиксированного состава, не все звуки, входящие в состав слога, могут сочетаться друг с другом. Например, существуют слоги *de, ge*, но невозможны *be, pe, te*; имеются слоги *tuap, luan*, но отсутствует слог *tuan, buan*; есть слоги *jing, qing*, но недопустимы сочетания *hing, king* и т. п. Следствием этого является ограниченное количество слогов (всего около 400), которые могут быть образованы из звуков китайского языка.

Сопоставительный анализ структуры слога в русском и китайском языках позволяет сделать следующие выводы:

- 1) для русских слогов характерны стечения согласных (особенно в начале прикрытого и закрытого слога), в китайском языке они отсутствуют;
- 2) конечный слог русского слова может оканчиваться любым глухим или сонорным согласным, в китайском языке закрытые слоги завершаются лишь носовыми [n] и [ŋ];
- 3) для китайских слогов характерны дифтонги и трифтонги, в русском слоге они отсутствуют.

Данные различия в структуре русского и китайского слога служат источниками интерференции. Анализ звучащей речи выявил следующие отклонения от особенностей структуры русского слога.

1. В слогах, содержащих два и более согласных, наблюдается вставка гласного:

* [стьо] – сто	CCV → CVCV
* [кьто] – кто	CCV → CVCV
* [вьстьань] – встань	CCCVC → CVCVCVC

В результате число слогов в односложном слове увеличивается. Наблюдения показывают, что вставка гласного чаще появляется между двумя шумными согласными, особенно глухими. Однако на начальном этапе возможно появление гласного и между сонорными: *[мьрак] – мрак.

2. В слогах, содержащих несколько согласных, наблюдается усечение одного из них:

* [срыл] – скрыл	CCCVC → CCVC
* [пунт] – пункт	CVCCC → CVCC

Данные отклонения можно объяснить влиянием китайского языка, для которого не характерны стечения согласных.

3. Появление гласного в закрытом конечном слоге:

* [мостъ] – мост CVCC → CVCCV
* [дать] – дать CVC → CVCV

В результате число слогов в слове увеличивается. Появление гласного в конце слова объясняется влиянием китайского языка, в котором слог может оканчиваться лишь на два согласных: [л] и [ŋ]. Интересно отметить, что после твердых согласных появляется звук [ъ], а после мягких – и-образный звук. Названные ошибки существенно нарушают фонетическую структуру слога.

Помимо слога, еще одним контекстом проявления фонетической интерференции является **фонетическое слово**. Произносимое слово в русском и китайском языках обладает своими особенностями. Под фонетическим словом подразумевается одно слово или группа слов, объединенных одним ударением. Изучение интерференции в фонетическом слове предполагает

- рассмотреть природу словесного ударения в русском и китайском языках,
- определить особенности редукции гласных в безударных слогах, наблюдаемой в звучащей речи китайцев,
- выявить отклонения в произношении стечений согласных.

Для характеристики фонетического слова необходимо учитывать характер ударения. В русском языке ударение динамическое. «Артикуляционную природу русского словесного ударения составляет длительность и напряженность артикуляции ударного слога» [Брызгунова 1963: 140]. Именно ударный слог характеризуется наибольшей длительностью и напряженностью. В безударных слогах гласные подвергаются количественной и качественной редукции. В китайском языке ударение тоновое. Каждый слог произносится с определенным тоном (всего их четыре). Тон играет смысловозначительную роль. Возьмем в качестве примера слог *да*. Произнесенный с высокой ровной интонацией (первый тон) слог *да* означает *сооружать*, с восходящей (второй тон) – *отвечать*, с нисходяще-восходящей (третий тон) – *бить*, а с нисходящей (четвертый тон) – *большой*.

В китайском языке преобладают односложные и двусложные слова. По данным Чжугэпин, на которые ссылается в магистерской диссертации Ли Цзинь, из 53082 слов, собранных в «Словаре современного китайского языка», 43642 слова являются односложными и двусложными, что составляет 82,22%, из них двусложные слова составляют 63,04%. В китайских двусложных и трехсложных словах есть ударный слог, который выделяется большей высотой тона, длительностью и интенсивностью. По мнению Н.А.Спешнева, в китайском языке имеется «три степени ударности слога» (Спешнев, 1980, с. 71). Сильноударный слог произносится с

большой длительностью, поэтому и тон его слышится наиболее отчетливо, слабуюдарный слог произносится с меньшей длительностью, поэтому и тон его слышится менее отчетливо, безударный слог произносится очень кратко, в результате противопоставление данного слога по тону нейтрализуется. Схематически соотношение слогов в китайском и русском слове Чжугэпин обозначает следующим образом:

Слово	китайский язык	русский язык
Двусложное	— —, — о, о —, — Ø	— Ø, Ø —
Трехсложное	— — —, — — о, — о —	— Ø Ø, Ø — Ø, Ø Ø —

(— — сильноударный слог, о - слабуюдарный слог, Ø - безударный слог)

Как видно из таблицы, характерной особенностью китайского слова является наличие в слове двух или трех ударных слогов, которые в ряде случаев комбинируются со слабуюдарными. При этом каждый слог произносится с присущим только ему тоном. Различия в фонетической природе словесного ударения в русском и китайском языках приводят к следующим отклонениям, наблюдающимся в звучащей речи китайских студентов.

1. Произнесение ударного слога русского слова с большей интенсивностью и более высоким тоном. По мнению Чэнь Цзюньхуа, «использование высокого нисходящего тона для выделения ударного слога объясняется тем, что это движение тона характерно для китайского четвертого тона» [Чэнь Цзюньхуа 1997: 157].

2. Произнесение ударного и безударных слогов с относительной равномерностью, т.е. с относительно одинаковой длительностью и напряженностью артикуляции. В результате этого ударный слог в русской речи китайцев выделен недостаточно. Данное отклонение объясняется тем, что в китайском языке контраст ударных и безударных слогов практически отсутствует.

3. Выделение каждого слога. Это отклонение объясняется тем, что связь между китайскими слогами является слабой. В русском же языке связь между слогами оказывается более тесной. Отсутствие слитного и плавного произношения внутри слова особенно заметно в произношении многосложных слов. Слушая такое произношение, русским кажется, как будто учащиеся «рубят слоги» [Брызгунова 1963: 146].

Произношение русских безударных гласных также вызывает большие трудности у китайских студентов. Анализ звучащей речи показывает, что китайские учащиеся не редуцируют русские гласные в безударных слогах. Данные ниже слова они произносят следующим образом: *d[o]má - дома, *kóm[а]t[а] - комната, *n[o]t[o]mu - потому, *[m'а]снóй - мясной, *[m'е]стá - места, *ná[m'аt'] - память, *ká[m'ен'] - камень, *ш[а]фёр - шофёр, *ж[е]нá - жена, *ш[о]к[о]лáд - шоколад, *тóж[е] -

тоже. Это объясняется тем, что китайские гласные даже в немногочисленных безударных слогах не изменяют своего качества. Наблюдения показывают, что наименее устойчивым является акцент в предударных слогах. Достаточно быстро учащиеся овладевают редукцией гласных <о> и <а> после твердых согласных. Уже второй срез показывает отсутствие ошибок в произношении первого предударного слога в этой позиции. С большими трудностями идет усвоение второй степени редукции гласных после твердых согласных. В этой позиции акцент является более устойчивым. Даже третий срез показывает наличие акцента в этой позиции. Качественное изменение гласных, особенно <е>, отсутствует и после твердых шипящих. Особенно устойчив акцент в заударных слогах. Динамика акцента отражена в таблице.

		и			е			а			о			у		
		1-ый пред.	2-ый пред.	Зауд.	1-ый пред.	2-ый пред.	Зауд.	1-ый пред.	2-ый пред.	Зауд.	1-ый пред.	2-ый пред.	Зауд.	1-ый пред.	2-ый пред.	Зауд.
После тверд. соглас- ных	1-й срез	и	и	и	е	е	е	а	а	а	о	о	о	у	у	у
	2-й срез	и	и	и	е	е	е	а	а	а	а	а	о	у	у	у
	3-й срез	ы	ы	ы	е	е	ь ^с	а	ь	ь ^а	а	ь	ь	у	у	у
После мягк. соглас- ных	1-й срез	и	и	я	е	е	е	а ^к	а ^н	а	-	-	-	у	у	у
	2-й срез	и	и	и	е ^н	е ^н	е	и	и	ь ^а	-	-	-	у	у	у
	3-й срез	и	и	и	е ^н	е ^к	ь ^с	и	и	ь ^а	-	-	-	у	у	у
После тверд. шипя- щих	1-й срез	и	и	и	е	е	е	а	а	а	-	-	-	у	у	у
	2-й срез	и	и	и	е	е	е	а	а	а	-	-	-	у	у	у
	3-й срез	ы	ы	ы	е	с	с	а	ь	а	-	-	-	у	у	у
В абсо- лют. начале слова	1-й срез	и	-	-	е	-	-	а	-	-	О	-	-	у	-	-
	2-й срез	и	-	-	е	-	-	а	-	-	А	-	-	у	-	-
	3-й срез	и	-	-	с	-	-	а	-	-	а	-	-	у	-	-

Нарушение ритмики русского слова вызвано также отклонениями в произношении стечений согласных. Каждый язык характеризуется определенным количественным соотношением гласных и согласных и порядком их следования в звуковой цепи. «Сочетания фонем подчиняются в любом языке своим особым законам и правилам, которые имеют значение только для данного языка» (Трубецкой 1960, с.279).

Как уже отмечалось выше, характерной чертой русского языка как языка консонантного типа являются стечения согласных. Стечение двух согласных допускает наибольшее количество возможных вариантов в начале, середине и конце слова. С увеличением числа согласных уменьшается количество возможных вариантов, более строго определяются позиционные возможности стечения согласных в начале, середине или конце слова. Так, стечения четырех согласных, возможные в начале слова, состоят из однотипных моделей *вз, фс+смычный+сонорный: вздрогнуть, встреча*. В стечениях четырех согласных, встречающихся в середине слова, также выделяются постоянные компоненты. Например, согласные *т, н, к, ф, м, н, р, й+стечение ств: лакомство, лекарство*. Крайне редки стечения из пяти согласных, но они все-таки встречаются: *бодрствовать* (Брызгунова 1963, с.130). В китайском языке, как уже отмечалось, стечения согласных или вообще невозможны, или они встречаются в строго определенных позициях, а вот стечения гласных представлены весьма широко.

Степень устойчивости структуры речевых сегментов может быть разной в различных языках. Те языки, для которых характерно равномерное следование гласных и согласных, к ним относится и китайский, обладают наибольшей устойчивостью. Именно поэтому китайские учащиеся с большим трудом усваивают фонетику русского языка, отличающегося другим порядком следования элементов. Анализ звучащей речи показал, что при произношении русских слов со стечением нескольких согласных студенты пытаются образовать «удобные» для себя слоги (типа согласный+гласный) путем перераспределения элементов в звуковой цепи. Это ведет к увеличению или уменьшению фонетических элементов того или иного сегмента.

Данное явление, вызванное переносом дистрибутивных моделей родного языка, наблюдается в инициальной, медиальной и финальной позициях и проявляется в выпадении некоторых трудных для китайских учащихся согласных или появлении гласных между согласными.

В инициальной позиции ресегментация (перераспределение) элементов в консонантных структурах представлены в следующих разновидностях:

- 1) Появление гласного перед стечением согласного: *[из]десь—здесь, *[ъс]тудент—студент;
- 2) Редукция согласного в слове при стечении нескольких согласных: *[ви]детель—свидетель, *[сно]мни—вспомни.

В медиальной позиции ресегментация представлена следующими разновидностями:

- 1) Вставка гласного между согласными: *са[л'и]фетка—салфетка, *со[ль]дат—солдат. Появление гласного между согласными не только нарушает ритмику слова. В некоторых случаях это приводит к смешению слов: *собрание—собрание, задание—здание, паровоз—провоз*. Встав-

лениый главный неполного образования [ъ], например, в слове *[зъ]дание – здание, напоминает редуцированный гласный [ъ] русского языка.

2) Выпадение согласного при стечении нескольких согласных: *ди[кант] – диктант, *ко[да] – когда. Очень часто наблюдается выпадение согласных, которые отсутствуют в фонетической системе китайского языка, например, звука [р]: *[пат]фель – портфель, *[пат]рет – портрет. Выпадение согласного часто приводит к смешению двух слов: *по[слу]шать – подслушать и послушать.

В инициальной и медиальной позициях в речи учащихся часто наблюдается перестановка звуков: *[пар]стой – простой, *[акт]рой – открой.

В финальной позиции возможны следующие случаи ресегментации:

1) Появление гласного после стечения согласного: *теа[трь] – театр, *от[пуск] – отпуск.

2) Непроизнесение конечного согласного: *ра[дос] – радость, ар[т'ис] – артист.

Отклонения от произношения стечений согласных, зафиксированные в речи китайских учащихся, объясняются влиянием их родного языка, в котором группы согласных в одном слоге не встречаются. На произношение согласных в финальной позиции накладывает отпечаток тот факт, что китайский слог может оканчиваться только на согласные [л] и [л'].

Трудности вызывает также и произношение стечений гласных, которые возможны в русских словах, но встречаются в немногочисленных случаях. Два соседних гласных произносятся как два слога, но слитно. Для китайского языка характерны дифтонги и трифтонги. Это означает, что два-три соседних китайских гласных составляют один слог. В связи с этим китайские учащиеся не могут правильно произнести стечения русских гласных. Анализ звучащей речи выявил следующие отклонения:

1) Стяжение гласных: *[на]bedать – пообедать, *ра[д'о] – радио.

2) Произнесение стечения гласных в виде дифтонга: *[пау]за – пауза.

Произношение стечений согласных вызывает большие трудности у китайских учащихся. Данные отклонения были зафиксированы в самом начале изучения русской фонетики. Однако наличие этих же ошибок наблюдалось даже на третьем срезе. Это говорит об их очень большой устойчивости.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Различия в слоговой структуре китайского и русского языков, а также в фонетическом строении слова являются источниками синтагматической интерференции, которая проявляется в нарушении ритмики русского слова.

2. Нарушение ритмики слова проявляется в употреблении чужеродных для русского языка средств выделения ударного слога. Это приводит

а) к произнесению ударного слога с большей интенсивностью и с более высоким тоном;

б) к произнесению ударных и безударных слогов с относительной равномерностью;

в) к отсутствию плавного перехода от одного слога к другому, что ведет к выделению каждого слога.

3. Нарушение ритмики русского слова проявляется также в отсутствии качественного изменения безударных гласных в соответствии с ударными.

4. Ритмику русского слова искажает также неверное произношение стечений согласных. Перенос дистрибутивных моделей родного языка приводит к упрощению в речи учащихся групп согласных за счет выпадения одного из них, или вставки гласного между согласными.

Литература

Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. – М., 1963.

Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. – Л., 1980.

Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. – М., 1975.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 1960.

Чэнь Цзюньхуа. Курс русской фонетики для китайцев. – Пекин, 1997.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РЕДУКЦИИ РУССКИХ ГЛАСНЫХ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

В русском языке безударные гласные подвергаются количественной и качественной редукции. Как известно, результаты редукции зависят от положения гласного по отношению к ударению, а также от наличия и качества согласного перед гласным. Отклонения в речи иностранных учащихся могут затрагивать как количественную, так и качественную редукцию. Как правило, все нарушения в иностранном акценте в области редукции сводятся либо к ее отсутствию, либо к редукции по иной схеме. В этом отношении показательными являются английский и французский акценты в русской речи. На примере этих акцентов можно проследить нарушение закономерностей русского безударного вокализма в двух названных направлениях.

Отсутствие, недостаточность, а также «избыточность» количественной редукции гласных безударных слогов обуславливают ошибки, возникающие в ходе освоения русской ритмики. Эти ошибки в большей или меньшей степени характерны для представителей практически всех языков и, как правило, сопровождаются отсутствием качественных изменений в произношении безударных гласных.

Как отмечает Д. Джоунз, разительной чертой системы русского вокализма является наличие всего пяти гласных фонем, притом, что можно различить намного больше, чем пять гласных звуков. Трудность в преподавании русской фонетики англоговорящим, по мнению Д. Джоунза и Д. Уорда, заключается в том, что «фонетические контексты, определяющие использование различных аллофонов русских гласных, могут быть сложными для восприятия учащимися на начальном этапе» [Jones, Ward 1969: 28].

Надо сказать, что в большинстве языков функционирование гласных сильно отличается от их функционирования в русском языке. Именно аспект функционирования является наиболее трудным для усвоения, поскольку широкая вариативность русских гласных, как правило, не имеет соответствий в родных языках учащихся.

Несравненно большее количество гласных фонем в английском языке по сравнению с русским обуславливает незначительный диапазон их аллофонического варьирования. Бóльший диапазон аллофонического варьирования при таком количестве гласных фонем, как в английском языке, приводил бы, по словам Г. П. Торсуева, в силу большой возможности сочетания их с согласными и их группами к стиранию фонематических границ между гласными, то есть к нейтрализации фонем, образованию большого количества омофонических форм в коротких словах [Торсуев 1975]. В русском языке, напротив, меньшее количество гласных фонем характеризуется значительно более богатым диапазоном аллофонического варьирования.

Во французском языке подобно английскому большее количество гласных фонем обладает меньшей вариативностью, вследствие чего смешения французских гласных в слабой позиции почти не происходит. По словам А. В. Широковой, гласные не теряют своих дифференциальных

признаков, не нейтрализуются, они получают тембровые отличия, «функционально не влияющие на постоянный дифференциальный характер гласного» [Широкова 1984: 31–32].

Говоря об усвоении англо- и франкоязычными учащимися редукции гласных, следует указать, что в английском языке есть, по крайней мере, коллективная редуция, в то время как во французском языке редуция вообще отсутствует. В английском языке в безударном положении возможны как гласные полного образования, так и редуцированные. По исследованиям Г.П. Торсуева, чаще всего в неударном положении бывают гласные [э] и [i]. При этом безударное [i] легко меняется на [э] [Торсуев 1950: 113-114].

Гласный в позиции первого предударного слога в английском языке является очень слабым по сравнению с ударным, тогда как в русском языке в первом предударном слоге имеет место редуция I степени и, например, после твёрдых согласных фонемы /o/ и /a/ реализуются звуком [a]. Под влиянием редуции в родном языке англоязычные учащиеся заменяют в первом предударном слоге звук [a] на звук, близкий к [ɔ], и произносят [a] вместо требуемого [ɔ] во втором и третьем предударных слогах: *з[а]л[ɔ]в[á] вместо з[ɔ]л[а]в[á] *голова*, *ст[а]р[ɔ]н[á] вместо ст[ɔ]р[а]н[á] *сторона*. А. В. Широкова определяет здесь трудность в обучении англичан русскому языку как заключающуюся не в неумении произносить эти гласные изолированно, а именно в их «похожести», откуда появляется и «соблазн» эти похожие звуки чередовать по правилам родного языка [Широкова 1984: 26].

Схема ритмики слова в русском и английском языках выглядит следующим образом [Реформатский 1959: 145 – 156]:

порядк. слога	предударный		ударный	заударный	
	2	1		1	2
русский	1	2	3	1	1
английский	2	1	3	1	2.

В акценте англоговорящие допускают ошибки как в предударной части, так и в заударной. Русское слово м[ɔ]л[а]к[ó] произносится носителем английского языка как *м[а]л[ɔ]к[ó]; з[á]втр[ɔ]к[ɔ]ть – как *з[á]втр[ɔ]к[а]ть. В произношении англоговорящих довольно часты следующие ошибки: *молодой* *м[а]л[ɔ]д[ó] вместо м[ɔ]л[а]д[ó], *молодость* *м[ó]л[ɔ]д[а]сть вместо м[ó]л[ɔ]д[ɔ]сть, *чувствовать* *ч[ý]ств[ɔ]в[а]ть вместо ч[ý]ств[ɔ]в[ɔ]ть, *позавтракали* *п[ɔ]з[á]втр[ɔ]к[а]л[í] вместо п[а]з[á]втр[ɔ]к[ɔ]л[í]. Возможно и просто отсутствие редуции, что особенно характерно для заударной части и более всего для конечного закрытого слога.

Следует указать, кроме того, что в конечном открытом слоге англоговорящие учащиеся очень сильно увеличивают длительность и напряжённость гласного. В таких словах, как *позавтракали*, *били*, *пели*, *просили*, конечный гласный произносится отчётливее, чем это необходимо, и идентичен английскому [i], который в конце характеризуется сильной напряжённостью.

Важной особенностью английской ритмики является наличие во многих словах двойного ударения. Английское слово может иметь как два «равноправных» ударения на разных слогах, так и основное и дополнительное ударения.

Соотношение ударных и безударных слогов в английском слове с двойным ударением и конечным открытым слогом, по исследованиям Г.П. Торсуева, будет выглядеть так [Торсуев 1950: 112]:

4 2 5 1 3

possibility ('возможность') [p o s i b i l i t i].

В данном случае каждый из пяти слогов отличается от всех остальных.

Русские слова, состоящие из пяти и более слогов, могут произноситься англоговорящими учащимися в соответствии с этой ритмической структурой, которая абсолютно не соответствует структуре русских фонетических слов. Наличие в английских словах двойного ударения провоцирует при изучении русского языка перераспределение ударения в русском слове, особенно в многосложном, и нарушение норм редукции: *эксперимент* *[э]кс[п]'э]р[('и)м]'э]нт.

В произношении франкоговорящих русские гласные – чёткие и однородные. В отличие от английского акцента, где ошибки связаны, прежде всего, с переносом учащимися законов количественной редукции в родном языке на изучаемый язык, во французском акценте нарушения связаны с отсутствием качественного изменения безударных гласных в соответствии с ударными: *молодой* *м[o]л[o]д[ó]й, *молодость* *м[ó]л[ó]д[ó]сть, *Москвы* *М[ó]скв[ы], *много* *мн[ó]г[o].

Анализ французского акцента в русской речи показал, что особенно трудна для франкоговорящих учащихся заударная часть после мягких согласных, хотя наблюдаются трудности и после твёрдых. Иногда в речи франкоговорящих учащихся в первом предударном слоге звуки проглатываются. В закрытых слогах ошибок на редукцию меньше, чем в открытых. Наиболее простая позиция для франкоговорящих учащихся – абсолютное начало слова.

В связи с явлением редукции русских гласных возникает ещё одна проблема. Наличие в русском языке, языке с парадигматическим устроением фонем (Аванесов 1956, Горшкова 1985), чередований перекрещивающегося типа сопряжено с большим количеством омофонов. Значение звуковой формы способен выявить лишь контекст, при этом также не во всех случаях. Ср. фразы *Я сама поймала сома* и *Я сома поймала сама*, которые звучат идентично, и даже из контекста невозможно определить, в каком порядке произносятся словоформы во фразе. Для языков преимущественно синтагматического характера не характерны чередования перекрещивающегося типа, и, следовательно, им чуждо явление омофонии. В большинстве родных языков учащихся две фонемы не могут совпасть в одном звучании, омофонов нет, и как следствие учащиеся стремятся различать их при порождении русской речи. Осознание сущности явления омофонии, характерного для русского языка, значительно облегчает усвоение иностранцами норм редукции русских гласных.

На примере фраз *Она сама поймала сома* и *Ехал в Баку на боку* можно увидеть «отношение» англоговорящих учащихся к омофонам. Само по себе изменение гласных в безударных слогах вызывает достаточно много трудностей, а возникновение в связи с этим омонимичных форм приводит к появлению новых ошибок. Стремление учащихся как-либо образом различить омофоны в произношении заставляет их прибегать к различным средствам. В частности, некоторыми из них бы-

ло перемещено ударение: *Она [самá] поймала *[сáма], ехал в [бáку] на [бóку]*. В другом случае в слове *сома* был произнесён редуцированный второй степени (*[съмá]), в то время как слово *сама* было произнесено правильно. Франкоговорящие учащиеся в этом случае «идут за орфографией» и на месте редуцированных гласных произносят гласные полного образования. Различать омофоны стремятся даже те учащиеся, которые в целом хорошо освоили нормы русской редукции.

Следует отметить, что в родных языках учащихся есть факторы, способствующие лучшему или худшему усвоению закономерностей русского безударного вокализма. В английском языке к числу таких факторов можно отнести большое количество морфонологических чередований гласных: ср. *politics* [politiks] ('политика') – *political* [pəlitəkəl] ('политический'), *delicacy* [delikəsi] 'деликатес', 'лакомство' – *delicious* [di'liʃəs] 'очень вкусный'. Представляется полезным, знакомя учащихся с позиционной меной гласных в русском языке, приводить такого рода примеры из английского языка, показывая, что и в английском языке ударные [o] и [e] могут заменяться другими гласными в безударных слогах.

Наличие сходного явления в родном языке, хотя оно и имеет иной статус, позволяет снять психологический барьер и достаточно легко «уйти от орфограммы», несмотря на то, что на начальном этапе обучения учащиеся ориентируются на буквенный состав слова. В этом выгодное отличие англоговорящей аудитории от других, в частности от франкоговорящей. Носителям языка, в котором нет звуковых чередований или их немного, усвоить явление редукции гораздо труднее.

Французские безударные гласные сохраняют своё качество даже при сокращении, качественные изменения при этом незначительны и не влияют на восприятие, артикуляция гласных характеризуется чёткостью. Для франкоговорящих учащихся морфонологические чередования абсолютно незнакомы и единообразие морфемы во французском языке является серьёзным барьером на пути к освоению редукции русских гласных. Редукция в акценте франкоговорящих учащихся на начальном этапе обучения отсутствует. На среднем и продвинутом этапах её закономерности обычно воспроизводятся непоследовательно.

Как в английском, так и во французском языках есть положительный фактор, влияющий на усвоение закономерностей русского безударного вокализма. Этот фактор – нефонетический принцип письма. В английском и французском языках, как и в русском, написание может не соответствовать звучанию. На это также следует обратить внимание в ходе обучения русскому произношению.

В акценте франкоговорящих учащихся в безударных позициях редко можно наблюдать появление гибридных звуков – средних между звуками родного и изучаемого языков. Например, на месте буквы «о» произносится звук, средний между [o] и [a]. Учащийся помнит, что /o/ реализуется как [a], но ещё не может полностью «перестроиться». Кроме того, достаточно часто встречаются гиперкорректные формы, когда на месте ударного [o] произносится [a]: *смотрит *см[á]трит*. Таким образом, на продвинутом этапе обучения возможны не только гибридные звуки [Любимова и др. 1993], но и гибридные законы функционирования.

Особый род ошибок франкоговорящих в русской речи связан с тяготением ударения к концу слова, что обусловлено особенностями акцентной структуры французского языка – фиксированным ударением на последнем слоге. Перенос ударения на последний слог влечёт за собой перераспределение звуков полного образования и редуцированных: *было* *был[á], *стало* *ст[а]л[á]. После усвоения редукции произносятся редуцированные, но остаётся тяготение ударения к концу слова.

Смещение ударения вправо под влиянием родного языка является дополнительным фактором, определяющим нарушение закономерностей редукции русских гласных. Часто у учащихся появляются ошибки, когда безударный гласный конечного слога, приобретая ударение, не редуцируется. Гласный, на который падает ударение в русском слове при переносе ударения во французском акценте, может как редуцироваться в соответствии с его положением по отношению к ударению, так и сохранять своё качество, приобретая второстепенное ударение: *э[а]втр[á], *з[а]фтр[á] (*завтра*); *с[а]л[á], *со[л]л[á] (*соня*). Как показал экспериментальный материал, достаточно частым во французском акценте является произнесение общепотребительных слов с ударением на последнем слоге, например: *экзамён, *пожалуйста́, *посоветовавшийсь, *завтра́, *художник, *между́ (с собой).

Важная акцентная особенность в русской речи франкоговорящих учащихся связана с переносом закономерностей функционирования гласных в их родном языке на русский. Франкоговорящие учащиеся переносят на русский язык позиционные изменения длительности гласных. В частности, перед «удлиняющими» согласными /t/, /z/, /ʒ/, /v/, группой /vt/ в конечном (ударном) слоге французские гласные приобретают большую длительность: *инжен[э:]р. Тяготение ударения к концу слова во французском акценте обуславливает также удлинение перед указанными согласными русских безударных гласных. В результате нарушаются закономерности русской количественной редукции и просодические характеристики русского слова.

Необходимо обратить особое внимание на произнесение иностранными учащимися гласных в заударных слогах во флексиях после мягких согласных. При произнесении падежных форм слова *море* в различных контекстах у учащихся заметна тенденция разграничивать гласные в формах именительного, винительного и предложного падежей, с одной стороны, и родительного – с другой: *море, о море / моря* [мбр'э⁴]/[мбр'а]. Скорее всего, учащиеся в данном случае «следуют» за орфограммой. Произношение воспринимается как правильное, что лишнее раз подтверждает особенности реализации /a/ во флексиях (подробнее см. [Пирогова 1979]).

В целом в ходе изучения произношения русских безударных гласных во флексиях после мягких согласных возможна опора на орфографию, однако в одном случае «следование» за буквенным обозначением приводит к неправильному произношению. Сказанное относится к словоформам прилагательных именительного падежа множественного числа. В русском языке на месте буквы Е в этих словоформах произносится [и]: *синие* – син[ии], *добрые* – добр[ьи], *красные* – красн[ьи]. На этом основана игра слов в рекламе ИКЕА: *вещи и сны* (*вещ[и] и сны*) – ср. *вещие сны* (*вещ[и]сны*). В словосочетаниях с прилагательным в форме единственного числа среднего рода имеет место иное произношение: ср. *вещее*

слово (веще[э^н] слово) и вещи и слово (вещи[и]слово): данные словосочетания, хотя и незначительно, различаются в произношении. Носители многих языков произносят [э] как в форме единственного числа среднего рода, так и в формах множественного числа. Последнее произнесение является ошибочным.

В заключение следует сказать, что закономерности редукции русских гласных трудны практически для всех контингентов учащихся, однако связанные с этими трудностями отклонения различаются в акцентах. В частности, для англоговорящих учащихся характерны, прежде всего, отклонения, связанные с редукцией гласных по иной схеме, чем это происходит в русском языке, а отклонения в русской речи франкоговорящих учащихся сводятся к отсутствию редукции безударных гласных. Сознательная опора на характеристики фонетической системы родного языка может облегчить освоение закономерностей русского безударного вокализма различными контингентами учащихся.

Литература

- Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Горшкова К.В. Фонетика // Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Вильнюс, 1985.
- Гордина М.В. Фонетика французского языка. Л., 1973.
- Любимова Н.А., Егорова И.П., Федотова Н.Л. Фонетика в практическом курсе русского языка как иностранного. СПб., 1993.
- Одинцова И.В. Ритмика. Звуки. Интонация: Практическое пособие по русской звучащей речи. М., 1994.
- Пирогова Н.К. Вокализм современного русского литературного языка (синтагматика и парадигматика). М., 1979.
- Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. №2.
- Горсуев Г.П. Фонетика английского языка. М., 1950.
- Горсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке (в сопоставлении с русским). М., 1975.
- Широкова А.В. Сопоставительная грамматика русского языка (сопоставительная фонология). М., 1984.
- Delattre P. Comparing the phonetic features of English French German and Spanish. Heigelberg, 1965.
- Dutto K. Spoken French. Sydney, 1968
- Jones D., Ward D. The phonetics of Russian. Cambridge, 1969.

Межъязыковые сопоставления

Р.А. Кулькова, Хан Ман-Чун (Республика Корея)

МЕТАФОРИЧНОСТЬ УСТНОЙ РЕЧИ (на материале русского и корейского языков)

В специальной литературе, посвященной устной разговорной речи, можно встретить разные суждения о том, свойственна ли устной речи образность, метафоричность. Есть как замечания, что для устной речи образность не характерна («Русская разговорная речь» 1973: 462-463), так и утверждение, что «разговорной речи метафоричность весьма свойственна» (Земская 1987: 43).

Система языка, конечно, содержит достаточное количество образных выражений (в виде фразеологии и устойчивых метафорических выражений), но мы разделяем мнение, что «не все то, что представляет система языка, используется в речи» («Разговорная речь в системе функциональных стилей»: 2003: 212). Употребление фразеологизмов и устойчивых выражений метафорического характера (в том числе и в сопоставительном плане) недостаточно изучено.

Предпринятый нами сопоставительный анализ употребления в устной речи фразеологизмов (далее ФР), а также устойчивых выражений, которые содержат какой-то образ (далее УВ) показал, что метафора, образ для устной речи характерны (в разговорной речи употребляются как ФР, так и УВ), что характерно в равной степени и для русского языка, и для корейского. Различия касаются того, что хотя есть случаи полного совпадения образов, все же преобладают случаи расхождения логики, на которой строится метафорический перенос.

В данной статье мы представляем результаты контрастивного анализа таких выражений устной речи, которые «обслуживают беседу», т.е. выражений, типичных для беседы (выражений, в которых отражаются этапы беседы, поддержание «порядка» в ходе беседы и т.д.).

Правила ведения любой беседы (а мы анализировали в основном русские полилоги, например, общение на семинарах, круглых столах и под.), в каком бы сообществе беседа ни происходила и какова бы ни была ее тема, универсальны. Всем «типичным беседам свойственна общая цель поддержания социального взаимодействия, отвечающего принципам вежливости, в рамках разумного кооперативного поведения», чтобы вместо беседы не получился «монолог или простая куча слов» (Лакофф, Джонсон 2004: 113). Каждая беседа, по нашему мнению, потенциально содержит некоторые инварианты смысла (с точки зрения языковой интерпретации они в разных языках, естественно, варьируются). Это, например, такие элементы:

- отражение этапов беседы: УВ«Беседа взяла старт», УВ«Беседа набирает обороты», УВ«Закончим на этой оптимистической ноте», ФР«Давайте посмотрим на проблему под другим углом»;
- поддержка определенного порядка в ходе беседы: ФР«Беру бразды правления в свои руки и призываю вас к тишине» ;
- напоминание, что говорить надо по существу : ФР«Мы ходим вокруг да около»;
- эмоциональное осуждение повторов и чрезмерности: УВ«Это заезженная пластинка»; УВ«Эта тема сейчас излишне педантируется»;
- указание на степень компетентности собеседников: ФР«(Вы специалисты), вам и карты в руки» ;
- соревновательность: УВ«Вы нокаутировали своих оппонентов», УВ«Вы прижали его к стене»;
- констатация отказа от прежнего решения или признания победы оппонента: ФР«Вы идете на попятную»;
- указание на степень включенности собеседников в разговор: УВ«Вы упустили пять рассуждений»;
- стремление к идеалу: ФР«Давайте искать золотую середину»;
- указание на способность угадывать факты или то, что надо сказать : ФР«Попали в десятку (точку)»;
- напоминание о необходимости «эмоциональной безопасности»: ФР«Не принимайте близко к сердцу» и мл.др.

Контрастивный анализ фразеологизмов мы будем проводить по классификации, состоящей из пяти рубрик. Эти рубрики приняты в исследованиях по сопоставительной фразеологии. Эти рубрики подразумевают выделение **полных эквивалентов**, которые совпадают в разных языках по семантике, внутренней форме, эмоционально-стилистической и экспрессивной окраске, **частичных эквивалентов** («при тождестве семантики и внутренней формы... отличаются структурой, сочетаемостью, количеством компонентов и т.д.»), **относительных эквивалентов** «с частичной заменой образа при тождестве семантики», **фразеологических аналогов**, которые имеют разную «образную основу», **безэквивалентных фразеологизмов** (Яранцев 1989: 4-5, Пак Сон Гу 1996: 146). Толкование значения русских ФР мы будем давать по «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А.Т. Тихонова, М., 2003, корейских – по фразеологическому словарю корейского языка **박영준, 최경봉 «관용어 사전», 태학사, 1995.** Ту же классификацию мы считаем возможным применить и к УВ.

Полные эквиваленты (совпадают по значению и по форме).

(1)Таких эквивалентов в языках обычно немного. В нашем материале примером может служить только русский ФР «*под другим углом (зрения)*» («в каком-либо отношении, рассматривая, расценивая что-либо с той или иной стороны») и корейский ФР각도에서(다른 관점에서): они совпадают семантически и строятся на основе того же образа. Например, *Давайте посмотрим на проблему под другим углом*:이제는 좀 더 다른 각도에서(다른 관점에서)이 문제를 바라 봅시다.

Универсальность метафоры, «образной логики» связана с однотипным (в данном случае) отражением носителями разного языкового сознания данного конкретного фрагмента действительности, а именно: говорящие полагают, что любая проблема или любой вопрос могут быть рассмотрены с разных сторон, под разными углами (зрения), с разных точек зрения. Это говорит об общности, универсальности отдельных процессов в мышлении. Эта общность в некоторых (достаточно редких) случаях дает полную идентичность как содержания, так и формы.

Частичные эквиваленты (единицы, которые полностью совпадают по семантике, а по форме лишь частично).

(2)УВ. *Вы упустили нить разговора* (потерял мысль, пропустил, о чем говорится, например, думал о своем или не понял логического перехода собеседника от вопроса к вопросу). Средствами корейского языка это можно передать словосочетанием 얘기를 놓치다 *упустить разговор*, которое хотя и не является устойчивым и типичным, но носителями корейского языка легко расшифровывается, так как адекватно отражает смысл русского УВ. 죄송합니다. 제가 잠시 딴 생각을 하느라고 두 분 얘기를 놓쳐버렸습니다. (*Извините, пока вы говорили, я думал о своем, упустил, что вы говорили, букв. упустил разговор*).

Можно сделать вывод, что в сознании говорящих как на русском, так и на корейском языках беседа представляет собой некую протяженность во времени и пространстве, это своего рода линия, нить (логическая последовательность), которую легко потерять (упустить).

(3) ФР. *Вы попали в самую точку. Вы попали в десятку* («догадаться сделать или сказать именно то, что нужно; угадать»). Корейский язык располагает близким ФР정곡을 찌르다 (제대로 알아차리다) (букв. «*попасть в самую цель*»). Например,수지는 왜 그렇게 우울해 보이니? 아마도 오래 사귄 남자친구랑 헤어져서 그럴꺼야.그래 맞아 네가 제대로 알아차린 것 같다. (*Почему Су Джин такая грустная? Рассталась с возлюбленным? Точно, именно так, попал в самую цель (угадал)*).

Близость «образной логики» состоит в том, что в обоих языках говорящие исходят из сравнения мыслительной деятельности и ее результата с результативной стрельбой из какого-либо оружия (или метанием) по какой-либо цели, мишени, когда достижение успеха (в разговоре) приравнивается к точному попаданию в эту мишень, цель. Здесь, как и в первых двух примерах, мы наблюдаем сходство метафорического мышления двух народов.

Относительный эквивалент (выражения совпадают (или близки) по семантике, но полностью различны по особенностям метафоризации). Таких ФР и УВ, как и следовало ожидать, наибольшее количество, потому что язык прежде всего отражает национально-специфическое в опыте разных народов, «национально-специфические акценты осмысления бытия», «неповторимые образцы национальной логики и национальной мирооценки», разную «логику образности» (Корнилов 2003: 257-258). Нельзя не согласиться также с замечанием, что «метафорические выражения имеют свой прообраз, прототип, и в этом прототипе надо искать прямую фиксацию явлений окружающей действительности, истории, экономики, географии, культуры» (Верещагин, Костомаров 2005: 182). Приведем конкретные примеры:

(4) УВ. *Мы ходим вокруг одного и того же.* По значению к этому выражению близок корейский ФР *뿔북을 치다* (букв. «бить с другой стороны барабана»). Происхождение данного фразеологизма связано с историческими фактами древней Кореи. В древности за королем и дворянами ходили многочисленные слуги. Впереди шел слуга и бил в барабан. Все должны были склониться в глубоком поклоне. Но если знатный человек уже прошел, то бить в барабан, т.е. повторять действие второй раз (совершать запоздалое действие) не надо. Например, *나중에 뿔북 치지 말고 선생님이 설명하실 때 잘 들어라.* («Если слушать учителя, то не надо будет запоздало бить в барабан»).

(5) УВ *заезженная пластинка*. Заезженный (разг.) – слишком известный, надоевший всем; избитый (БАС 1955, т.4: 442). Например, *«Что правительство плохое – это заезженная пластинка»*. Данному русскому УВ в корейском языке по смыслу соответствует фразеологизм *틀에 박히다. 판에 박히다* (букв. «вставленный в рамку, в доску»). Например, *할아버지, 항상 저에게 친구분 공훈에 대해서 말씀해 주시는데, 이걸 틀에 박힌 이야기라 이젠 수백 번 듣는 게 너무 지겨워요.* (Дедушка, ты всегда рассказываешь мне о подвиге своего друга, извини, но это уже как «вставленное в рамку», надоело сто раз одно и то же слушать»).

Предположительно корейский фразеологизм «вставленный в рамку» мог возникнуть в те времена, когда были изобретены национальные корейские «средства печати»: в специальные доски вставляли металлические буквы, чтобы потом с помощью этой доски печатать текст. Так как копий можно было делать бесчисленное количество, текст мог стать избитым, надоевшим. Отсюда оригинальная, самобытная метафора.

(6) ФР. *Мы переливаем из пустого в порожнее* (переливать из пустого в порожнее - «заниматься бесполезным делом; вести пустые разговоры»). Данному русскому фразеологизму соответствует корейский фразеологизм *되지도 않은 소리* (букв. «невозможный звук, невозможное, не соответствующее разуму слово»). Например, *되지도 않은 소리를 지껄이면서도 전혀 자신들의 잘못은 모르는 한심한 학자들이 있다* (Недалекие ученые не видят своих ошибок, говорят только что-то такое, что не соответствует разуму (=переливают из пустого в порожнее)).

(7) ФР. *Мы ходим вокруг и около* (ходить вокруг да около - «игнорируя до сути дела»). Корейский язык располагает фразеологизмом «*변죽만 울린다*» (букв. *заставит плакать край посуды*). Например, *요점을 못 짚고. 엉뚱한 얘기만 해대다. 어째 우리는 만나기만 하면 요점을 못 짚고 엉뚱한 얘기만 해대냐!* (Почему-то когда мы встречались, мы не могли говорить о главном, все время говорили о чем-то несуразном). Лексически выражается такими средствами: «не может осветить главное», «несуразный, странный, бесполезный, несообразный». Происхождение образа «плач края посуды» с точки зрения современного корейского языка восстановить практически невозможно.

Если в русском языке в основе УВ *ходить вокруг одного и того же* (4), так и в рассмотренном ранее ФР *ходить вокруг да около* (7) отражается представление о беседе как путешествии, что свойственно не только русскому языку, но, например, также и английскому: «*So far we haven't covered much ground*» («*Мы недалеко ушли*»), «*This is roundabout argument (directness)*» («*Спор, идущий по кругу*») и т.д. (Лакофф, Джонсон 2004: 132), то в корейском языке такой метафоры (беседа – путешествие) не обнаружено.

(8) ФР. *Вы сели на своего любимого конька*. В корейском языке этому фразеологизму соответствуют два УВ.

а) *물 만나다* (букв. «*встретиться с водой*»). Например, *당신 완전히 물 만났네. 야! 재 좀 봐라! 자기가 좋아하는 얘기가 나오니까 완전히 물 만난 양 떠들어 대네.* (Посмотри на него. Он сейчас начнет много и с

удовольствием говорить на свою любимую тему: он встретился с водой).

б) *신났구나* (букв. «очень приятное настроение, даже хочется танцевать»). Например, *야! 제 좀 바라! 자기가 좋아하는 얘기가 나오니까 완전히 신났구나.* (*Посмотри на него. Он сейчас начнет много и с удовольствием говорить на свою любимую тему. Приятное настроение, даже хочется танцевать*).

В данном случае различия в метафорическом переносе (русский язык – конь, корейский – вода) связаны, видимо, с тем, что *конь(конек)* (наряду, например, с *волком и медведем*) в русском сознании, фольклоре и фразеологии («быть на коне», «по коням», «не в коня корм», «конь не валялся», «дареному коню в зубы не смотрят» и т.д.) представлен очень весомо, что отражает особенности истории и географического положения России: конь играл большую роль в хозяйственной жизни русских. А в корейской фразеологии *конь* появляется эпизодически (в отличие, например, от *собаки* или *журавля*). Географические условия Кореи (полуостров) обусловили достаточное количество в корейском языке ФР, буквальный перевод которых включает слово «вода»: «рыба, вынутая из воды», «рыба, получившая воду», «наливать воду в бездонный чан» и т.д.

(9) ФР. (*Вы специалист. Вам и карты в рук.* («о знатоке, авторитете в чем-либо»). В корейском языке есть фразеологизм с тем же значением, но и иным образным осмыслением: *둘째 가라면 설워할* (букв.: огорчился бы второму рангу). Например, *당신은 이 분야에선 둘째 가라면 설워할 본인인데 당신이 해결해 주시죠.* (*Вы в этой области первый, огорчились бы второму рангу, поэтому решите, пожалуйста, эту проблему*).

Обращает на себя внимание то, что в русском языке вся ситуация стилистически снижена (привлечен такой бытовой предмет, как карты). В корейском же языке ситуация выглядит более приподнятой, торжественной: акцент сделан на самоуважении человека, обладающего большими знаниями в какой-то области, подчеркивается объективный, безусловный, принятый всеми, факт его первенства в какой-то области. В данном конкретном случае различие национальной психологии связано, возможно, с тем феноменом, постоянно отмечаемым во многих исследованиях: русские даже в серьезной обстановке (например, во время переговоров, деловых встреч) «склонны к иронии, самоиронии, шутке, они общаются на всех уровнях более демократично, неформально, у них нет приверженности строгой общественной иерархии» (Сергеева 2004: 89). Возможно, именно эта особенность и отражается в данном случае во фразеологии двух народов.

(10) ФР. *Возьмите бразды правления в свои руки* (бразды правления – «власть, управление»). Дословный перевод на корейский язык этого ФР со словом **власть, управление** недопустим, потому что **власть** в корейском языке имеет узкое (политическое) значение. 그는 손아귀에 권력을 움켜쥐었다. В ситуации, в которой необходимо «навести порядок», например, в беседе, носитель корейского языка может употребить фразеологизм 교통정리를 하다 (букв. «урегулировать движение транспорта (дорожное движение)»). Например, 자, 이제는 위원장님이 교통정리를 하셔야 할 때 인 것 같습니다. (*Мне кажется, что председатель комиссии должен «урегулировать движение транспорта»*).

Необходимость порядка при проведении беседы, с точки зрения носителей любого языка, осознается одинаково, но в русском варианте наведение порядка представлено как волевое решение ответственного человека взять *власть* в свои руки (как будет употреблена эта *власть*, не сказано), носителю же корейского языка наведение порядка представляется как решение «устранить временные недоразумения» в системе (система сравнивается с системой движения транспорта).

(11) ФР. *Не принимайте близко к сердцу* (принимать близко к сердцу – «отнестись к чему-либо с большим сочувствием, вниманием»). То же значение в корейском языке выражается ФР 웃어 넘기다. (букв. «смеясь, выдерживай», «думай, что такого не было», «представь, что ничего не было», «делай вид, как будто ничего не было», «забудь»). Например, 지난 일은 아무리 슬프고 힘든 기억이라도 웃어 넘기고 잊어라. (*Как бы ни была печальна память об этом прошедшем событии, смеясь, забудь*) Лексически это можно выразить как 마음에 두지 말아라 – «не храни в сердце». Например, 네가 힘들더라도 절대로 그 일 만큼은 마음에 두지 말아라. (*Ни в коем случае не храни в сердце, хотя тебе очень трудно*).

Даже беглое знакомство с фразеологией русского и корейского языков показывает, что в обоих языках есть большое количество фразеологизмов, которые включают слово *сердце*, что естественно, потому что отражает «наивную анатомию», которая есть в любом языке. Эта наивная анатомия отличается от научной анатомии тем, что «в перечень органов «наивной анатомии» наряду с обычными органами могут входить сущности двух типов: нематериальные, невидимые органы (душа) и обычные, материальные органы, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека (ср. Сердце)» (Урысон 2003: 27). Различие русского и корейского языков в отношении на-

ивной анатомии заключается в том, что *голова* в русском языке «не может *болеть* о ком-то или за кого-то – для описания переживаний человека, волнующегося о ком-то из близких, поэтому используются выражения *сердце болит* (*щемит, ноет, сжалось*) или *душа болит* за кого-то» (Шмелев 2002: 35). Корейский же язык считает и *голову* «сосудом переживания», т.е. *Голова болит за нее* – допустимое высказывание: так могут сказать, особенно если тот, кто вызывает переживания, ведет себя недостойно.

(12) ФР. Это *ни в какие ворота (не лезет)* («очень плохо, никуда не годится»). Ср. корейские аналоги *말도 안된다*. «нет слов (как плохо)», *갈테까지 가다*. (букв. «дошел до самой последней степени»). Если в русском языке осуждение факта, который никуда не годится, выражено параметрически («плохое дело» такое большое по величине, что оно не может пройти даже в очень большие ворота, например, ворота большой крепости, ср. русскую поговорку со словом *ворота*: «Пришла беда – открывай ворота»), в корейском же языке оценка дается через указание на то, что объект настолько плох, что его даже «поименовать» стыдно, неприятно, оскорбительно. Например, *박사 논문 심사전에 지도교수가 대학원생에게 적지않은 돈을 요구하였다는데, 이걸 말도 안되는 얘기다*. (*Перед защитой диссертации научный руководитель потребовал с аспиранта большие деньги. Ну уж слов нет (нет слов, как плохо)! Ни в какие ворота не лезет!*).

(13) ФР. *Золотая середина* («об образе действия, поведении, чуждом риска, крайности»). В основе русского образа лежит параметрический образ: положение между двумя точками, середина (дистанции) между нежелательными крайностями, а в корейском языке понятия дистанции нет, в нем есть представление о некоем балансе: *중용* («избегать крайностей, соблюдать баланс, не отклоняться ни в одну, ни в другую сторону»).

Например, *Надо искать золотую середину*. (*중용을 지킬 필요가 있다*). (Например, *아버지는 나에게 너무 공격적이어서도 안되고 그렇다고 지나치게 소심해서도 안된다고 가르치셨다*. *아버지는 중용을 지키라고 말씀하셨다*. (*Отец учил меня быть ни слишком робким и не слишком агрессивным. Он говорил: «Держись золотой середины»*).

Наличие данного универсального понятия (середина лучше, чем крайности), данного частичного эквивалента объясняется, с одной стороны, универсальностью некоторых логических операций сознания (хорошее – это то, в чем нет крайностей, то, что хорошо сбалансировано, устойчиво), с другой стороны, взаимовлиянием культур в древности.

Если в русском языке ФР «золотая середина» по происхождению – перевод изречения римского поэта Горация (*aurea mediocritas*), то в корейский язык выражение 중중 (중중) пришло из китайской философии.

(14) ФР. *Вы идете на попятную* (идти на попятную – «отказываться от данного уже согласия, прежнего решения»). Данное содержание может быть передано корейским ФР *판죽을 치다* (букв. *подставить подножку*). Метафорически в корейском языке эта ситуация отражается, как видим, по-другому. Это связано с популярностью (с древних времен) корейской борьбы *сырым*, в которой у каждого игрока есть своя методика, свои «приемы» (*танджу*). Один из приемов – подставить подножку. Это легло в основу переосмысления данного выражения: «отказываться от обещания или принятого раньше решения».

Фразеологический аналог, в котором и образность разная и нет полного семантического тождества.

(15) Примером фразеологического аналога может быть близкий по значению к русскому ФР «идти на попятную» корейский ФР. *손바닥을 뒤집다* букв. *ладонь перевернул*. Его можно отнести именно к аналогам, потому что оно употребляется не в отношении данного слова и реального поведения, а только когда речь идет об изменении поведения человека *얼마 전까지만 해도 찬성을 하던 사람이 금새 손바닥을 뒤집다니 도저히 믿어지지 않네* (Еще совсем недавно он согласился со мной, по вскоре «перевернул ладонь», не могу поверить, что это случилось).

Безэквивалентные выражения.

(16) ФР. *Чистой воды* («настоящий»), обычно о чем-то плохом: чистой воды *штрига*, чистой воды *случайность*, чистой воды *обман*). В корейском языке этому соответствует «фразеологическая лакуна». Данный смысл можно выразить только лексически: *완전한, 철저한, 진짜의, 더 할 나위없는, 말이 필요없는*. Например, *Он абсолютно порядочный человек. Разговоры о том, что он берет взятки – это чистой воды ложь его недоброжелателей.* (그는 너무나도 성실한 사람인데, 그가 뇌물을 받았다는 얘기는 그를 모함하는 사람들의 철저한 거짓말이다).

(17) ФР. *Вы перегнули (перегибаете) палку* («перегнуть палку» - впасть (впадать) в крайность, переусердствовать в чем-либо (в каких-то требованиях, в выполнении чего-либо). Также нет соответствия в корейском языке, значение передается лексически. Например, *다 큰 아들에게 저녁 여섯시까지 집에 오라고 요구하는 것은 아버지가 좀*

지나치신 것이 아닌가 싶네요. (Мне кажется, что требуя от сына быть дома уже в 6 часов вечера, отец перегибает палку).

(18) Нет никаких устойчивых или фразеологических корейских единиц, чтобы передать значение УВ «закончить на какой ноте», например, Хочу закончить на этой (оптимистической, радостной, бодрящей...) ноте.

В любой беседе носителями как русского, так и корейского языка, если они тактичны, воспитаны, осознается, что беседа, по правилам вежливости, должна оставлять у собеседников приятное впечатление и хорошее настроение. Это подразумевается и не всегда выражается словесно. Прямое словесное выражение этого смысла имеет место тогда, когда возникает повод. Поводом в русской беседе является случай, если кто-то из собеседников высказал нечто позитивное, веселое, оптимистическое или выразил какую-то надежду на лучшее. Что касается носителей корейского языка, то они акцентируют необходимость завершить беседу без отрицательных эмоций совсем в другом случае, используют совсем другой повод. Повод появляется, когда кто-то из собеседников в позитивном разговоре вдруг говорит что-то негативное. Для того, чтобы эта фраза не испортила настроение обоим, предлагается закончить разговор, пока настроение еще хорошее. 지금 분위기 좋은데, (혹), 기분 상하기 전에 여기서 관두는 게 좋겠네요.

그 얘기는 이제 그만하는 게 어때요? 지금까지 좋은 분위기였는데, 혹은 기분 상하기전에 여기서 관두는 게 좋겠네요.

Другими словами, русские предлагают: «давайте закончим на хорошем, чтобы иметь хорошее настроение», а корейцы предлагают «давайте забудем плохое, будем помнить только о хорошем, что было». Можно сделать вывод, что представители обеих наций языков уделяют КОНЦУ беседы большое значение. (Ср. русскую пословицу «Не смотри в начало, смотри в конец»).

(19) Наибольшее количество безэквивалентных единиц мы обнаружили в русском языке в том случае, когда активизируется лексика науки, техники, искусства, спорта в переносном употреблении. Часто таким устойчивым выражениям в корейском языке нет никаких коррелятов.

УВ. Наша беседа взяла старт. (лит. пер. 우리 대화가 시작되었습니다.)

УВ. Беседа стремительно набирает обороты. (лит. пер. 많은 사람들이 적극적으로 담화에 가담했습니다.)

УВ. *Вы нокаутировали своих оппонентов.* (лит. пер. 당신은 자신의 논박자들의 논거를 논리적으로 물리치셨습니다).

УВ. *Вы прижали оппонента к стене.* (лит. пер. 당신은 반대자의 의견이 옳지않음을 논거로 증명하셨습니다, 그래서 지금 그는 이것을 인정하지 않을 수 없습니다).

Мы не берем на себя смелость утверждать, что это связано с успехами России в области техники, науки, спорта (ведь и современная Южная Корея может гордиться своими техническими новинками), однако тот факт, что русский язык более проницаем для метафор научно-технического характера – можно утверждать с определенностью.

Основные выводы.

Проделанный анализ показывает, что в устной разговорной речи (в частности, русской речи, которая звучит на круглых столах, семинарах, конференциях) представлено определенное количество единиц, содержащих тот или иной образ: это прежде всего фразеологические единицы и устойчивые выражения метафорического характера.

Анализ показывает, что образный строй русского и корейского языков в чем-то схож, в чем-то очень сильно различается.

Полных эквивалентов (сточки зрения семантики и формы) оказываются значительно меньше (1), чем относительных эквивалентов (2-15) и безэквивалентных выражений (16-19).

В ряде случаев «образная логика» в языках одинаковая: *смотреть под другим углом* (1). В других случаях обнаруживается близость образов: беседа (нить беседы) может быть *улицена* (2), угадывание (чего-либо в разговоре) уподобляется *попаданию в цель* (3). Обоиими языками используются также абсурдные образы (*переливать из пустого в порожнее* и *словно собака ловит блох* (6)). Для носителей обоих языков важным оказывается закончить беседу с хорошим настроением (*закончим на этой (оптимистической) ноте* или *закончим, пока плохое не испортило нам настроение* (18)).

Различия в метафоризации могут быть связаны с разными причинами:

1) с уникальным историческим опытом народов: *бить с другой стороны барабана* (4), *сесть на любимого конька* (8), *встретиться с водой* (8),

2) с упоминанием разных объектов материальной культуры (*вставленный в рамку* (5)),

3) с различными источниками проникновения духовных ценностей в культуру народа: *золотая середина* как параметрическое понятие в русском языке (перевод из Горация) и *золотая середина* как сбалансиро-

рованность – физическое понятие– в корейском языке, которое пришло из китайской философии,

4) с отражением разного обиходно-эмпирического опыта (*пошел на понятную – подставил подножку* (14)).

Обращает на себя такая яркая особенность образности русской устной речи, как использование научно-технической и спортивной лексики в перепосном употреблении, которое не имеет аналогов в корейском языке (*взять старт, набирать обороты, нокаутировать соперника* и т.д.(19)). В корейском языке во ФР упоминается только древняя борьба *сирым*.

Проведенный сопоставительный анализ помогает носителям двух языков (хотя бы в пределах данного ограниченного фрагмента) увидеть мир глазами другой нации, почувствовать особенности национального мировосприятия. Разные метафоры, что признано всеми исследователями, отражают разные акценты осмысления одной ситуации, так как имеют разное (национальное) происхождение. «В человеческом сознании объективный мир не отражается зеркально (и сознание не стремится к этому), а преломляется, превращаясь в форму особого мира. Именно этот отраженный в языке вторичный мир и представляет собой языковую картину мира» (Корнилов 2003: 100). На нашем материале можно увидеть такие разные элементы русской и корейской языковой картины мира как различия в наивной анатомии, например, возможное для корейского языка осмысление *головы* как органа переживания за кого-то недостойного (11), а также разное отношение к иерархии, порядку, власти (в корейском сознании оно более почтительное (9-10)).

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005.
- Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (пер. С англ.) М., 2004.
- Пак Сон Гу Функционально-параметрическое описание фразеологических единиц (на материале фразеологизмов русского и корейского языков), КД, М., 1996.
- Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Под ред. проф. О.Б. Сиротининой. М., 2003.
- Русская разговорная речь. Отв. ред. Е.А.Земская. М., 1973.
- Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность. М., 2004.

Словарь современного русского литературного языка в 17-томах. Т.4.
М., 1955.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира (аналогия
в семантике). М., 2003.

Фразеологический словарь русского языка. Сост. А.Н. Тихонов,
А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М, 2003.

Шмелев А.Д.. Русская языковая картина мира. М.,2002.

Яранцев Р.И., Степанова Л.И. Учебное пособие по русско-чешской фра-
зеологии.М., 1989.

박영준, 최경봉 편저 «관용어 사전». 태학사, 1995.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Одной из ярких особенностей русского языка является наличие огромного количества предлогов. С помощью предлогов передается множество значений и оттенков, подчас очень сложных для носителей русского языка. И при переводе предлогов с русского на персидский язык иногда возникают проблемы, когда невозможно буквально перевести текст и необходимо специально толковать значения предлогов. Мой преподавательский опыт в Тегеранском университете и особенно в университете Азад показал, что именно многозначность предлогов, выражение с их помощью различных отношений между формами имени и других слов в словосочетании и предложении (косвенных падежей имен существительных, местоимений, числительных, склоняемых субстантивированных слов [Розенталь, Теленкова 1972: 282]).

Достаточно сопоставить два следующих предложения, чтобы убедиться в различиях в значении и структуре русских и персидских предлогов, например: 1) *Иван взял книгу в библиотеке* и 2) *Иван взял книгу у своего друга*. Носитель персидского языка одинаково понимает эти два предложения, поскольку в персидском языке глагол *взять* <gereftan>, <*be amanat gereftan*> требует предлога <*az*> (*из/от/с*) и употребляется в сочетании как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными. В первом предложении *взять* требует распространителя с предлогом *в*, отвечающим на вопрос «где?» и имеющим локальное значение, а во втором распространитель обозначает лицо, у которого что-либо берется. Сопоставляя с родным языком, носитель персидского языка не понимает этой разницы и переводит эти два предложения так: 1) *Иван взял книгу из библиотеки* и 2) *Иван взял книгу из своего друга*. Носитель персидского языка должен понимать, что в русском языке предлоги *из, от, с* имеют много значений и употребляются в разных контекстах, например, предлог *у* имеет три значения, *от* – восемь значений [Пулькина, Захава-Некрасова 1964: 70-71], а предлог *из* – пять значений [там же: 60-70].

Значение предлога, как и всякой значимой единицы языка, заключено в нем самом. Однако для выявления (установления) того или иного значения первообразного предлога, всегда требуется контекст, минимальное словесное окружение. Таким окружением служат или соединяемые предлогом компоненты словосочетания, или та форма конкретного слова, которая образует вместе с предлогом предложно-падежное соединение. И в том и в другом случае для определения значения предлога первостепенную роль одновременно играют два фактора: во-первых, лексические значения слов. Так, в словосочетаниях *стыдиться перед другом* и *стоять перед другом* разные значения предлога *перед* в его сочетании с тв.п. (отношение объектное в первом случае и пространственное – во втором) выявляются на основании лексических значений глаголов *стыдиться* и *стоять* [Русская грамматика 1980: 712].

Известно, что сопоставление двух языков помогает изучающим русский язык в освоении некоторых его аспектов. Но это зависит от

того, существует ли их адекватное описание. Единственное описание русских предлогов, по которому работают преподаватели в университете Азад, дано в книге [Пулькина, Захава-Некрасова 1964]. К сожалению, в Тегеранском университете на занятиях по русской грамматике предлоги лишь бегло упоминаются и, конечно, у студентов не остается должного представления о них, и поэтому трудность вопроса приводит их к непониманию, а в результате – и к плохой успеваемости.

Чтобы иметь правильное представление о значениях и структуре предлогов в персидском языке, необходимо их описать, а потом сопоставить их с предлогами в русском языке.

Персидский язык является одним из древнейших языков мира. Он обладает большим количеством отыменных предлогов. По своему происхождению персидские предлоги делятся на собственно (основные) предлоги и отыменные (изафетные) предлоги. По своему составу предлоги бывают простые и сложные. Простые предлоги состоят из одного слова, сложные предлоги – из двух слов (*ghabl az <до из>*, иногда – из трех (*be joz az <на кроме>*). Отыменные предлоги часто сочетаются с собственно предлогами: *bar ru – yez miz <на на столе>*, *dar barabar-e to <на напротив тебя>*. Некоторые собственно предлоги могут сочетаться между собой: *az baraye shoma <из ради вас>*.

Рассмотрим собственно предлоги.

В персидском языке имеется девять собственно предлогов: *az <из>*, *<от>*, *ba <с>*, *bar <на>*, *baraye <для>*, *be <в>*, *bi <без>*, *ta <до>*, *joz <кроме>*, *far <на>*, *<в>*. Большинство из них обладает несколькими значениями. Предлоги *az*, *be*, *dar*, *bar*, *ta* выражают в основном пространственные и временные отношения. Так, предлог *az* обозначает исходный пункт в пространстве и во времени: *az khane <из дома>*, *az saate dah <с десяти часов>*; предлог *be* обозначает направление движения: *be khane <в дом>*; указывает на адресата, к которому направлено действие: *be shoma <вам>*; предлог *dar* обозначает местонахождение в пространстве и во времени: *dar khane <в доме>*, *dar an ruz <в тот день>*; предлог *ta* обозначает предел в пространстве и во времени: *ta khane <до дома>*, *ta an ruz <до того дня>*. Предлог *az* употребляется и в других значениях: указывает на источник чувства, на причину какого-либо действия или состояния, обозначает часть от целого, указывает на предмет разговора и т.д. Предлоги *ba*, *baraye*, *bi*, *joz* употребляются для выражения других, не пространственных и не временных связей. Так, предлог *ba* обозначает орудийность: *ba bil <лопатой>*; совместность *ba refigh <с другом>*; указывает на средства передвижения *ba kashfi <напароходом>*; предлог *bi* указывает на отсутствие предмета или явления *bi ejaze <без разрешения>*; предлог *baraye* обозначает цель действия, назначение предмета *baraye shoma <для вас>* [Рубинчик 1961:95-96].

В персидском языке получили широкое распространение так называемые вторичные отыменные, или изафетные предлоги. В бытовой речи развились широкоупотребительные предлоги, возникшие от имен с более или менее конкретной семантикой.

Известно, что при переходе имени в предлог изменяется семантика переходящего слова. Особенно это заметно на примере поведения локальных предлогов, образованных от конкретных существительных.

Например, существительное *pahlu <бок>*: 1) *Pahlu-ye man dard mik-onad* (У меня болит бок) и 2) *Hasan pahlu-ye man neshaste ast* (Хасан

сидит рядом со мной). В первом предложении *pahlu* – существительное с конкретным значением, во втором – пространственный предлог с релятивным содержанием и связочной функцией [Пейсиков 1973: 142].

Отметим, что существительное *pahlu* <бок> (как и другие ему подобные: *posht* <спина>, *ru* <лицо>, *pa* <нога>, *lab* <губа>, *sar* <голова> и др.), кроме прямого понятийного значения обладает потенциальным значением релятивности: оно как бы внутренне способно обозначить отношение к тому месту, что находится сбоку от чего-либо. Существительное *pa* <нога> способно передать отношение <внизу>, <в нижней части>, слово *ru* <лицо> может указать на отношение к лицу, т.е. к тому месту, что находится сверху, и т.д. [там же: 142].

Итак, о предлогах в обоих языках можно сказать многое. Для того чтобы описать каждый предлог и рассмотреть его функцию, потребуются отдельные научные работы. Но, как раньше отмечалось, сопоставительная работа всегда интересна и полезна, поэтому ниже мы рассмотрим те трудные случаи, которые приводят к непониманию русских предложений иностранцами, в том числе носителями персидского языка.

В большинстве случаев при переводе русских локальных предлогов на персидский язык возникает проблема, т.к. нескольким русским предлогам (*из, от, с, у, в, на + н.п.*) соответствует один персидский (*az*). В русском языке в сочетании с одушевленными и неодушевленными существительными используются разные предлоги, например: 1) *Он получил письмо от своего друга*; 2) *Он получил письмо из Москвы*. В персидском переводе в обоих случаях употребляется предлог *az*: 1) *U daryaft kard name ra az dute khod(dustash)*; 2) *U daryaft kard name ra az Moscow*.

Иногда в персидском языке для более точного перевода с русского употребляется сложный предлог, например: 1) *Он идет от друга*; 2) *Он идет из университета*. 1) *U miayad az pishе dust(ash)*; 2) *U miayad az daneshgah*. В первом предложении употребляется сложный предлог *az pishе* <от у>, а во втором – простой предлог *az*.

Русским предлогом *у, около, недалеко от, мимо* соответствует персидский предлог *nazdike* 'близко', но в русском языке эти предлоги имеют разные значения, и поэтому для выражения точной мысли в персидском предложении потребуются дополнительные слова. Конечно, этот предлог (*nazdike*) имеет локальное значение, но не выражает степень близости в пространстве, поэтому для конкретизации значения предлога употребляются наречия, т.е. нужны конкретизаторы, например: 1) *Стол находится около окна*; 2) *Она стояла у окна*; 3) *Стул находился недалеко от окна*; 4) *Он прошел мимо меня и не поздоровался*: 1) *Miz gharar darad nazdike panjereh (kami durtar)*; 2) *U istad nazdike panjereh (kheyli nazdik)*; 3) *Sandalu gharar darad nazdike panjereh (kami durtar)*; 4) *U rad shod /az/nazdike/kenare/ man va salam nakard*.

В русском языке существуют предлоги с положительным и отрицательным значениями (*благодаря, и, из-за*). 1) *Благодаря твоей помощи я хорошо сдал экзамен* = *Va /bekhatere/komake to man khoob emtehan dadam*; 2) *Из-за плохой погоды мы не смогли гулять* = *Bekhatere havaye bad ma natavanestim gardesh konim*. В персидском языке определенные предлоги не выражают это значение. Слово *bekhatere* выражает только значение причины, а отрицательное значение передается с помощью отрицательного глагола. Значение причины в русском языке передается разными предлогами, например: а) *Она плакала от горя*; б) *Он не помог*

мне из зависти; в) Ученик пропустил занятия по уважительной причине; г) Мать ушла в магазин за хлебом; д) Он убежал со страху. Надо знать, что некоторые русские глаголы сочетаются с разными предлогами для выражения данного значения, например: Она заплакала от горю/с горю. Однако следует знать, что некоторые существительные при выражении причины употребляются только с определенным предлогом, например: Он кричал от боли, нельзя сказать *с боли, *из боли. Значит, данное значение глаголом вместе с определенным существительным с определенным предлогом, но в персидском языке такого разнообразия в форме передачи данного значения не существует. В некоторых случаях в русском языке глагол требует одного падежа, а его отглагольное существительное – совсем другого падежа, например: 1) Он любит свою родину; 2) Он совершил подвиг из любви к родине.

Итак, проведенный нами анализ показал, что не всегда можно найти для русских предлогов персидские аналоги для выражения точного значения того или иного предлога, и иногда при переводе чувствуется необходимость дополнительных слов. Многозначность русских предлогов, употребление некоторых из них с разными падежами и перечисленные выше факторы осложняют понимание и изучение этого важного аспекта русского языка. Предлоги-синонимы, с одной стороны, облегчают понимание и изучение предлогов в русском языке, а с другой стороны, большое количество синонимических предлогов с разными падежами в свою очередь, приводит к трудностям в их изучении. Формы выражения и передачи значений предлогов в русском языке отличаются от персидских. Различные семантические оттенки русских предлогов, их сочетаемость с определенными существительными, наличие положительных и отрицательных значений и многое другое в связи с этим осложняют понимание и изучение русских предлогов.

Но надо отметить, что и в персидском языке, подобно русскому, существуют глаголы, которые требуют определенного предлога, например: *tarsidan* <az> (бояться), *porsidan* <az> (спрашивать), *khastan* <az> (хотеть); *shenidan* <az> (слышать), *bahs kardan* <ba> (ссориться), *dusti kardan* <ba> (дружить), *doshmani varzidan* <ba> (враждовать), *ashnai dashtan* <ba> (быть знакомым). И в персидском языке имеются простые и сложные предлоги, и, наконец, надо сказать, что персидские предлоги и существительные пишутся тоже раздельно.

Некоторые предлоги в персидском языке многозначны. В книге «Грамматика персидского языка (панч оstad)» даны 19 значений предлога *be*. И о сочетаемости предлога с существительными в этой книге написано, что предлог *ba* сочетается с существительными и придает существительному значение прилагательного, например: *ba danesh* (образованный), *ba kherad* (умный), *ba hush* (способный). Здесь *ba* не считается предлогом и является частью сложного слова.

Литература

Гариб А., Бахар М., Фрузанфар Б., Хоман Дж., Ясеми Р. Грамматика персидского языка (панс оstad). Тегеран, 1370(1991).
Краткий справочник по современному русскому языку // Под ред. П.А. Леканта, М., 1995.

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Пейсиков Л.С., Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
- Пулькина И.М., Захава-Некрасова Е.Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М., 1964.
- Розенталь Д.Э. Русский язык. М., 1992.
- Розенталь Д.Э. Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов М., 1972.
- Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1961.
- Русская грамматика // Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
- Русский язык. Энциклопедия // Под ред. Ф.П. Филина, М., 1979.
- Современный русский язык // Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
- Ханлари П. Грамматика персидского языка. Тегеран, 1370 (1991).
- Эдельман Д.И., Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Основная цель обучения русскому языку как иностранному заключается не только в формировании новых навыков и умений у учащихся, но и в использовании оптимальных способов коррекции уже имеющихся навыков и умений. В презентации грамматического материала при обучении русскому языку в китайской аудитории особое внимание следует уделять такому явлению, как интерференция.

В грамматической системе современного русского литературного языка глагол является одной из важнейших категорий. По словам В.В. Виноградова, "глагол – самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению с другими категориями частей речи" [Виноградов 1971].

Китайские студенты, изучающие русский язык как иностранный, испытывают значительные затруднения в употреблении глаголов, особенно глаголов движения. Это обусловлено отсутствием в китайском языке соответствующих глаголов. Различия глагольных систем двух языков отчетливо обнаруживаются при использовании китайскими учащимися бесприставочных глаголов движения.

В связи с этим проблема употребления в речи глаголов движения является одной из ключевых в исследованиях китайских русистов. Системное изучение глаголов движения занимает важное место в обучении русскому языку как иностранному, так как освоение закономерностей их функционирования является необходимой предпосылкой выработки навыков речи – главной задачи преподавания русского языка в нерусской аудитории.

Данная статья ограничена сопоставительным исследованием глаголов движения в русском и китайском языках. Мы рассмотрим причины возникновения трудностей и устойчивых ошибок в речи китайских учащихся при изучении глаголов движения и предложим некоторые рекомендации для профилактики и устранения подобных ошибок.

Материалом для исследования послужили письменные работы нескольких китайских студентов, находящихся на разных этапах обучения: начальном, среднем, продвинутом, завершающем.

Как известно, в русском языке имеется две группы глаголов движения (ГД), обозначающих перемещение в пространстве. Обе группы составляют глаголы несовершенного вида.

Под общим названием "глаголы движения" в русском языке обычно подразумевают замкнутую группу глаголов, обладающую некоторыми морфологическими и семантическими особенностями и представленную своеобразными соотносительными парами типа *идти – ходить, бежать – бегать* и т.п. Большинство ученых включает в этот список 17 пар [Всеволодова, Али Малаени 1998: 12].

Представим состав глаголов движения (в алфавитном порядке).

бежать–бегать	лезть–лазить
взять–возить	лететь–летать
вести–водить	нести–носить

гнать—гонять	нестись—носиться
гнаться—гоняться	плыть—плавать
ехать—ездить	ползти—ползать
идти—ходить	тащить—таскать
катить—катать	ташиться—таскаться
кагиться—кататься	

ГД первой группы – разнонаправленные (типа *ходить*) обозначают:

- а) движение, которое имсет два направления, туда и обратно, например, *Он каждый день ходит в университет;*
- б) движение, которое совершилось в прошлом времени, туда и обратно только один раз, например, *Сегодня мы ездили в музей;*
- в) действие как способность, например, *Сын хорошо ездит на велосипеде;*
- г) длительность действия, например, *Он ходит по комнате;*
- д) значение отличительной черты субъекта, например, *Рыбы плавают. Птицы летают.*

ГД второй группы – однонаправленные типа *идти* обозначают движение, которое совершается в одном определенном направлении, непрерывно и в определенный момент, например, *Он идет в школу. Самолёт летит в Пекин. Мы едем в город.*

Среди этих бесприставочных глаголов движения различают: 1) непереходные (нетранзитивные, субъектные) глаголы; 2) переходные (транзитивные, объектные) глаголы.

1. непереходные: бегать-бежать, гоняться-гнаться, ездить-ехать, ходить-идти, лезть-лезть, летать-лететь, носиться-нестись, плавать-плыть, ползать-ползти, таскаться-тащиться;

2. переходные: возить-везти, водить-вести, гонять-гнать, катать-катить, таскать-тащить [Всеволодова, Али Мадаени 1998: 18].

В старых русских грамматиках обращалось внимание, прежде всего, на морфологическую соотношенность (парность) глаголов движения, например, *бежать-лететь* и т.д., указывалось на различия в их семантике. Кроме того, ученых интересовали особенности видообразования глаголов движения. В наши дни интерес к глаголам движения заметно активизировался. Появилось много работ, посвященных специальному изучению этого класса глаголов в различных аспектах. В самом общем виде цели и задачи ученых, занимающихся глаголами движения, можно свести к следующему:

1. Изучение словообразовательных особенностей глаголов движения;
2. Изучение синтаксических особенностей глаголов движения;
3. Изучение семантических особенностей глаголов движения;
4. Изучение глаголов движения на сопоставительном фоне.

Как уже было сказано выше, наш интерес к этой группе глаголов обусловлен тем, что в число трудностей, с которыми часто сталкиваются китайские студенты при изучении русского языка, входит употребление русских глаголов движения. Многочисленные ошибки, которые допускают китайские учащиеся, очень часто связаны с различиями между русскими глаголами движения и семантически соотносительными с ними глаголами в родном языке учащихся.

Рассмотрим некоторые из этих случаев.

Особенностью глаголов движения в русском языке, в отличие от этих глаголов в китайском языке, является их парная лексическая соотношенность, а также различие в характере движения, обозначаемого гла-

голами каждой пары. Так, например, в русском языке для обозначения однонаправленного движения употребляется глагол типа *идти, ехать, лететь* и т.д., а для обозначения разнонаправленного движения используется глагол типа *ходить, ездить, летать* и т.д. В китайском же языке нет точного формального и семантического разграничения глаголов однонаправленного и разнонаправленного движения. Оба значения (однонаправленное и разнонаправленное) могут выражаться одним и тем же глаголом, а семантическое различие между этими глаголами выражается с помощью вспомогательных слов, таких, как обстоятельство образа действия, направления и т.п. [Чан Вэй, 2001], например:

- * Ta jingchang zuo huoche qu Beijing – (Он часто ездит в Пекин **на поезде**)
- * Ta jintian zuo huoche qu Beijing – (Он сегодня едет в Пекин **на поезде**)
- * Women tongchang xiakehou buxing qu tushuguan – (Обычно после урока мы **пешком** ходим в библиотеку)
- * Women buxing qu tushuguan – (Мы идем **пешком** в библиотеку)
- * Liming mei xingqiliu fei nanfang jian nvrengyou – (По субботам Ли Мин летает **на самолете** на юг на встречу со своей девушкой)
- * Liming xiawu fei nanfang jian nvrengyou – (После обеда Ли Мин летит **на самолете** на юг на встречу со своей девушкой)

Тут надо отметить, что русский глагол *идти*, как правило, может соответствовать китайскому глаголу *zou* (синоним глагола движения *qu*), когда первый обозначает направленное движение без указания цели. Например, Wo zou zailushang – (*Я иду по дороге*).

Указанные несоответствия вызывают у китайских студентов большое количество ошибок как при конструировании предложений, так и при переводе с китайского языка на русский, например:

- 1. Baba jingchang chuchai dai liwu gei wo – Папа часто везет мне подарок из командировки (вместо: возит).
- 2. Mao zai fangjianli zhui laoshu – Кошка гонит мышь в комнате (вместо: гоняет).

Чаще всего у китайских студентов наблюдаются ошибки с использованием глаголов *идти – ходить, ехать – ездить*. Очень часто они употребляют глаголы *идти – ходить* вместо глаголов *ехать – ездить*, что можно объяснить также влиянием родного языка. Так, если в русском языке движение лиц и живых существ без помощи транспорта обозначают глаголы *идти–ходить*, а с помощью транспорта – глаголы *ехать–ездить*, то в китайском языке глагол *qu* используется для обозначения движения как с помощью, так и без помощи транспорта, например:

- Women mei xingqiliu zuo huoche qu laolao jia – (досл.перевод: По субботам мы едем **на поезде** к бабушке).
- Ta xihuan buxing qu xuexiao – (досл. перевод: Он любит идти **пешком** в школу).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в китайском языке глаголы *идти – ехать, ходить – ездить* не различаются по значению. Семантическое различие этих глаголов в русском предложении при переводе на китайский язык может быть выражено с помощью дополнительных слов: *пешком, на автобусе, на поезде и т.д.*

Итак, проведённый анализ позволил нам выделить следующие типы ошибок китайских учащихся:

1. Смешение групп глаголов

- Мы часто идем в парк. (вместо *ходим*)
- – Ты куда? – Я хожу в библиотеку. (вместо *иду*)
- Наш самолёт летает в Москву. (вместо *летит*)
- Уже два года мама везет сестру в этот детский сад. (вместо *возит*)

Эти ошибки нередко бывают следствием смешения бесприваочных глаголов движения. В русском языке глаголы I группы (типа "*ходить, ездить*") обозначают ненаправленный процесс движения, происходящий в пределах какого-либо пространства: *Дети бегают во дворе*. Иногда эти глаголы выражают значение повторяемости: *Каждый день я хожу на работу*. А глаголы II группы (типа "*идти, ехать*") передают конкретный, единственный однонаправленный процесс движения: *Я иду в школу*.

В связи с тем, что употребление глаголов движения I и II группы представляет для китайских учащихся особую трудность, необходимо проводить специальную тренировку по закреплению приобретенных навыков их употребления. При этом особое внимание следует обратить на чаще употребляющиеся парные глаголы "*идти – ходить*", "*ехать – ездить*", "*бежать – бегать*", "*лететь – летать*" и др. Как показывают наблюдения, последовательное и системное изучение парных глаголов даёт возможность не только сократить число ошибок в устной и письменной речи студентов-китайцев, но и выработать у них языковую интуицию, которая поможет им в дальнейшем более успешно справляться с усвоением глаголов движения с разными приставками.

2. Неумение употреблять глаголы движения в прошедшем времени

▲ Вчера я шёл в кино. (вместо *ходил*)

▲ Прошлым летом бабушка приехала к нам. Сейчас у нас её нет, она уже уехала. (вместо: *приезжала*)

Ошибки этого типа возникают в результате интерферирующего влияния китайской грамматики, в которой глаголы движения не дифференцируются по характеру направленного движения. А русские глаголы движения несовершенного вида прошедшего времени типа "*приезжать*", как и глагол типа "*ходить*" без приставок, способны передавать аннулированность результата единичного действия, то есть обозначать комплексное движение "*туда – оттуда*", "*сюда – отсюда*" (движение туда и обратно).

Следовательно, при изучении такого типа глаголов более рационально после объяснения дифференциальных признаков глаголов "*идти, ходить*" дать однородный временной лексический ряд глаголов для обозначения действия в настоящем, прошедшем и будущем времени; а также для обозначения единичного движения "*туда – обратно*" с пребыванием в указанном месте.

3. Неправильный выбор глаголов движения типа "*вести – водить, везти – возить, нести – носить*"

★ Мать несёт за руку дочь в детский сад. (вместо *ведёт*)

★ Шофёр водит фрукты в магазин ежедневно. (вместо *возит*)

Ошибки вызваны отсутствием эквивалентов глаголов типа "*вести, везти, нести*" в китайском языке, где такое значение обычно выражается с помощью обстоятельства образа действия (на машине, на руках, в сумке и т.п.). А в русском языке глаголы "*нести – носить, вести – водить, везти – возить*" не только обозначают движение, но и различаются по способу передвижения или по характеру направленности. При

этом необходимо заострить внимание учащихся на положении объекта относительно субъекта, используя вопрос-помощник: "Где находится объект?"

Китайские учащиеся испытывают затруднения и при употреблении русских приставочных глаголов движения. Это можно объяснить, во-первых, отсутствием в китайском языке такой однозначной строгой системы соответствий "префикс – предлог" (Чан Вэй 2001), которая представлена в современном русском языке; во-вторых, несоответствием морфологических структур русского и китайского языков. Отсюда появляются следующие ошибки:

4. Нарушение синтаксической и лексической сочетаемости при использовании глаголов движения

▲ Проходя через киоск, мы видели симпатичную девочку, сидящую у окна. (вместо: *мимо киоска*)

▲ По пути домой я зашёл к магазину. (вместо: *в магазин*)

▲ Автобус подъезжает в остановку. (вместо: *к остановке*)

Ошибки этого типа являются результатом внутриязыкового переноса и сигнализируют о недостатках в технологии обучения. В предложении "*Проходя через киоск, мы видели симпатичную девочку...*" глагол движения был выбран правильно, однако он должен сочетаться не с предлогом "через", а с предлогом "мимо". Нарушения, допускаемые учащимися, относятся к области лексической сочетаемости глаголов движения с предлогами. Поэтому с целью профилактики подобных ошибок следует рассматривать глаголы движения с разными приставками, учитывая при этом их управление в сочетании с предлогами, например, *приехать (подъехать) куда, к чему-либо, зайти куда, во что, пройти мимо чего-либо, через что-либо* и т.п.

По Е.А. Земской, "среди префиксальных глаголов различаются две группы: с приставками пространственных значений и с приставками количественно-временных значений" [Земская 1973: 291]. При изучении приставочных глаголов движения следует отметить различную словообразовательную активность глаголов I группы и II группы. Целесообразно также обратить внимание на выделение глаголов с приставками пространственных значений (глаголы II группы – однонаправленные – сочетаются с этими приставками совершенно свободно: войти, выйти, зайти, обойти, перейти; въехать, выехать, заехать, приехать, переехать, объехать и т.д.) и глаголов с приставками количественно-временных значений (глаголы I группы – разнонаправленные – дают ряд употребительных образований с этими приставками: побегать, пробегать, набегаться, забегаться, избегать и т.д.).

В умении разграничивать эти группы приставок лежит один из ключей к усвоению трудной лексико-семантической группы глаголов движения.

Выделим глаголы I группы совершенного вида с приставками пространственных значений и отличные от глаголов этой группы с приставками количественно-временных значений Ср.: *вбегать, выбегать, перебегать, обегать* (НВ), но *побегать, пробегать, забегать, набегаться* (СВ). С нашей точки зрения обращение к этим двум группам приставочных глаголов решает и другой трудный для многих иностранных студентов вопрос: употребление глаголов I группы с корнями *плыв-* и *езд-*. Образования с корнями *плыв-* и *езд-* возможны только с

приставками пространственного значения. Ср.: *вливать, выливать, доплывать, заплывать, наплывать, отплывать, переplывать*, но: *наплаваться, поплавать, проплавать*, и т.д. *Выезжать, заезжать, отъезжать, переезжать*, но *поездить, проездить, наездиться* и т.д. [Матвеева 1978: 31]. В китайском языке такого четкого разграничения глаголов движения нет. Различные значения, передающиеся в русском языке с помощью приставок, в китайском языке передаются с помощью различных обстоятельств, обозначающих направления (*внутри, назад, вперед* и т.д.).

5. Непонимание различий между разными приставками

■ Как приехать до вокзала? (вместо: *доехать*)

■ Отец дома, он уже дошёл. (вместо: *пришёл*)

■ Во время каникул он выезжал в Киев к друзьям. (вместо: *ездил*)

■ Его сейчас нет, он ушёл на 5 минут. (вместо: *вышел* или *отошёл*)

Ошибки возникают, в первую очередь, с нашей точки зрения, из-за отсутствия префикса в глагольной системе китайского языка. Студенты просто буквально, слово в слово переводят предложения, не думая при этом о правилах русского языка.

Как известно, в русском языке разные приставки имеют разное значение, иногда даже не одно. Например, глаголы движения с приставкой "при-" обозначают прибытие субъекта на определенное место, куда было направлено движение (непереходные глаголы): *В Пекин приехала казахстанская делегация*; или дставка объекта на место (переходные глаголы): *Мне принесли посылку*.

Глаголы движения с приставкой "до" могут обозначать достижение: а) промежуточной границы в движении: *Он дошёл до угла и повернул направо*; б) конечного пункта движения (в предложении часто вводятся обстоятельства времени, образа действия): *К часу ночи мы дошли до дома*; *На этом автобусе можно доехать до Большого театра*.

Хотя глаголы движения с приставками "вы" и "у" иногда одинаково обозначают отсутствие предмета в определённом месте в результате движения, тут следует учитывать нюансы при выборе подходящих глаголов. Если речь идёт о временном отсутствии, обычно употребляются глаголы с приставкой "вы": *Она только что вышла*. А если предложение указывает на то, что субъект оставил место пребывания надолго или навсегда, то лучше выбрать приставку "у": *Китайские артисты уже уехали в Пекин*.

Для преодоления этих трудностей целесообразно сопоставлять глаголы с разными приставками. Предупреждению ошибок в употреблении этих глаголов способствуют схемы, модели, иллюстрирующие их значение, и упражнения на выбор подходящих приставок.

Необходимо также добавить, что бесприставочные глаголы движения, выступая в предложении в сочетании с различными предложно-падежными конструкциями, выражают разные пространственные отношения (*идти в школу, идти из школы, идти к школе*). Характер этой сочетаемости даже у семантически соотносительных глаголов в русском и китайском языках не всегда одинаков, что представляет для китайцев ещё одну трудность.

Рассматривая в сопоставлении структуры словосочетаний с глаголами движения в русском и китайском языках, можно предупредить ошибки в употреблении предложно-падежных конструкций, которые

могут быть у учащихся под влиянием родного языка. Так, например, когда речь идёт о приближении субъекта к какому-то объекту, китаец вместо: "Он идет к школе" часто говорит: "Он идет в школу".

Таким образом, многие ошибки, связанные с употреблением как бесприставочных, так и приставочных глаголов движения русского языка, могут быть связаны с лексико-грамматической интерференцией. Анализ подобных ошибок и учет особенностей родного языка учащихся позволяют преподавателям не только предвидеть возможные ошибки, но и предупредить их.

Преподавателям-русистам необходимо уделять большое внимание объяснению этих глаголов, чтобы студенты-китайцы не допускали ошибок типа "Он идёт в Москву". При этом особенно полезны упражнения на перевод с китайского языка на русский.

Литература

- Битехтина Г.А., Муравьева Л.С., Юдина Л.П. Употребление глаголов движения в русском языке. М., 1972.
Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове. М., 1971.
Всеволодова М.В., Али Мадаени. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М., 1998.
Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
Матвеева В.М. Некоторые вопросы организации лексического материала в практическом курсе русского языка.//Вопросы преподавания русского языка иностранным учащимся. Воронеж, 1978.
Чан Вэй. Грамматика современного китайского языка. Пекин, 2001.

СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ФОРМУЛЫ ПРИ СТРУКТУРАХ ОЦЕНКИ В РУССКОМ И ИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной работе представлен фрагмент сопоставительного исследования вариативных рядов конструкций оценки в русском и ирландском¹ языках, посвященный выявлению сходств и различий (в первую очередь, различий) исследуемых языков в области функционирования сопровождающих формул при конструкциях оценки. Под сопровождающей формулой в данном случае понимается конструкция, выступающая в высказывании не самостоятельно, но в дополнение к основной конструкции (в нашем случае – передающей целеустановку оценки)². Собственное значение сопровождающих формул, как правило, связано с передачей эмоций. Это значение либо добавляется к значению базовой конструкции, привнося в высказывание новую составляющую, либо, что реже, частично дублирует его. Заметим, что сочетаемость сопровождающих формул с теми или иными основными конструкциями регламентируется суммой инвариантных значений коммуникативных единиц в их составе и характеризуется большей или меньшей степенью свободы: так, одни формулы способны сопровождать любые или почти любые оценочные высказывания, появление других ограничено, к примеру, областью только положительной или только отрицательной оценки, ряд формул требует наличия в основной конструкции определенных оттенков значения, для части формул важно еще и присутствие определенных смысловых связей в конкретной речевой ситуации (напр., русск. *чего греха таить*); наконец, существуют сопровождающие формулы, которые сочетаются с одной-единственной основной конструкцией (русск. *вот это я понимаю*).

Мы не касаемся сейчас ни проблемы собственных значений сопровождающих формул, ни механизмов и причин сочетаемости каждой конкретной формулы с основными конструкциями того или иного типа, т.к. это увело бы нас в сторону от сопоставления. Рассмотрим несколько групп сопровождающих формул, наиболее значимых именно в сопоставительном плане.

ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫЕ ФОРМУЛЫ БЕНЕФАКТИВНОГО ПОЖЕЛАНИЯ

В отличие от русского языка, в ирландском положительной оценке регулярно сопутствуют десемантизированные формулы бенефактивного пожелания. Их ближайшие русские семантические аналоги находятся на периферии языка и к тому же функционируют, как правило, в иных контекстах (сопутствуют выражению благодарности и др.). Рассмотрим ирландские примеры (русские их переводы будут отчасти условны, т.к. в русском языке такое употребление этих формул не совсем обычно):

¹ Ирландский гэльский язык принадлежит к группе кельтских островных языков западной ветви индоевропейской языковой семьи; по своему строю относится к числу синтетических и флективных языков.

² В данном исследовании используются понятия целеустановки, коммуникативной единицы, инварианта и др., определения которых даны в книге М. Г. Безяевой "Семантика коммуникативного уровня звучащего языка" [Безяева 2002].

Tá tú luath láidir, bail is beannú ort.
Ты человек сильный, энергичный, благослови тебя Бог.
Букв.: Есть ты энергичный сильный, благополучие и благословение на-тебя.

Gasúr maith, beannacht air.
Хороший ребенок, благослови его Бог.
Букв.: Ребенок хороший, благословение на-него.

Muise, tá togha na Gaeilge agat, bail ó Dhia ort.
Э, да у тебя прекрасный ирландский язык, благослови тебя Бог!
Букв.: Ну, есть выбор ирландского-языка у-тебя, приветствие от Бога на-тебя.

Tá fiacla maith agat, bail ó Dhia ort. (S. Mac Annaidh)
У тебя хорошие зубы, благослови тебя Бог.

Fear gnaíúil, bail ó Dhia air.
Щедрый человек, благослови его Бог.
Букв.: Человек щедрый, приветствие от Бога на-него.

Is maith atá mac do dheirféar ag láidriú, bail ó Dhia air.
Сын твоей сестры здорово возмужал, благослови его Бог.

Nach maith atá se ag fás, bail ó Dhia air!
Как он хорошо растет, благослови его Бог!

Ardfhear, a Phíotair! Mhuise, nár laga Dia thú!
Молодчина, Питер! Эх, дай тебе Боже всякой удачи!
Букв.: ...да не ослабит Бог тебя!

Tá culaith dheas aige, go maire sé is go gcaithe sé í.
У него прекрасная одежда, да живет он и да носит он ее.

В последнем случае мы имеем дело с ситуативно привязанной формулой бенефактивного пожелания: она может возникнуть в речи только в связи с темой одежды или обуви.

Обсуждаемое явление может касаться и количественной оценки:

Tá sibh féin go leor ann – nár laige Dia sibh (...) (S. Ó Grianna)

Вас и без меня тут полно – дай вам Бог удачи (...)

Букв.: Есть вас самих достаточно тут – да-не ослабит Бог вас

(...)

Сами сопутствующие формулы могут быть различны, но общая стратегия этого явления сводится к тому, что положительная оценка в ирландском высказывании притягивает к себе формулы благих пожеланий либо в

¹ Мы используем написание через дефис в тех случаях, когда двум или нескольким словам в русском языке соответствует одно слово в ирландском.

адрес объекта похвалы, либо в адрес лиц, заинтересованных в том, чтобы имеющаяся ситуация и дальше развивалась бенефактивно для них или хотя бы не развивалась небенефактивно, что прекрасно иллюстрирует пример из сатирического романа Бриана О'Нуаллана:

Cluinim go bhfuil an Gobhairmint gailda chun obair mhór a dhéanamh ar mhaithe le bochtáin na háite seo, slán sábhaithe go deo go raibh gach uile neach sa tigh seo. (B. Ó Nualláin)

Слышал я, будто английское правительство собирается проделывать большую работу на благо бедняков из этой местности, да будут живы и здоровы во веки вечные все живущие в этом доме.

В этом отношении особенно интересен следующий разговорный пример:

Tá tú go maith, bail ó Dhia ort?

Букв.: *Есть ты хорошо, процветание от Бога на-тебя?*

С точки зрения целеустановки это высказывание является вопросом, сродни русскому: “Как дела?” Однако поскольку в лексико-грамматическом составе высказывания, с точки зрения говорящего, утверждается нечто позитивное для адресата (“ты хорошо”, т.е. ‘твои дела хорошо’), то, несмотря на вопросительный характер всего высказывания в целом, говорящий считает нужным “перестраховаться”, прибавив формулу благого пожелания.

В русском языке аналог этого явления находится в достаточно ограниченной области – в высказываниях, касающихся возраста и здоровья людей пожилых, например:

– Вон там у нас есть еще такой дедок / Евсе ич // Не знаю уж
⁶ ¹ ¹
⁶ ⁶ ¹
 сколько ему ле т / но кре-е пок / дай Бог ему здоровья //

В то же время можно отметить, что в русском языке обороты, напоминающие по форме бенефактивное пожелание, могут служить не формулой, сопутствующей оценке, но самим выражением оценки:

– Конечно светочем добродетели его не назовешь / зато стихи он
⁶ ³
^{1²}
 писал / дай Бог нам все м // (т.е. очень хорошие)

– У него хватка / будь здоров не боле й // (т.е. очень крепкая)
⁶ ² ²
⁷ ³ ²

– Ой / Све тка живет / дай Бог ка ждому // (т.е. очень хорошо)
⁷ ³ ²

– Запро сы у них будь здоров // (т.е. очень большие)
⁶ ²

Приведенные конструкции могут передавать как качественную, так и количественную оценку; во втором из приведенных выше примеров мы видим констатацию высокой степени проявления признака при нерасчлененности положительной и отрицательной оценки.

Значительно менее регулярно в ирландском языке встречаются формулы благого пожелания в адрес самого говорящего (и лиц, относящихся к личной сфере говорящего) при отрицательной оценке, например:

Slán mar a n-instear é, ní raibh an drochshaoil riamh ann chomh dona leis an saol a thug Ambrós dúinn go cionn coicéise ina dhiaidh sin. (B. Ó Nualláin)

Да будем мы здоровы, говоря так, никакие тяготы и невзгоды не могут сравниться с той жизнью, которую устроил нам Амброзий в течение следующих двух недель.

Букв.: Здоровье / благополучие (в то время) как говорится это (...)

Если говорить о суеверии, которым, вероятно, объясняется то, что в языке сложилось такое регулярное употребление формул бенефактивного пожелания при оценке, и пытаться отыскать аналоги этого в русском, то можно указать, к примеру, на сопровождающую формулу *не к ночи будь помянут* в ее первичном значении.

В то же время структуры небенефактивного пожелания (проклятия) при отрицательной оценке возможны как в русском, так и в ирландском языке и встречаются, очевидно, с приблизительно одинаковой частотностью, например:

Gach gadaí níos measa ná a chéile. Croch ard lá gaoithe chucu! (S. Mac Mathúna)

Разбойники все один другого хуже, высокой им висслицы в ветренный день!

7 2 2 2
– Вот / сволочь // пога нец // чтоб... тебя... черти драли //

(Для русского языка не менее характерно и использование структур проклятия при положительной оценке, осложненной эмоцией восхищения: –

/ 7

Красиво говорит / мать его за ногу //).

Однако здесь возникает вопрос о степени самостоятельности конструкций в пределах высказывания. Как показывает материал, структуры проклятия, как правило, достаточно самостоятельны, и, хотя они с конструкциями отрицательной оценки, несомненно, тяготеют друг к другу и часто оказываются рядом, далеко не всегда есть основание для того, чтобы рассматривать при этом одну из них в качестве сопровождающей формулы.

ФОРМУЛЫ КЛЯТВЫ

В ирландском языке при выражении качественной оценки (как положительной, так и отрицательной) достаточно обычны десемантизированные формулы клятвы: m'anam (go), ar m'anam (féin), dar m'anam, m'fhocal duit, am briathar, dar an leabhar, ar mo leabhar breac, dar fia и др. ('моя-душа (что)', 'на мою-душу (собственную)', 'согласно моей-душе', 'мое-слово тебе', 'мое-слово', 'клянусь книгой', 'клянусь моей пестрой книгой' и др.), например:

M'anam gur maith a rinne sibh.

Ей-богу, они хорошо поступили.

Букв.: Моя-душа, что хорошо которое сделали они.

M'anam, is cгua an obair í.

Ничего не скажешь, тяжелая работа.

Букв.: Моя-душа, есть трудная работа она.

M'anam, nach tú atá infleachtach!

Надо же, какой ты умный!

Букв.: Моя-душа, не есть ли ты который есть умный!

Stad sé ag caint leis an seanduine agus, ar m'anam, Gaeilge a bhí á labhairt acu – Gaeilge láidir bhinn a chuir draíocht ar mo chluas. (D. Ó Céiteachair) Остановился он поговорить со стариком и, Боже мой, на каком ирландском они говорили! – на мощном, красивом ирландском, который чаровал мой слух.

Букв.: *Остановился он у разговора со стариком и, на мою-душу, гэльский который был их говорение у-них – гэльский сильный звучный который клал волшебство на мое ухо.*

Bhí Páidín romhainn agus m'fhocal duit nach aon chuma fhónta a bhí air.

Перед нами был Падди, и, даю вам слово, видок у него был не из лучших.

Букв.: *Был Падди перед-нами и мое слово тебе что не-был никакой облик хороший который был на-нем.*

Возможно и сочетание из нескольких сопровождающих формул при оценочной структуре:

Dar fia is í a bhí ag breathnú go hálainn, bail ó Dhia is ó Mhuire uirthi. (D. Mac Amhlaigh)

Честное слово, она выглядела потрясающе, благослови ее Бог,

Букв.: Клянусь Богом (эвфемистическая замена по созвучию: *Dia* – 'Бог', *fia* – 'олень'), есть она которая выглядела красиво, благополучие от Бога и от Марии на-нее.

Однако наряду с этим возможно и явление другого рода. Ирландский язык располагает такими конструкциями клятвы, как *mura... / nó ní lá go fóill é / ní lá go maidin é* ('если не... / или сейчас все еще не день / до утра все еще не день'), ср. русск.: "Я не я буду, если...не...". Данные структуры интересны для нас тем, что, помимо типичной для них функции клятвы, способны выполнять роль интенсификатора в оценочной конструкции:

(...) agus mura raibh 'time'¹ againn, ní lá go maidin é. (D. Mac Amhlaigh)

(...) и уж мы гульнули так гульнули!

Букв.: *...и если-не было 'время' у-нас, не день до утра это.*

Mura raibh spórt ann ní lá go fóill é.

Вот это была потеха так потеха!

Букв.: *Если-не было развлечение там не день еще это.*

De chláracha déil a bhí láthair an rince déanta, tar éis bailiúcháin a dheineadar ina chomhair ar fud an pharóiste. Bhí síl do dhá sheit air, agus

¹ Курсивом выделены спонтанные английские заимствования в ирландской речи.

ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫЕ САКРАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ

Термин “сакральные формулы” в достаточной степени условен; он избран нами в силу того, что приводимые ниже конструкции, которые в данный момент интересуют нас с точки зрения их функционирования как формул, сопутствующих оценке, употребляются самостоятельно в различных значениях, но прежде всего как молитвенные формулы.

ФОРМУЛА “BUÍOCHAS LE DIA” / “СЛАВА БОГУ”

Структура “buíochas le Dia” (“слава Богу”) и ей подобные (например, “buíochas mór le Dia na glóire” – “благодарение Всевышнему”) в ирландском языке часто сопровождает положительную оценку, например:

Maidin álainn, buíochas le Dia.

Утро, слава Богу, отличное.

Букв.: *Утро красивое, благодарность с Богом.*

An aimsir go breá, buíochas le Dia.

Погода, слава Богу, прекрасная.

Букв.: ART погода прекрасно, благодарность с Богом.

Ag mothú thar cionn, buíochas le Dia.

Самочувствие, слава Богу, великолепное.

Букв.: *У самочувствия великолепно, благодарность с Богом.*

В русском языке многозначная структура “слава Богу” может встречаться в качестве сопутствующей формулы при качественной и количественной оценке, а также и с другими целеустановками, и значение ее в этом случае в широком смысле может быть определено как констатация бенефактивности ситуации, например:

– Ну / но жки-то у меня ничего / слава Богу // Можно и мини-юбку носить //

– Вчера удачно добрались / слава Богу //

– Да моя мама не будет ею (стиральной машиной) пользоваться //

Моей маме / семьдесят два го да // слава Богу //

С другой стороны, та же структура в русском языке может входить в высказывание, формируя значение ‘хорошо’ или ‘много’ и не являясь уже в таком случае сопутствующей формулой, например:

– Материала / у него собрано слава Богу //

– С деньгами / у нас пока все слава Богу //

– Ну / фигурка у нее / слава Богу //

6 1
– Грамма тiku он знает / слава Богу //.

6 3¹
– Ведь если взять ирландский до девятого вска / там то же много
1 2 2
любопытного найдется // В смысле мерзкого // В системе глагола
особенно //

1 2
– Правильно // И у готов //

1 6 2
– Нет / как раз у готов / еще слава Богу все //

Регулярность этого значения позволила возникнуть в разговорной речи употреблению “у нее всегда все не слава Богу” (это стало возможным именно благодаря типичности употребления конструкции *слава Богу* в значении ‘хорошо’).

ФОРМУЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СПАСИ НАС БОГ’

В ирландском языке имеется ряд многозначных структур, которые, в частности, функционируют в качестве сопутствующих формул при оценке. Эти структуры достаточно разнообразны, но условно их общее значение можно сформулировать как ‘спаси нас Бог’, например:

... agus, go dtarrthaí Dia sinn, dá bhfeicteá an comhluadar a bhíos istigh ann!

... и, спаси нас Бог, видели бы вы то общество, которое там собиралось!

Букв.: ... и, да спасет Бог нас, если видел-бы-ты (то) общество которое было внутри там!

Go dtarrthaí Mac Dé sinn, ba é díol an diabhair ceart é.

Да поможет нам Сын Божий, это было просто что-то адское.

Tá lámha air, go dtarrthaí Dia sinn, atá chomh mór le ccann sluasaide.

Ручищи у него, спаси нас Бог, каждая величиной с лопату.

Cuireadh an oiread sin fáilte romham, go dtarrthaí Dia sinn, is dá mbeinn imithe go Meiriceá.

Меня встретили с такой радостью, спаси нас Бог, словно я уезжал в Америку.

Tá Pat’s Café trasna na cearnóige ón *Jolly Smokers*: proinnteach beag suarach cile agus, go dtarrthaí Dia sinn, dá bhfeicteá an comhluadar a bhíos istigh ann Dé Sathairn nuair a bhíos an margadh ar siúl! Deamhan a leithéid de chomhthionól ó bhí Ali Baba agus a dhá scór gadaí ag imeacht. (D. Mac Amhlaigh).

Féach an scaimh sin air.

Вот ухмыляется!

Букв.: *Смотри ART ухмылку эту на-нем.*

Ní mar a chéile iad agus an mhuintir thuaidh, féach an t-anam atá iontusan. (P. Ua Maoileoin).

Они совсем не то, что северяне, – те вон как бойко держатся!

Букв.: ...*смотри задор который-есть в-них-EMPH.*

Говоря о конструкции с *féach*, следует отметить, что структура волеизъявления с глаголом *féach* ('смотреть'), аналогичная русской *посмотри на это*, в ирландском языке формируется иначе, а именно – при помощи предлога *ar* ('на'). Таким образом, структура *féach air sin* – *посмотри на это*, букв.: 'смотри на-это вот' (просьба, привлечение внимания) противопоставлена структуре *féach sin anois* – *вот ведь что творится!*, букв.: 'смотри это сейчас' (оценка, удивление, возмущение). Следует отметить, что структура *féach* + прямой объект служит еще для передачи значения 'взять хоть / возьми хоть / вон хоть + объект': *Féach Páidí Connog* (букв. 'Смотри Падди Коннора') – "Возьми вон хоть Падди Коннора (для примера)". В последнем случае структура сама по себе не имеет оценочной составляющей.

Структура с *dearc ar* ('смотри на') также многозначна, причем, в отличие от структуры *féach* + прямой объект может передавать и волеизъявление.

Ach dearc ar Hermann!

А каков Германн! (А.С. Пушкин).

Букв.: *Но посмотри на Германна!*

Глаголы зрительного восприятия *féach* и *dearc*, входя в состав оценочных структур, стоят в форме императива 2 л. ед.ч. и не изменяются (в то время как при выражении волеизъявления, адресованного двум или нескольким лицам, используется форма множ. числа императива).

Таким образом, формальный аналог русского "смотри" в ирландском языке выполняет роль интенсификатора в оценочной структуре. В русской оценке конструкции с формами глаголов зрительного восприятия ("смотри", "гляди" и др.) функционируют в качестве сопровождающих формул.

я смотрю, как я погляжу (последняя – более сниженная; сочетаются как с положительной, так и с отрицательной оценкой; используются при первом восприятии говорящим самого слушающего или же объектов оценки, входящих, по мнению говорящего, в личную сферу слушающего):

2 1
– А вы тут ничего живете / я смотрю //

6 1² 1
– А у вас тут е сть что пое сть / как я погляжу //

6 1 2
– Блин / я смотрю / какие у вас дома -то здесь новые понастроили //

– А он у тебя тут неплохо хо устроился // прижился / я смотрю //
 (ты / вы) смотри(те)(-ка), (ты / вы) гляди(те)(-ка) (могут быть использованы как при положительной, так и при отрицательной оценке; вторая из этих формул носит более сниженный характер; в самом общем виде значение этих конструкций сводится к отражению воздействия ситуации на говорящего):

– Ты смотри / какой шустрый //

– Смотри какая сволочь //

– Смотри-ка / ведь от горшка два вершка / а туда же //

– Глядите какая фря / нашла сь //

Не следует смешивать сопровождающие формулы с десемантизированными глаголами зрительного восприятия и конструкции волеизъявления с полнозначными глаголами *смотреть*, *глядеть*, *глянуть* и др., например:

– Глянь-ка / морда-то / поперек себя шире //

где говорящий в буквальном смысле предлагает слушающему посмотреть на объект оценки и убедиться, что тот обладает названной характеристикой.

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ГОВОРЕНИЯ

Уже рассматривавшиеся нами выше (в связи с формулами клятвы) две ирландские конструкции с глаголами говорения (*tá mise a rá leat* ('говорю я тебе') и *geallaimse duit* ('ручаюсь тебе') функционируют как сопровождающие формулы.

В то же время в ирландском языке имеется периферийная оценочная структура *deirimse* + объект оценки + *leat* (говорю-я-ЕМРН + объект оценки + тебе):

Deirimse mairteoil leat!

Вот это говядина, вот это я понимаю!

Букв.: *Говорю-я говядина тебе!*

Is ar an mbóthar a bhíodh seiteanna á rince acu roimis sin, ach ní raibh aon bhreith ag an mbóthar ar an adhmad. Bróga tairní agus cruite fé shála, agus deirimse ramsach leat! (P. Ua Maoileoin).

Прежде танцы устраивали прямо на дороге, но где там дороге сравниться с деревянным помостом! Сапоги, подбитые гвоздями, подковки на каблуках, – и уж такие начинались курбеты и антраша!

Букв.: *...и говорю-я антраша тебе!*

Вместе с тем конструкция *deirimse leat* (говорю-я тебе) может выступать и просто как сопровождающая формула при другой оценочной структуре, например:

Níor bhraith an dream amuigh faic a' bharrá nó go raibh sé tagtha aniar aduaidh orthu lena chleith ailpín, agus deirimse leat mura bhfuair eadar sna baotháin uaidh é, deas agus clé! (P. Ua Maoileoin).

Компания на улице ничего не подозревала, пока он не подкрался к ним со своей дубинкой, да как пошел молотить их по бокам, направо-налево!

Букв.: ...и говорю-я тебе если-не получили-они в бока от-него это, направо и налево.

Deirimse leat gur deas mar tháinig mo Dhaid i gcabhair air. (P. Ua Maoileoin).

А хорошо папаша его выручил, я тебе скажу!

Букв.: Говорю-я тебе что отлично как пришел мой папаша в помощь ему.

Русский язык располагает многочисленными конструкциями с глаголами говорения, которые могут функционировать в качестве сопровождающих формул при оценке. Приведем некоторые из них:

хочу я тебе / вам сказать (сочетается с рядом других целеустановок, помимо оценки; встречается как при положительной, так и при отрицательной оценке; формально указывает на то, что оценка дана не спонтанно, а по некотором размышлении)

6 1
– Ну и жарыща тут у вас / хочу я вам сказа ть //

6 3
– Де ло-то / дря нь / хочу я вам сказа ть //

6 2³
– Ну ты // хочу я тебе сказа ть // тала нтище //

скажу я тебе / вам или я тебе / вам скажу (сочетается не только с оценочными структурами; может выступать как при положительной, так и при отрицательной оценке;)

1 1 / 3²
– Да-а ребята / скажу я вам / имена тут такие // с налету не за-
1
помнишь //

2³ 1 1
– Круто он взял / с места в карье р // скажу я вам //

1 1
– Да-а / скажу я вам / Дела-а //

6 2 \\
– Все эти коммента рии / я тебе скажу / гроша ломаного не стоят //

что и говорить (может сопровождать самые разные целеустановки; может выступать как при положительной, так и при отрицательной оценке; значение данной конструкции – констатация объективного наличия признака):

\ 7 1
– Поганая история вышла / что и говорить //

– $\overset{2^3}{\text{Ничего}} \text{ не скажешь} / \overset{1^2}{\text{глупова}} \text{ то вышло} // - \overset{4}{\text{Ловко}} \text{ сработано} /$
 $\overset{2}{\text{ничего}} \text{ не скажешь} //$ (положительная и отрицательная оценка)

– $\overset{1}{\text{Да}} / \overset{\text{б}}{\text{хороший}} \text{ он немецкий городок} \overset{1}{\text{описал}} / \overset{2}{\text{ничего}} \text{ не скажешь}$
 // (положительная и отрицательная оценка)

скажу не хвастаясь (может выступать при структурах положительной оценки в том случае, если объект оценки входит в личную сферу говорящего). Так, высказывание:

– $\overset{6}{\text{Скажу}} \text{ не хва} \overset{2}{\text{стаясь}} / \text{обед удался} //$

предполагает, что говорящий имел непосредственное отношение к приготовлению обеда. Комический эффект возникает в том случае, если говорящий не имеет отношения к объекту оценки, но в порядке языковой игры создает образ человека, без стеснения приписывающего себе чужие заслуги.

не в обиду (тебе, ему, никому...) **будь сказано** (функционирует в качестве сопровождающей формулы при структурах отрицательной оценки).

При употреблении в прямом значении данная формула подразумевает, что говорящий затрагивает своей отрицательной оценкой личную сферу слушающего (третьего лица, неопределенно широкого круга лиц) и введением данной формулы стремится смягчить свое высказывание:

– $\overset{6}{\text{Он}} / \text{не в обиду} \overset{6}{\text{ему}} \text{ будь ска} \overset{3^2}{\text{зано}} / \text{довольно-таки} \text{ не далекий}$
 товарищ //

– $\overset{1}{\text{Короче}} \text{ эти две} \overset{6}{\text{девицы}} / \text{такие} \overset{1^2}{\text{туши}} / \text{такие} \overset{1^2}{\text{две тумбы}} / \text{не в}$
 $\overset{1}{\text{обиду}} \overset{6}{\text{никому}} \text{ будь ска} \overset{1^2}{\text{зано}} // \text{Сидят} / \text{две лягухи} \text{ такие} //$

чтоб не сказать хуже, чтоб хуже не сказать (формула, усиливающая эмоциональную составляющую при выражении отрицательной оценки; на формальном уровне имеет смысл 'я мог бы употребить и более сильное слово, но сдержусь'):

– $\overset{6}{\text{Ты}} \text{ знаешь} / \overset{6}{\text{по-моему}} \text{ он} / \overset{6}{\text{чтоб}} \text{ не сказать} \text{ хуже} /$

$\overset{\text{б}}{\text{больша}} \text{ я} \overset{2\backslash}{\text{сволочь}} //$

не говоря дурного слова (редкая периферийная формула со значением, близким к значению предыдущей):

...Ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож, ей-богу! (Н. В. Гоголь)

– Это не коллеги / это какие-то / не говоря дурного слова /
² / ⁶ / ⁶
 стервятники //

я ничего не хочу сказать, но... (формула, призванная смягчать отрицательную оценку)

– Я ничего не хочу сказа⁶ть / но⁶ по-мо^У ему кое-кто¹ порядочный га д//

– Я ничего не хочу сказа⁶ть / но³ безработных бас-гитаристов² везде /

как грязи // (количественная оценка со значением ‘много’)

Формула чаще встречается в молодежной речи и в приведенном виде содержит эллипсис: “я ничего не хочу сказать *плохого*, но...”.

не тем будь помянут (формула может быть причислена к периферийным; она принадлежит к речи людей старшего поколения и выступает только при отрицательной оценке лица, непременно покойного, и, как правило, при условии, что имело место личное знакомство дающего оценку с этим лицом)

Антонина моя, – правда, не тем будь помянута, – чуть что, разинет варежку и орать. (к/ф “Молодая жена”)

не к ночи будь помянут (выступает при конструкциях отрицательной оценки)

– Сатанисты / не к ночи⁶ будь помянуты¹ / это жуткая се кта // а вот^{1²} / ^{1²}
⁶ / ² / ⁶

эти вот / “вселе нцы” / или как их там / они же // относительно³

безобидные //

Наряду с этой функцией, которую мы бы назвали первичной, та же конструкция может вносить отрицательную оценку как оттенок значения в другие целеустановки, например:

– В этом ток-шоу / мало того / выступал ведь Жириновский / не к⁶
¹
ночи¹ будь помянут //

– Так у Ларса фон Триера еще же эти / последние фильмы есть //
¹ / ⁶ / ³
не к ночи¹ будь помянуты // “Танцующая в темноте-е-е” //

В двух последних высказываниях, если опустить оборот “не к ночи будь помянут(ы)”, произойдет мена целеустановки и все высказывание превратится в констатацию; следовательно, “не к ночи будь помянут” вы-

ступает здесь не в роли сопровождающей формулы, но как независимая конструкция.

При прямом употреблении эта формула подразумевает хорошо осознанное естественными носителями языка пожелание, чтобы объект отрицательной оценки не явился участникам речевой ситуации ночью (во сне или же в виде призрака), и применение ее ограничено определенным временем суток (вечерним). В оценочном же значении (а также в ситуации языковой игры) эта семантика стирается и, соответственно, снимается временное ограничение на употребление.

Таков далеко не полный список русских сопровождающих формул с глаголами говорения, которые могут выступать при оценочных структурах; однако, несмотря на такое их обилие, только одна из них (*не к ночи будь помянут*) способна внести оценочное значение в другие целеустановки, и ни одна из них сама по себе не может сформировать целеустановку оценки.

Таким образом, основные выводы касательно отличий в составе русских и ирландских формул, сопутствующих оценке, которые позволяют нам сделать анализ материала на данном этапе исследования, сводятся к следующему:

– в ирландском языке структуры оценки регулярно сопровождаются десемантизированными бенефактивными пожеланиями, что в принципе мало свойственно русскому языку; вместе с тем формулы бенефактивного пожелания могут служить в русском языке самым выражением оценки;

– формулы клятвы, как и формулы выражения уверенности, в русском языке, в отличие от ирландского, появляясь при структурах оценки, не десемантизируются, а по-прежнему передают свое собственное значение;

– часть десемантизированных сакральных формул, играющих в ирландском языке активную роль при сопровождении оценки, для русского языка нехарактерна; имеющиеся в русском языке формальные аналоги этих структур принципиально отличаются от ирландских сакральных формул по своей функции: в то время как ирландские формулы просто сопровождают оценку, их русские эквиваленты интенсифицируют структуру, т.е. сами участвуют в формировании значений качественной или количественной оценки;

– в группе конструкций с глаголами говорения и с глаголами зрительного восприятия, напротив, ряд ирландских структур выполняет роль интенсификатора, тогда как их русские аналоги могут служить только сопровождающими формулами и не способны самостоятельно формировать целеустановку оценки.

Литература

Безяева М. Г. "Как вам сказать?" (об участии конструкций с глаголами речи в формировании коммуникативной целеустановки высказывания)// Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1997. № 2.

Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Брызгунова Е. А. Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М. 1982.

Список используемых художественных произведений

- Гоголь Н. В. Пьесы. М., 1983.
Пушкин А. С. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. М., 1985.
Mac Amhlaigh, Dónall. Dialann Deoraí. BÁC, 1969.
Mac Annaidh, Séamas. Cuaifeach mo Londubh Buí. BÁC, 1995.
Mac Mathúna, Seán. Banana. BÁC, 1999.
Mac Mathúna, Seán. Ding agus scéalta eile. BÁC, 1983.
Máire (Ó Grianna, Séamus). Fallaing Shfoda. BÁC, 1956.
Máire (Ó Grianna, Séamus). Ó Nearnh go hÁrainn. BÁC, 1953.
Myles na gCopaleen (Ó Nualláin, Brian). An Béal Bocht. BÁC, 1999.
Ní Chéileachair, Síle; Ó Céileachair, Donncha. Bullaí Mhártain. BÁC, 1978.
Ua Maoileoin, Pádraig. Bríde Bhán. BÁC, 1989.